

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ)

Вестник ВЭГУ

Научный журнал
по социально-экономическим,
общественным и
гуманитарным наукам

№ 2 (88)

Март – апрель 2017 г.

Издается с ноября 1995 г.
Выходит один раз в два месяца

Издатель:

Восточная экономико-
юридическая
гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ)

Редакционный совет журнала:

Председатель редсовета
Е.К.МИННИБАЕВ
(гл. ред. журнала)
д-р ист. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

зам. председателя редсовета
С.В.ЕГОРЫШЕВ
(зам. гл. ред. журнала)
д-р социол. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

М.Х.АБУСЕИТОВА
д-р ист. наук, профессор,
чл.-кор. Национальной АН
Республики Казахстан
(г. Алматы, Республика
Казахстан)

АЛИЦА ВАНЧОВА
д-р пед. наук, профессор
(г. Братислава,
Словацкая Республика)

С.А.БАЛАШЕНКО
д-р юрид. наук, профессор
(г. Минск, Республика Беларусь)

ВИРДЖИНИЯ Ф.КЛИСТ
канд. экон. наук, профессор
(г. Моргантаун, США)

СОДЕРЖАНИЕ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

(педагогика, социология, юриспруденция)

Гарипов М.И., Егорышева Н.В.
Формирование и развитие антикоррупционного
мировоззрения у обучающихся5

Емелин С.М.
Развитие нормативной правовой базы
по борьбе с преступностью и обеспечению
общественного порядка в условиях
конверсии (1945–1953 гг.)12

Ефремова-Шершукова Н.А.
Немецкое национальное образование
в Казахстане в 1950–1980-х годах:
проблемы становления и развития22

**Жигунова Г.В., Афонькина Ю.А.,
Кузьмичева Т.В.**
Инклюзия как фактор солидаризации
современного российского общества30

Зайнетдинов Ш.Р.
Тенденции сдвигов в социальной структуре
города в условиях форсированной
модернизации российского общества
(вторая половина 1920-х–1930-е гг.)36

**Калимуллина Э.Р., Самарина Е.А.,
Петрова А.Д.**
Современное экономическое пространство
социальной защиты населения45

Р.Ф.ГАБИДУЛЛИН канд. пед. наук, доцент (г. Уфа, Республика Башкортостан)	
М.И.ГАРИПОВ д-р пед. наук, профессор, (г. Уфа, Республика Башкортостан)	
Х.Н.ГИЗАТУЛЛИН д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Уфа, Республика Башкортостан)	
Ю.Ю.КОМЛЕВ д-р социол. наук, профессор (г. Казань, Республика Татарстан)	
Т.Н.НУРКАЕВА д-р юрид. наук, профессор (г. Уфа, Республика Башкортостан)	
И.Л.ПРОКОПЧИК-ГАЙКО канд. пед. наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)	
Н.Н.РАЗУБАЕВА д-р ист. наук, профессор (г. Москва, Россия)	
З.Я.РАХМАТУЛЛИНА д-р филос. наук, профессор (г. Москва, Россия)	
В.К.САМИГУЛЛИН д-р юрид. наук, профессор (г. Уфа, Республика Башкортостан)	
ХАЯТИ ТЮФЕКЧИОГЛУ д-р социол. наук, профессор, вице-президент Евразийского союза социологов (г. Стамбул Турецкая Республика)	
Редколлегия выпуска:	
С.В.ЕГОРЫШЕВ, отв. редактор, д-р социол. наук, профессор	
Ф.Б.БУРХАНОВА, д-р социол. наук, профессор	

Круль А.С. Информационная структура ценностных ориентаций социальных общностей: анализ и социальные проявления	54
Нуркаева Т.Н., Диваева И.Р. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан по действующему российскому законодательству	67
Рахматуллин Р.Ю. Образ как компонент педагогического пространства	78
Самигуллин В.К. О нормативном и ненормативном в праве и правовом регулировании	88
Скалина А.Н. Правовые основы оказания образовательных услуг	97
Царева Р.Ш., Баринова Н.Ю., Царев С.А. Деонтологические аспекты дидактических игровых стратегий в педагогическом образовании	102

ЗА РУБЕЖОМ

Ростовская Т.К., Сулейманов А.Д. Жизнеспособность кросскультурных браков в России и Азербайджане	110
Шкурова Е.В. Социальные детерминанты и правовые аспекты взаимодействия светских и религиозных институтов в образовательном процессе	117

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Мелешкина М.С. Понимание текста как междисциплинарная проблема научного исследования	128
Овчинников В.В. Проблемные вопросы обеспечения защиты прав потерпевшего и пути их решения в уголовном судопроизводстве на современном этапе	134

И.Г.БОРОНИЛОВА,
канд. пед. наук, доцент

М.И.ГАРИПОВ,
д-р пед. наук, профессор

Ю.В.МЕДВЕДЕВ,
канд. юрид. наук, доцент

Г.В.МОРДВИНЦЕВ,
канд. ист. наук, доцент

Э.А.САЛИХОВА,
д-р филол. наук, профессор

В.К.САМИГУЛЛИН,
д-р юрид. наук, профессор

Ю.В.СИРЕНКО,
канд. пед. наук, доцент

А.И.АХМАДЕЕВА,
отв. секретарь журнала

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых

коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65399
от 18.04.2016 г.

Журнал включен ВАК
Минобрнауки РФ в перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий,
в которых должны
публиковаться основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на
соискание ученой степени доктора
наук по следующим группам спе-
циальностей:
13.00.00 – педагогические науки
22.00.00 – социологические
12.00.00 – юридические науки

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписной индекс в каталоге
агентства «Роспечать»
81410

Фатхутдинова А. А.

Феномен геймерства в современном обществе ...139

Шуматов Ю.Т.

Пути преодоления противодействия расследованию
со стороны отдельных участников уголовного
судопроизводства при производстве
отдельных следственных действий144

ЛЮДИ И ДАТЫ

Нарский И.В.

Октябрьская революция 1917 года в советской
и российской коллективной памяти151

«Передовой боец славянофильства»
(о жизни, трудах и наследии К.С.Аксакова)164

Первый Председатель Конституционного
Суда Республики Башкортостан173

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Капишева Т.Ю.

Миноритарные тюркские народы России:
кряшены Приволжско-Предуральяского
региона (краткая история, проблемы
социолингвистического изучения
и этнокультурной ревитализации)176

Российская Революция 1917 года
в истории Башкортостана182

Ответственность за достоверность информации, содержащейся
в статьях, несут их авторы, мнения
которых могут не совпадать
с точкой зрения редакции.
Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами
в соответствии с Законом РФ
«О средствах массовой
информации». При перепечатке
материала ссылка
на «Вестник ВЭГУ» обязательна
Уфа
2017

Редактор: Г.А.Рахимова
Компьютерная верстка:
А.В.Бабенкова
Перевод: Д.А.Галиева

Подписано в печать 24.04.2017 г.
Формат 60×90 ¹/₈.
Уч.-изд. л. 24,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 54.

Адрес редакции:
450071, г. Уфа,
ул. Менделеева, 215/4
Тел. (347) 241-55-56
web-сайт: www.vestnik.vegu.ru
e-mail: vestnik@vegu.ru

Типография Восточной экономико-юридической гуманитарной академии
(Академии ВЭГУ).
450105, г. Уфа, ул. М.Рыльского, 9/1

© Восточная экономико-юридическая
гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ), 2017

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ (педагогика, социология, юриспруденция)

УДК 376.64

М.И.Гарипов, Н.В.Егорышева

Формирование и развитие антикоррупционного мировоззрения у обучающихся

Статья посвящена постановке и рассмотрению проблем формирования и развития антикоррупционного мировоззрения у обучающихся общеобразовательной школы в целостном педагогическом процессе, анализу благоприятных условий и трудностей реализации этой работы.

Ключевые слова и фразы: обучающиеся, мировоззрение, коррупция, правосознание, антикоррупционное мировоззрение, система формирования и развития антикоррупционного мировоззрения, междисциплинарная связь.

M.I.Garipov, N.V.Egorysheva

Formation and Development of Anticorruption Worldview Among Students

The article is devoted to the formulation and consideration of the problems of the formation and development of anticorruption worldview among the students of the general education school in a holistic pedagogical process. It analyzes the experience of general education organizations of various levels (pre-school educational organizations, primary school, senior classes).

Key words and phrases: students, worldview, corruption, legal consciousness, anti-corruption worldview, system of formation and development of anticorruption worldview, inter-subject link.

В последнее время особое внимание общества приковано к проблемам коррупции, взяточничества и воровства со стороны представителей государственных служащих различных рангов. Многочисленные примеры показывают, что данный процесс приобретает не только массовый, но и угрожающий для общества характер.

Возникает вопрос как об истоках, причинах этого социально опасного явления, так и о том, как ему противостоять с целью минимизации масштаба распространения

Гарипов Марсель Исмагилович, профессор кафедры педагогики и филологии Института психологии и социально-культурной работы Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), доктор педагогических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: sirenko_u@vegu.ru

Егорышева Нина Владимировна, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат политических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: egorysheva@mail.ru

© Гарипов М.И., Егорышева Н.В., 2017

и разрушающего проявления последствий. Но главное, подходя к решению этого вопроса, видимо, необходимо определиться с тем, с чего следует начинать. А начинать необходимо с создания системы целенаправленной работы по воспитанию у людей всех возрастов антикоррупционного мировоззрения и правосознания, с формирования позиций активного неприятия мздоимства, вымогательства и других проявлений, составляющих коррупцию.

Прежде чем говорить о формировании антикоррупционного мировоззрения у обучающихся в различных образовательных учреждениях остановимся тезисно на особенностях восприятия общественным сознанием явления коррупции и оценок ее проявления, в том числе в образовательных учреждениях.

Следует сразу же подчеркнуть, что в общественном сознании как на региональном, так и на общенациональном, федеральном уровне, сформировалось преимущественно информационное представление о коррупции, которое естественно отличается в сторону уменьшения или смягчения от реального положения дел. Это объясняется, во-первых, высоким уровнем латентности коррупционных деяний, во-вторых, чрезмерным мусированием фактов коррупции средствами массовой информации, в-третьих, сложившейся практикой решения целого ряда вопросов, включая управленческие, в-четвертых, привыканием людей к проявлениям коррупционного поведения. Вместе с тем проявления мздоимства, включая и те, которые квалифицируются как преступления, продолжают расти. Так, в целом по стране в 2016 году было зарегистрировано 32924 преступления коррупционной направленности, что на 1,4 % больше, чем в 2015 году (32455 фактов). В 2014 году преступлений коррупционной направленности в стране было совершено 32204.

В Республике Башкортостан в 2016 году выявлено 827 коррупционных преступлений, что на 22,2 % (150 деяний) больше уровня 2015 года (677 преступлений) [1; 2; 3].

Сказанное в контексте рассматриваемой в статье проблемы позволяет подчеркнуть три аспекта. Первый – решение задачи создания системы целенаправленной работы по формированию у обучающихся в образовательных учреждениях, то есть у детей, подростков и юношества, антикоррупционного мировоззрения происходит и должно осуществляться далее в очень непростых, неблагоприятных условиях – условиях расширения масштабов коррупции, ее проявлений во всех сферах общественной жизни, включая сферу образования, то есть среду, непосредственно окружающую обучающихся.

Так, согласно результатам социологического мониторинга, проводимого ежегодно в Республике Башкортостан социологической лабораторией Академии ВЭГУ под руководством профессора С.В.Егорышева, в общественном сознании укоренилось мнение о том, что коррупция широко распространена во всех сферах и институтах общества и государства. В 2014 году так думали 41,5 % опрошенных, в 2015 году – 42,8 %, а в 2016 году – 33,1 % респондентов. При этом только каждый пятый опрошенный в 2015 году (20,6 %) и в 2016 году (20,4 %) считали, что коррупцию победить можно, но для этого нужна политическая воля и решительные действия властей и общества. Более трети респондентов (35,0 % в 2015 году и 34,9 % в 2016 году) полагали, что коррупцию победить невозможно, можно лишь снизить ее уровень и сузить масштаб. Далее, 22,8 % опрошенных жителей региона в 2015 году и 28,0 % в 2016 году думали, что коррупцию в нашей стране победить невозможно.

Соответственно 16,4 % и 21,9 % респондентов затруднились с ответом. Оценивая уровень коррумпированности в конкретных сферах и институтах российского общества и государства, респонденты систему образования поставили в 2014 году на пятое место (15,6 %), в 2015 году – на третье место (28,3 %) и в 2016 году – на четвертое место (19,6 %) из 15 оцениваемых субъектов.

Умозрительность этих оценок очевидна, но коррупционные проявления, к сожалению, образовательные учреждения не обошли стороной, чему есть вполне определенные причины, о которых речь пойдет дальше.

Второй аспект, затрудняющий решение поставленной задачи – отсутствие в обществе не только выраженного ощущения остроты пагубности коррупции и активного неприятия ее проявлений, но и наличие некоторой терпимости к коррупционному поведению. Несмотря на рост числа преступлений коррупционной направленности, что закономерно отражается на состоянии общественного сознания, высокого уровня тревожности не наблюдается. Так, по данным упомянутого социологического мониторинга, можно судить об остроте проявления коррупции по мнению респондентов: 42,3 % опрошенных в 2016 году жителей региона считали, что коррупция в органах власти и управления носит острый характер, при этом половина из них – 20,7 % – полагали, что проявления коррупции не столь остры, как об этом говорят и пишут, а 8,6 % считали, что остроты этой проблемы нет и 28,4 % (почти каждый третий) затруднились ответить. Что касается коррупции в органах социальной защиты, то при 33,2 % воздержавшихся с оценкой, 32,5 % опрошенных полагают, что проявления здесь носят острый характер, а 23,8 % думают, что об остроте проблемы больше говорят, чем это есть на самом деле. Соответственно умозрительно выглядят оценки эффективности противодействия коррупции: только 9,6 % опрошенных считают ее высокой, 20,0 % – средней, 22,5 % – низкой, 17,3 % отметили вообще отсутствие какой бы то ни было эффективности и также треть затруднились ответить (30,0 %). Значительное количество затруднившихся с ответами на вопросы о коррупции связано с весьма скрытым характером ее проявлений, недостаточностью информации о ходе повседневной борьбы с ней, именно повседневной, а не эпизодических громких разоблачений.

Третий аспект заключается в том, что на сегодняшний день не только на уровне всего общества, но и его институтов, включая образование и его учреждения, не сложилось системы противодействия коррупции, составляющим элементом которой стало бы формирование антикоррупционного мировоззрения, прежде всего у молодого поколения. Слабым выглядит и взаимодействие между собой институтов, по определению призванных формировать такое мировоззрение (семья, школа, детские и молодежные организации, правоохранительные структуры). Напротив, как показывает практика, эти институты в своем воздействии на обучающихся нередко противоречат и мешают друг другу. Поэтому проблема формирования у обучающихся антикоррупционного мировоззрения становится не только правовой, но и педагогической.

Остановимся на педагогической стороне рассматриваемой проблемы. Формирование антикоррупционного мировоззрения как злободневная задача современного российского общества – явление для педагогики сравнительно новое. Вместе с тем испокон веку педагоги всегда стремились воспитать у своих учеников честность, порядочность, чистоплотность в общении с другими людьми. Кодексы про-

фессиональной морали также акцентировали внимание на соблюдении этих нравственных норм в процессе профессиональной деятельности. Ж.Ж.Руссо отмечал, что «честность еще дороже порядочным людям, чем ученость людям образованным», а Жорж Санд подчеркивала: «честность умирает, когда продается» [4, с. 723]. Естественно во все времена проблем и здесь было не мало, но они не носили столь масштабного характера.

С возрастающими размерами коррупции как с угрозой национальной безопасности страны, российское общество столкнулось с момента становления рыночных отношений, с превращения целого ряда видов социально полезной и необходимой деятельности, включая государственную службу, в разновидность бизнеса, а образования – в сферу оказания услуг.

В результате в самих образовательных учреждениях в силу недостаточности бюджетного финансирования, отсутствия на законодательном уровне запрета на привлечение для образовательных целей дополнительных материальных, включая денежные, средств со стороны (спонсорская помощь и т. п.) и декларативного характера положения о равнодоступности качественного образования в школах получила распространение практика взимания с родителей учащихся вступительных, систематических, единовременных сборов денежных сумм, создания так называемых общественных фондов, обязательного (по инициативе родителей обучающихся) вознаграждения (благодарность) администрации и учителям за репетиторство, за зачисление в престижную школу, класс, за высокие оценки в аттестате по итогам учебного года и переводе в следующий класс.

Поэтому коррупция проявляется не только как преступное и аморальное деяние, которое везде и всеми однозначно осуждается, напротив, она стала характеристикой стиля жизни не только в чиновничьей, политической и финансово-экономической элитарной среде, но и других слоев общества. Это, несомненно, препятствует работе по формированию у школьников антикоррупционного мировоззрения. Да и сама школьная среда сегодня перестала быть однородной. Среди учащихся заметно проявилось как имущественное, так и в целом социальное расслоение. Существенно изменились ценностные ориентации и жизненные установки обучающихся. Особенно это заметно у учащихся старших классов. Школьники приобрели и продолжают приобретать другие нравственные образцы, отличные от тех, которые стараются привить им педагоги, и тех, которые стояли ранее перед их родителями и другими старшими родственниками.

Актуальность проблемы коррупции и задачи ее минимизации и профилактики в последние годы приковывают внимание специалистов различных отраслей научного знания. Не остались в стороне и представители педагогической науки, разрабатывающие теоретико-методологические и методические основы, а также технологии противодействия коррупции и антикоррупционного воспитания педагогическими средствами.

В результате написаны и опубликованы весьма полезные методические рекомендации по антикоррупционному воспитанию школьников в условиях образовательных учреждений [5; 6; 7]. Вместе с тем подобных работ, ориентированных на формирование антикоррупционного мировоззрения у представителей различных возрастных групп, включая, прежде всего, детский, подростковый и юношеский возраст, немного.

В имеющихся публикациях, посвященных формированию антикоррупционного мировоззрения, на наш взгляд, допускается методологический просчет, когда авторы предметом своего исследования видят только саму коррупцию. Предметом все же является именно антикоррупционное мировоззрение, его содержание и структура, особенности и педагогические приемы формирования и развития. В предмет также могут входить различные факторы социальной среды, детерминирующие этот процесс.

Коррупция – сложное, многоликое, асоциальное явление, поэтому она определяется и как особый вид правонарушений, связанных с корыстным злоупотреблением (превышением и использованием) служебного положения [8], и как использование должностными лицами служебного положения в корыстных целях [9, с. 147], и как преступная деятельность, заключающаяся в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения [10, с. 147]. В литературе можно встретить другие краткие и пространные определения коррупции. На наш взгляд, наиболее точной выглядит дефиниция, содержащаяся в Федеральном законе № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции». Закон определяет коррупцию как «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [11].

Рассмотрение различных толкований понятия «коррупция» необходимо для того, чтобы определиться с содержанием антикоррупционного мировоззрения. В этом отношении нам могут помочь антикоррупционные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации. Это нормы о должностных преступлениях: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, получение взятки, служебный подлог. Но эти нормы составляют лишь часть антикоррупционного мировоззрения, так как коррупция – это понятие не только уголовно-правовое, а более широкое, собирательное, включающее в себя социальные отклонения как аморального, так и преступного порядка.

Под мировоззрением преимущественно понимают систему взглядов на мир и место в нем человека, отношение человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их идеалы, убеждения, принципы познания их деятельности, ценностные ориентации [9, с. 184].

Антикоррупционное мировоззрение у людей различных возрастов в своей структуре имеет общие и особенные характеристики; часть этих характеристик носит устойчивый характер, а часть – видоизменяется. Поэтому говорят о формирующемся, сформировавшемся и развивающемся мировоззрении. Естественно в детском, подростковом и юношеском возрасте мировоззрение обучающихся находится в стадии активной динамики, в стадии формирования. В этом процессе более заметную роль играет чувственно-эмоциональное восприятие и отношение к действи-

тельности, нежели рациональное. Сознанию обучающихся свойственно (преимущественно) образное мышление, чем абстрактное. С учетом этих особенностей строится в образовательных учреждениях система воспитательной работы, подсистемы которой проявляют специфику в зависимости от того, на кого направлены воспитательные воздействия: учащиеся начальных классов (1-я ступень школы); учащиеся 5–9 классов (средняя школа); учащиеся 10–11 классов (профильная школа). Усилиями педагогов разработаны весьма интересные как в познавательном, так и в прикладном планах авторские системы антикоррупционного воспитания учащихся в условиях образовательного учреждения [5, с. 12]. В методических разработках предлагаются целые наборы форм воспитательной работы, направленной на формирование антикоррупционного мировоззрения у школьников [5; 7].

Но, на наш взгляд, в условиях, серьезно затрудняющих эту работу, важно не только искать и использовать все новые и новые формы воспитательного воздействия, сколько систематически исследовать их эффективность, исходя из цели антикоррупционного воспитания. По отношению к учащимся образовательных учреждений такой целью специалисты предлагают считать формирование у обучающихся неприятия коррупции как образа жизни, мысли и образа действий, поведения; формирование гражданского, негативного отношения к коррупции. На достижение этой цели, по их мнению, должно быть направлено решение следующих задач: 1) вооружение обучающихся политико-правовыми знаниями антикоррупционного профиля; 2) формирование у обучающихся нравственно-этических основ антикоррупционного поведения; 3) формирование у обучающихся опыта конструктивного взаимодействия между обучающимися, между обучаемыми и обучающими, опыта нравственно-правового решения текущих и перспективных проблем [7].

Приведенные формулировки вполне заслуживают внимания, но все же они должны быть конкретизированы. Мы полагаем, что общей целью антикоррупционного воспитания, в ходе которого формируется и развивается соответствующее мировоззрение, должно стать формирование в сознании и эмоциях личности обучающегося устойчивого и активного неприятия и противодействия коррупции. Человек, обладая антикоррупционным мировоззрением, должен сам не принимать подобный стиль жизни и действий, но и противодействовать его проявлению со стороны других в силу своей внутренней убежденности.

Достижение этой цели с учетом возрастных особенностей обучающихся имеет значительное временное протяжение (период всего процесса обучения в школе). Протяженным станет и решение вытекающих из этой цели следующих задач: 1) вооружение знаниями о коррупции, ее исторических корнях и формах, особенностях проявления и негативных, разрушающих последствиях в различных сферах жизнедеятельности государства, общества, человека с учетом возрастных особенностей обучающихся; 2) привитие необходимых для правосознательного, правомерного поведения компетенций: умений распознавать коррупцию как социально-правовое явление, навыков критического анализа и личностной оценки материалов, связанных с явлениями коррупции и борьбы с коррупцией в социальной практике, в деятельности государственных и общественных организаций; 3) формирование психоэмоционального неприятия неправомерного, в том числе коррупционного, поведения; 4) стимулирование мотивации к поведению, соответствующему нравственно-правовым нормам.

Для достижения указанных целей и задач необходима система целенаправленной деятельности педагогического коллектива. Элементы этой системы в литературе, как отмечалось, достаточно хорошо описаны, равно как сформулирован основной результат антикоррупционного воспитания, который видится в подготовке человека, способного выполнять властные полномочия или взаимодействовать с представителями властных структур на правовой основе, избегая подкупа, взяточничества и других неправовых действий.

Наряду с названными выше трудностями антикоррупционного воспитания следует назвать и благоприятствующие ему обстоятельства. Одним из важнейших таких обстоятельств является принятая в рамках административной реформы российская антикоррупционная программа, предусматривающая системные преобразования, направленные на изменение установок, ценностей, стереотипов поведения как чиновников, так и остальных граждан. В рамках ее осуществления принят ряд законов, включая Федеральный закон «О противодействии коррупции», указы Президента РФ и другие нормативно-правовые документы, способствующие укреплению правовых основ противодействия этому социальному злу.

Осуществлены изменения в методах государственного регулирования экономикой и социальной сферой; укрепляются подразделения правоохранительных органов, занятых борьбой с коррупцией; реализуются меры организационного характера в ведомствах с целью предупреждения и пресечения коррупционного поведения; мобилизуются усилия институтов гражданского общества по противодействию коррупции; создается система гражданского просвещения, включающая в себя обучение антикоррупционному поведению, используется социальная реклама и специально организованные акции. Усилению борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти способствует созданная Государственной Думой третьего созыва Комиссия по борьбе с коррупцией, являющаяся постоянно действующим органом нижней палаты.

Указом Президента РФ еще в мае 2008 года создан Совет по противодействию коррупции – совещательный орган при президенте. Он же является председателем этого Совета. Кроме того, 1 февраля 2007 г. Россия официально вступила в «Группу государств против коррупции» (ГРЕКО), а 7 мая 2009 г. наша страна подписала дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы по уголовной ответственности за коррупцию.

Таким образом, в работе по антикоррупционному воспитанию учащихся в условиях образовательных учреждений действуют как позитивные факторы, связанные с преодолением коррупции на уровне общества и государства, с учетом отечественного и зарубежного опыта, так и негативные обстоятельства, преодоление которых крайне затруднено. На наш взгляд, если рассматривать коррупцию в широком смысле как форму девиантного поведения, то ее преодоление, включая профилактику, а именно профилактика составляет основное содержание антикоррупционного воспитания, должно опираться на замещающие коррупцию формы жизнедеятельности. Поиск этих форм и обоснование необходимости и важности их приживаться – главная и самая трудная задача антикоррупционного воспитания. Искусство этого воспитания состоит в том, чтобы в современных условиях обучающиеся выбрали для себя в качестве приоритетных антикоррупционные мировоззренческие установки как наиболее удобные для жизни.

Список использованных источников

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики. М., 2017. 52 с.
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года / Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2016. 66 с.
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 года / Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2015. 72 с.
4. Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей / авт.-сост. В.Н. Зубков. М. : АСТ : Астрель, 2010. 861 с.
5. Антикоррупционное воспитание: система воспитательной работы по формированию у учащихся антикоррупционного мировоззрения в образовательном учреждении : методические рекомендации / под ред. Е.Н. Барышникова. СПб. : СПбАППО, 2010. 59 с.
6. Музалевская Е.А. Проявления коррупции в системе образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2206/Mazulevskaya/> (дата обращения: 22.03.2017).
7. Формирование антикоррупционного мировоззрения школьников : методические рекомендации / авт.-сост. О.Н. Журавлева ; под общ. ред. С.В. Жолована. СПб. : СПбАППО, 2009. 68 с.
8. Катаев Н.А., Сердюк Л.В. Коррупция (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : учебное пособие / Уфимский юридический институт МВД РФ. Уфа, 1995. 108 с.
9. Социологический энциклопедический словарь / ред.-корд. Г.В. Осипов. М. : Изд. группа ИНФРА М-НОРМА, 1998. 488 с.
10. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М. : Изд-во Москв. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
11. О противодействии коррупции : федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.

УДК 321(091)

С.М.Емелин

**Развитие нормативной правовой базы по борьбе
с преступностью и обеспечению общественного порядка
в условиях конверсии (1945–1953 гг.)**

В статье автором на основе архивных материалов, локальных правовых актов и ведомственных нормативных документов показана динамика развития органов внутренних дел в первые послевоенные годы (1945–1953), в том числе анализируется правовое регулирование основных направлений борьбы с преступностью и охраны общественного порядка.

Ключевые слова и фразы: органы внутренних дел, милиция, НКВД, МВД, МГБ, борьба с преступностью, охрана общественного порядка, конверсия.

Емелин Сергей Михайлович, начальник Управления по работе с личным составом МВД по Республике Башкортостан, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, полковник внутренней службы, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: emelin_sm@mail.ru

© Емелин С.М., 2017

S.M.Emelin

Development of the Normative Legal Basis for Combating Crime and Ensuring Public Order under Conditions of Conversion (1945–1953)

Based on archival materials, local legal acts and departmental normative documents, the article shows the dynamics of the development of internal affairs bodies in the early post-war years (1945-1953). It analyses the legal regulation of the main areas of combating crime and protecting public order.

Key words and phrases: internal affairs bodies, militia, NKVD, MVD, MGB, combating crime, protection of public order, conversion.

Окончание Великой Отечественной войны и переход к мирному развитию внесли серьезные изменения в организационную структуру и содержание работы органов внутренних дел. Это было связано с существенным осложнением криминальной ситуации, некоторым ослаблением правоохранительной системы, и, прежде всего органов милиции, которые в военный период понесли значительные кадровые потери, но при этом успешно решали самый широкий спектр задач, значительная часть которых не имела прямого отношения к борьбе с преступностью и охране общественного порядка. Новая, послевоенная обстановка требовала существенной корректировки нормативной правовой базы, прежде всего локальных правовых актов и ведомственных нормативных документов определяющих и регулирующих работу правоохранительных структур по осуществлению основных направлений правоохранительной деятельности.

Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР № 001222 от 17 октября 1945 г. в целях усиления контроля над отдельными категориями граждан органам внутренних дел было предписано проведение дополнительных мероприятий. В частности, необходимо было сосредоточить усилия на выявление и оперативную разработку амнистированных граждан, привлекавшихся и осужденных за различные преступления, создавать среди них специальную агентурную сеть. Кроме того, было поручено взять на учет всех ранее судимых и не стоявших на учете, прибывших по отбытию уголовного наказания из тюрем и исправительно-трудовых лагерей, а также усилить профилактическую работу на предприятиях, в общественных местах, на рынках и т. д. [1, л. 5].

Приказ Народного комиссара внутренних дел СССР № 0053 от 21 января 1946 г. предусматривал широкий комплекс мер по усилению борьбы с преступностью, в том числе активизацию работы аппаратов уголовного розыска, повышение качества оперативной и агентурной работы, а также своевременному раскрытию уголовных преступлений [2, л. 2].

В 1946 году Главным управлением милиции НКВД СССР на места было разослано 45 приказов и директив, проверено 56 управлений милиции республик, краев и областей, в ходе которых оказана практическая помощь. В июле 1946 года, после переименования 22 марта того же года Народного комиссариата внутренних дел СССР в Министерство внутренних дел СССР (МВД СССР), отдел уголовного розыска Главного управления милиции МВД СССР был реорганизован в Управление

уголовного розыска, что позволило повысить его мобильность и оперативность по конкретным направлениям деятельности, более слаженно организовывать работу на местах, оказывая сотрудникам на постоянной основе практическую помощь [2, л. 4].

Приказ Министра внутренних дел СССР № 00397 от 10 апреля 1947 г. предусматривал усиление мероприятий по борьбе с уголовной преступностью, сильно беспокоящей общество и руководство страны. Кроме того, на местах в ряде краев и областей противодействие уголовной преступности осуществлялось не столь эффективно, как того требовала обстановка. Так, например, за ослабление работы в данном направлении и имеющиеся недостатки начальники УМВД по Свердловской и Челябинской областям были предупреждены о неполном служебном соответствии [3, л. 8].

Большое количество краж и разбоев в общей структуре уголовной преступности вызвали необходимость усиления мер ответственности за подобные преступления. Так, 4 июня 1947 года принимаются Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Согласно этим документам, максимальные сроки наказания, установленные за совершение данного вида преступлений, составили 25 лет. При этом предусматривалась уголовная ответственность и за недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, а также разбое [3, л. 13; 4].

Органы внутренних дел сконцентрировали свои усилия на выполнении данных указов. В целях оценки эффективности принимаемых мер среди осужденных был проведен специальный мониторинг. Из служебной записки начальника тюремного управления МВД СССР М.Кузнецова заместителю министра внутренних дел И.А.Серову № 20/9-2517 от 14 июня 1947 г. следует, что по отношению к усилению мер ответственности за хищение государственного и личного имущества у заключенных сформировались три позиции. Первая позиция – продолжать воровать с размахом, по-крупному, а там будь, что будет; вторая – продолжить свою преступную деятельность в прежнем режиме, проявляя при этом особую осторожность; третья – бросить воровскую жизнь и честно работать, покончив со своим преступным прошлым, поскольку 10–15 лет, тем более 25 лет являются слишком большим сроком наказания за подобные преступления. Приверженцы первой группы и второй групп высказывали следующие аргументы в пользу своих позиций: «Крупным ворам воровать легче и вольнее будет, так как мелкие воры отсеются»; «Теперь нужно воровать осторожнее. Воровать только с убийством, так как больше 25 лет не дадут»; «Надо воровать умнее и не там, где можно взять тысячи, а там, где можно взять сотни тысяч, чтобы знать, за что отбывать такой большой срок. Теперь воров будет меньше, но воровство будет более дерзким» [5, л. 208–210].

Подобные высказывания представителей преступного мира отражаются практически во всех докладах на имя начальника Главного управления милиции МВД СССР, которые отложились в архивах, в частности из управлений МВД по Новосибирской области, по г. Ленинграду [5, л. 224–225], Украинской ССР [5, л. 226–236], Латвийской ССР, Тульской области, г. Москве и др. [5, л. 244–250]. В связи с этим, как указано в служебной записке начальника Главного управления милиции (№ 1/834 от 19 июня 1947 г.), подготовленной на имя министра внутрен-

них дел С.Н.Круглова, приоритеты работы милиции были переориентированы, в первую очередь, на профилактику, во вторую – на усиление мер по охране всех видов собственности [5, л. 215–223].

Изменения затронули и процессуальные вопросы, имея целью повышение качества предварительного следствия. В связи с тем, что 10-дневный срок, отведенный на расследование незначительных бытовых и хозяйственных преступлений, был недостаточным, руководство МВД вышло с ходатайством о замене формулировки «в 10-дневный срок» на формулировку «в кратчайшие сроки», что позволило повысить качество следствия, сократить возврат дел на дополнительное расследование из-за недостатка времени на окончание следствия [5, л. 19].

Дополнительные обязанности были возложены на органы внутренних дел по реализации постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» [6, с. 460–461]. Помимо охраны денег нового образца при их перевозке и на обменных пунктах органы внутренних дел осуществляли охрану аннулированных, выводимых из оборота денежных знаков. Была активизирована борьба со спекуляцией и фальшивомонетничеством. Во исполнение постановления были изданы директивы МВД СССР № 795 от 12 декабря 1947 г. «О мероприятиях в связи с отменой продуктовых и промышленных карточек», № 430 от 19 декабря 1947 г. «О мерах по усилению борьбы со спекуляцией в связи с отменой карточек на продуктовые и промышленные товары», № 831 от 25 декабря 1947 г. «О мероприятиях по выявлению злоупотреблений в связи с проведенной денежной реформой». Данные документы уточняли функции милиции по реализации указанного постановления, определяли порядок деятельности [7, л. 34].

Следует подчеркнуть, что органы внутренних дел в этот период работали в условиях действующего Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни», который, безусловно, подстегнул разгул преступности в стране [8].

Вместе с тем Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» внес изменения в вышеуказанный документ и предусматривал высшую меру наказания в отношении лишь отдельных категорий преступников [9].

Следующим законодательным шагом в усилении правовой базы борьбы с преступностью стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью» [10], а Указом от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство», принятом «в связи с ходатайством граждан и общественных организаций о применении смертной казни к убийцам в целях усиления охраны жизни граждан», действие указа от 12 января 1950 г. распространялось и на лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах [11].

Ужесточение уголовной ответственности было вызвано ростом преступности, чему наряду с другими обстоятельствами способствовали проведенные амнистии. Только амнистией по указу от 27 марта 1953 г. из тюрем и лагерей было выпущено на свободу 1.181.624 (из 2,5 млн) заключенных [12, с. 90], причем среди амнистированных было немало опасных преступников, что естественно сказалось на осложнении оперативной обстановки.

В середине 1940-х годов произошли структурные изменения правоохранительной системы, осуществленные в контексте реформы органов исполнительной власти. 19 марта 1946 года Верховный Совет СССР принял Закон об образовании Правительства СССР – Совета Министров СССР. Наркоматы были заменены министерствами. В мае 1946 года был упразднен административный отдел Главного управления милиции (ГУМ) МВД СССР, а его функции были переданы паспортным отделам, в июне того же года, как уже отмечалось, отдел уголовного розыска ГУМ МВД СССР реорганизован в Управление. В январе 1947 года для расследования преступлений и правонарушений, допущенных сотрудниками органов внутренних дел, создана Особая инспекция МВД СССР, в июне того же года отдел борьбы с хищениями социалистической собственности ГУМ МВД СССР преобразован в Управление, что повысило его статус.

В 1948 году принят ряд изменений, направленных на совершенствование следственной работы. В составе Главного управления милиции образуется следственный отдел, одновременно следственные аппараты создаются во всех республиканских, краевых и областных управлениях МВД. Осенью 1949 г. была проведена еще одна реорганизация. С октября 1949 г. по март 1953 г. милиция вошла в состав Министерства государственной безопасности МГБ СССР. В апреле 1952 г. в составе Главного управления милиции Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР создан отдел по предотвращению преступности со стороны несовершеннолетних, в октябре 1952 г. в соответствии с решением Совета министров СССР в составе ГУМ созданы отдел вневедомственной сторожевой охраны и паспортно-регистрационный отдел, соответствующие подразделения сформированы на местах [13, с. 70–118; 14, с. 378–381].

В 1952 году Главное управление милиции МГБ СССР представляло собой наиболее многочисленную структуру, включающую в себя: Политотдел; Управление милицейской службы; Управление уголовного розыска; Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией; Отдел розыска; Паспортно-регистрационный отдел; Дорожный отдел; Спецотдел; Секретариат; Управление охраны на транспорте [15, л. 147].

Очередной этап преобразований правоохранительного ведомства начался в марте 1953 года. МВД и МГБ были вновь объединены в единое Министерство внутренних дел, что повлекло за собой некоторое изменение существующей структуры. В частности, ряд производственно-строительных управлений МВД СССР был передан в ведение других министерств, а ГУЛАГ и Отдел детских колоний переведены из МВД в Министерство юстиции СССР.

Таким образом, в первые послевоенные годы практически все оперативные подразделения были переданы в МГБ СССР. За МВД остался лишь оперативный контроль над исправительно-трудовыми колониями, спецпереселенцами и ссыльными. Переход милиции в состав МГБ имел положительные результаты. Были укреплены оперативная оснащенность и материально-бытовое положение милиционеров, обеспечивалось более тесное взаимодействие органов госбезопасности и милиции в борьбе с преступностью. Повышался общеобразовательный норматив для поступающих на службу в органы внутренних дел [16, с. 279].

Серьезной проблемой для органов внутренних дел в послевоенный период оставался кадровый вопрос. Структура республиканских министерств и областных

управлений МВД с 1945 года претерпела незначительные изменения. Вплоть до 1949 года практически не менялся руководящий состав управлений и отделов. В то же время последствия войны сказывались на высоком уровне некомплекта кадров, который в отдельных подразделениях достигал 50 %. Количественные показатели удавалось пополнять за счет партийных мобилизаций. Но для улучшения качества работы необходимы были время и значительные ресурсы, а главное – профессиональная подготовка и практический опыт [16, с. 279].

Структурным преобразованиям ведомства, проводимым в конце 1940-х годов, предшествовала определенная аналитическая работа. По запросу Министерства внутренних дел СССР осуществлен сбор и анализ предложений, поступавших с мест. Предложения, в основном, касались совершенствования структуры: укрупнения существующих служб, создания на местах отделов кадров, финансовых отделов, отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности. Особо выделялась проблема освобождения органов внутренних дел от выполнения несвойственных функций. В том числе предлагалось убрать из ведения МВД учет военнообязанных, отделы ЗАГС, адресные бюро [17, л. 2].

Этим же вопросам было посвящено указание ГУМ МВД СССР № 6/а/4315 от 15 июня 1948 г. и приказ МВД СССР № 0078-1948 года, которыми предписано максимально освободить оперативный состав органов внутренних дел от работы в канцеляриях, вменив этим сотрудникам в обязанность заниматься личным сыском, систематически и в разное время бывать в местах возможного укрытия и появления преступников [18, л. 131–143].

Следующей проблемой, на которую обращали внимание практически все территориальные подразделения внутренних дел, была необходимость расширения правовой базы для усиления борьбы с тунеядством [17, л. 2, 109].

Прорабатывался вопрос повышения эффективности работы уголовного розыска, в том числе путем совершенствования структуры, создания отраслевых отделов по борьбе с бандитизмом, кражами и хулиганством, мошенничеством, криминальными абортами и половыми преступлениями; следственного отдела, отдела по борьбе с преступлениями среди несовершеннолетних [17, л. 34]. В сохранившихся архивных документах отражены такие темы обсуждения, как необходимость спецучета криминального контингента: гастролеров, кочевых цыган, лиц, ведущих сомнительный образ жизни, уголовно-преступного элемента и создания на этой основе картотеки с использованием преступных кличек [17, л. 38].

Изменение структуры органов внутренних дел предусматривалось за счет перераспределения существующих штатов в пределах имеющейся численности. Кроме этого, в ходе предполагаемой реорганизации сохраняло актуальность обеспечение подразделений необходимым инвентарем и материально-техническими средствами [17, л. 78, 118].

Интересные, на наш взгляд, обобщения предполагаемых новаций по структурному совершенствованию органов внутренних дел содержались в письме на имя министра госбезопасности СССР В.С.Абакумова. Предлагалось осуществить следующие изменения: 1. Провести реорганизацию милиции: передать из органов милиции отделы ЗАГС, военно-учетные столы, Госавтоинспекцию, комнаты беспризорных и детскую картотеку; подчинить органам милиции отдел виз и регистраций; объединить кустовые адресные бюро в областные; организовать в органах милиции:

отделы кадров, особые инспекции, учетно-регистрационные отделы, хозяйственные и финансовые отделы. 2. Объединить все райотделы, расположенные в населенных пунктах, где имеются горотделы, с последними (за исключением Прибалтийских республик). 3. Школы милиции подчинить Главному управлению милиции, для осуществления руководства увеличить отдел подготовки ГУМ МВД СССР. 4. Увеличить численность аппаратов разведки и установки. 5. Ввести должности заместителей начальников по политической части во всех подразделениях милиции с численностью более 40 чел. (в органах западных областей Украины и Белоруссии, в Эстонии, Латвии, Литве – независимо от численности). 6. Начальников управлений милиции назначать заместителями министров государственной безопасности союзных и автономных республик, заместителями начальников управлений МГБ краев и областей. 7. Разрешить начальникам Управлений милиции издавать приказы и предоставлять им право присвоения сержантских званий. 8. Предоставить аппаратам борьбы с хищениями социалистической собственности и уголовного розыска возможность использовать в процессе разработки преступников оперативную технику органов МГБ. 9. Обязать хозяйственный и финансовый отделы ассигновать в 1950 году 1 млн рублей и выделить материальные фонды для организации работы по телефонизации органов милиции городов особого списка. 10. Поручить спецотделу МГБ разработать для органов милиции образцы специальных радиосредств и другой специальной аппаратуры технической связи. 11. Установить телефонные аппараты «ВЧ» в республиканских, краевых и областных управлениях милиции [17, л. 120–135].

Предложенные изменения, в основном, нашли свое воплощение в новом структурном построении органов внутренних дел, о чем было сказано выше.

Целый ряд ведомственных директив отражал потребности правового обеспечения основных направлений деятельности органов внутренних дел. Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года, посвященного противодействию преступности несовершеннолетних, директивой ГУМ МВД СССР № 6/А-8339 от 17 декабря 1948 г. на детские отделения и группы в составе подразделений уголовного розыска с 1 января 1949 года была возложена борьба с преступностью и учет преступлений, совершенных несовершеннолетними старших возрастов (16–18 лет) [19, л. 34].

В рамках общей профилактики, учитывая увеличение числа бывших заключенных, оказавшихся на свободе после окончания войны в результате амнистии, принимались дополнительные меры. Приказом МВД СССР № 00944 от 4 августа 1948 г. для обеспечения надзора за освобождающимися заключенными всем начальникам тюрем и учреждений Исправительно-трудовых колоний (ИТК) предписано за месяц до освобождения уголовных преступников посылать органам милиции по месту последнего жительства или ареста освобождаемых специальные уведомления [19, л. 28].

Большой массив сохранившихся локальных правовых актов и ведомственных нормативных документов органов внутренних дел посвящен как отдельным направлениям борьбы с преступностью, так и наиболее характерным преступлениям.

В указании Главного управления милиции МВД СССР № 6/А/843 от 28 февраля 1948 г. говорится, что ряд должностных лиц при прописке граждан незаконно используют марки госпошлин из старых домовых книг, присваивая внесенные деньги. Поэтому устанавливался жесткий контроль со стороны органов милиции, в ча-

стности участковых уполномоченных, за повторным использованием старых марок госпошлины [20, л. 64].

Указанием ГУМ МВД СССР № 6/А/523 от 6 февраля 1948 года работникам паспортных и других служб милиции запрещалось выдавать на руки гражданам материалы служебной переписки МВД или снятых с них копий, производить на возвращаемых гражданам документах служебные записи со ссылками на спецпроверки, паспортные ограничения и т. д., а также записи, расшифровывающие методы работы органов МВД. Виновных требовалось привлекать к строгой ответственности [20, л. 42–43].

Указание ГУМ МГБ СССР № 111 от 31 июля 1952 г. требовало вести решительную борьбу с нецензурной бранью, сквернословием и циничным поведением отдельных граждан в общественных местах. Административные санкции предусматривались за шум после 24 часов, появление в нетрезвом состоянии в общественных местах, устройство азартных игр, гадание, приставание к гражданам, отправление естественных надобностей и т. д. [21, л. 99–102].

В ходе реализации правоохранительных задач большое внимание уделялось организации взаимодействия между различными государственными учреждениями. Постановлением Совета Министров СССР № 3446 от 12 сентября 1951 г. при Министерстве финансов СССР было создано бюро государственной бухгалтерской экспертизы, которое принимало участие в раскрытии преступлений на стадии предварительного следствия, проводя различные финансовые экспертизы [22, л. 260–267]. В 1952–1954 годах было проведено 22.270 различных экспертиз. В дальнейшем была инициирована ликвидация данной организации. При обсуждении данного вопроса все правоохранительные службы высказались против, мотивируя тем, что при помощи бюро государственной бухгалтерской экспертизы, удалось раскрыть целый ряд преступлений [22, л. 268].

На органы внутренних дел, начиная с 1941 года, были возложены задачи обеспечения широкомасштабной эвакуации. Уже в конце 1942 года, а особенно в 1943 году начинаются реэвакуация и частичная конверсия, которые с окончанием войны приобретают широкий размах. Обеспечением мероприятий по переходу страны к мирному развитию занимались и органы внутренних дел. Согласно указанию МВД СССР № 529/см от 1 апреля 1947 г., органам внутренних дел приходилось заниматься перераспределением помещений, в том числе освобождаемых от госпиталей, другими учреждениями, которые возвращались к местам своего постоянного расположения в связи с процессами реэвакуации [23, л. 44–45].

Указание ГУМ МВД СССР № 6/а/1665с от 6 июня 1949 г. предписывало органам внутренних дел осуществлять контроль работы по изысканию полезных ископаемых – угля, нефти, драгоценных металлов. В силу удаленности нахождения экспедиционных групп, контроль хозяйственной деятельности изыскательских партий являлся неудовлетворительным, что создавало почву для широкого проникновения в них преступного элемента. Предполагалось производить проверку всех изыскательских партий, а при выявлении ранее судимых лиц содействовать их освобождению от должностей, связанных с финансово-хозяйственной деятельностью; привлекать квалифицированную агентуру, брать в оперативную разработку лиц, связанных с материальными ценностями; внимательно проверять отчетность и т. д. [24, л. 20–21].

Указание МВД СССР № 5423/к от 6 декабря 1950 г. предусматривало меры по развитию сажевой промышленности, предприятия которой находились в ведении министерства [25, л. 128–131].

Указание ГУМ МВД СССР № 6/а/1799с от 20 июня 1949 г., в соответствии с инструкцией НКВД СССР предлагало дополнительные меры по организации контроля за учреждениями, использующими и осуществляющими хранение сильнодействующих ядов [24, л. 59–61].

Важной составной частью деятельности органов внутренних дел в рассматриваемый период являлось идеологическое воспитание личного состава, организация партийно-политической работы, поддержание необходимого уровня дисциплины среди сотрудников. С конца 1940-х годов принимаются меры по укреплению политаппарата МВД. Новый этап усиления партийного влияния начинается с изданием приказа МВД СССР от 12 апреля 1949 года, который предусматривал введение должности заместителя начальника по политчасти в городских и районных отделах милиции, имеющих по штату более 40 человек. Как отмечают исследователи, передача милиции из системы МВД в систему МГБ СССР¹ оказала неблагоприятное влияние на условия партийно-политической работы [26, с. 254]. Работа органов внутренних дел стала носить более закрытый характер, чрезмерно конспирировалась, недостаточно внимания уделялось открытому обсуждению имевшихся проблем, аналитической деятельности и работе с кадрами.

Материальное обеспечение сотрудников также не отвечало имевшимся потребностям. Должностные оклады некоторых категорий сотрудников показаны в таблице.

**Материальное обеспечение отдельных категорий сотрудников
органов внутренних дел в 1949 году [17, л. 146-147, 191. Б/н]**

Должность	Размер оклада в месяц (руб.)
1	2
Начальник областного управления милиции	2400–2600
Зам. начальника республиканского управления милиции	1800
Начальник городского отдела, отделения	900–1000
Начальник районного отделения ²	1100–1400
Начальник отдела областного управления милиции ³	1100–1300

¹ Постановление Совета Министров СССР от 13 октября 1949 года.

² Причем как отмечается в документе, заработная плата начальника районного отделения милиции (штатная численность 15 чел.) выше, чем начальника городского отделения со штатом 87 чел. (например, 3-е РОМ г.Алма-Аты и Джамбульское РОМ). Интересно, что подобное положение по некоторым позициям сохранилось и в настоящее время.

³ Заработная плата начальника районного отделения милиции была выше, чем у начальника отдела в областном управлении.

Окончание таблицы

1	2
Начальник поселкового отделения	550
Паспортист	500–525
Работник районного бюро ЗАГС	250
Работник бюро ЗАГС в крупном городе	450–550

Из приведенных в таблице данных можно сделать вывод о несоответствии заработной платы сотрудников статусу оперативно-начальствующего состава органов внутренних дел. Это негативно влияло на стимулирование труда сотрудников, всю кадровую политику, в частности усложняло перевод районных руководителей для работы в центральные органы. Региональные руководители неоднократно обращались в министерство с просьбой скорректировать штатное расписание, но подобное положение дел сохранялось еще достаточно долго.

Таким образом, в течение первых послевоенных лет законодательная база борьбы с преступностью и обеспечению общественного порядка, а также организационная структура органов внутренних дел развивались в соответствии со стоящими перед государством задачами и тенденциями ужесточения репрессивной политики.

Деятельность органов внутренних дел в этот период носила сложный, многоплановый характер. Помимо основных направлений значительную часть сил приходилось отдавать административной деятельности, что в основном было связано с процессами реэвакуации, конверсии и восстановления народного хозяйства, а также изменением криминогенной обстановки, обусловленной данными обстоятельствами.

Развитие организационной структуры органов внутренних дел сопровождалось их милитаризацией, важным этапом которой являлось временное нахождение целого ряда подразделений и служб, в том числе милиции, в 1949–1953 годах в составе Министерства государственной безопасности, что наложило определенный отпечаток на формы и методы работы.

Реализуя законодательные решения государства, органы внутренних дел в послевоенные годы добивались неплохих результатов в деле борьбы с преступностью и обеспечения общественного порядка. Большая работа проводилась по противодействию экономической преступности, что имело особое значение в условиях послевоенного восстановления экономики страны.

Список использованных источников

1. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 214.
2. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 217.
3. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 221.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.
5. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 224.

6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3.
7. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 32а.
8. Об отмене смертной казни : указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 17.
9. О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам : указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. № 1.
10. О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью : указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 9.
11. Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство : указ Президиума Верховного Совета от 30 апреля 1954 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 11.
12. Костин В.И. История Российской милиции. Н.Новгород, 1997.
13. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. 1917–1991. М. : МФД, 2003. 768 с.
14. Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк : в 2 т. Т. II. 1902–2002. СПб. : Университет, 2002.
15. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 186.
16. Милиция Оренбуржья: служба высокого напряжения : сборник очерков. М. : МВД России, 2008. 304 с.
17. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 93.
18. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 71.
19. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 229.
20. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 70.
21. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 188.
22. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 117.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 611.
24. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 84.
25. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 901.
26. Воронцов С.А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 640 с.

УДК 376.744

Н.А.Ефремова-Шершукова

Немецкое национальное образование в Казахстане в 1950–1980-х годах: проблемы становления и развития

В статье рассматриваются особенности становления и развития организованных форм обучения среди немецких переселенцев Казахстана во второй половине XX века. Особое внимание уделяется проблемам обеспечения национальных школ учебной литературой, педаго-

Ефремова-Шершукова Надежда Александровна, начальник Центра общественного доступа к образовательной среде (ЦОД) «Томск» Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), кандидат исторических наук, доцент, г. Томск; конт. инф.: shna16@mail.ru

© Ефремова-Шершукова Н.А., 2017

гами, знающими национальный и русский языки. Статья базируется на материалах архивов, статистических справочников, относящихся к изучаемому периоду.

Ключевые слова и фразы: немцы, Казахстан, национальная школа, преподавание на немецком языке, национальное образование, образовательная политика, педагогические кадры.

N.A.Efremova-Shershukova

German National Education in Kazakhstan in the 1950s–1980s: Problems of Formation and Development

The article deals with the specifics of the formation and development of organized forms of education among the German immigrants of Kazakhstan in the second half of the twentieth century. It pays particular attention to the problems of providing national schools with educational literature, teachers who know the national and Russian languages. The article is based on the archival materials, statistical reference books relating to the period under study.

Key words and phrases: Germans, Kazakhstan, national school, teaching in German, education, educational policy, pedagogical staff.

Изучение истории немецкой национальной школы является значимым фактором осмысления истории и культуры немцев России в целом. Школа не только обучала грамоте и давала основы научных знаний, но и в условиях иноязычного окружения должна была стать важнейшим фактором сохранения этнической идентичности.

Немецкое население Казахстана в годы войны практически не было охвачено школьным обучением. Происходило это в силу ряда обстоятельств. Депортация проводилась в спешном порядке, для переселенцев не было подготовлено заранее даже домов, тем более о строительстве зданий школ и речи не шло. Архивы дают обширную информацию о мероприятиях по хозяйственному обустройству на местах немецкого населения, но документов, свидетельствующих о решении вопросов обучения детей немецких спецпоселенцев, не обнаружено.

Еще одной причиной отсутствия организованных форм обучения среди детей немецких переселенцев было то, что уже с конца 1941 года начинает осуществляться политика переселения немцев внутри областей Казахстана. Проживание недовольных переселением немцев в непосредственной близости к важнейшим очагам промышленности, по мнению властей, было недопустимым [1]. В условиях постоянной смены мест проживания возможности обеспечения немецких детей условиями для получения полноценного образования не было. Первые сведения об организации обучения детей спецпереселенцев в школах ФЗО и ремесленных училищах содержатся в документах, датированных 1944 годом [2, л. 20 и об.].

Окончание войны не принесло немецкому населению Казахстана облегчения не только в правовом отношении, но и в деле воспроизводства их национальной культуры. Советская власть декларировала право всех национальностей на обучение детей на родном языке, но этот принцип относительно успешно действовал лишь в 1920–1930-е годы, затем стал носить ограниченный характер. Русский язык стал доминировать в обучении, русская школа вытесняла другие национальные образовательные учреждения.

С окончанием войны начинается стабилизация в отношении организации школьного обучения, но во многих районах Казахстана по-прежнему достаточно большое количество детей немцев не получало образования. Причин для такого положения дел было достаточно. Сказывались постоянные переселения, мобилизация родителей в рабочие колонны, в результате чего дети оставались без достаточного материального обеспечения. Многие дети не могли посещать школу из-за отсутствия у них теплой одежды и обуви. В большинстве совхозов и колхозов были школы, ведущие обучение только на казахском языке. Небольшое количество детей спецпереселенцев посещало школы, ведущие обучение на русском языке. Школ с немецким языком обучения в республике в то время не существовало. В 1949 году в Северо-Казахстанской области школьным обучением было охвачено лишь 44 % детей немецкого происхождения [3, л. 30–32]. В Кокчетавской области обучалось около 53 % детей немецких переселенцев [4, л. 24–27].

На 15 сентября 1950 года в Казахстане проживало около 78 тысяч детей немецкой национальности в возрасте от 7 до 14 лет включительно. Не охвачено школьным обучением было около 9 тысяч детей (11%) [5, л. 54–57].

Несмотря на сложное положение с организацией немецких школ, на недостаток преподавателей различных дисциплин, владеющих немецким языком, партийные власти страны начали реализацию политики ограничения обучения детей спецпереселенцев в высших учебных заведениях. Так, 28 мая 1952 года принимается секретное постановление ЦК КП(б)К «О приеме спецпоселенцев в высшие учебные заведения» [6, л. 112–113]. Постановление полностью запрещало прием спецпоселенцев в Казахский государственный университет им. С.М.Кирова, в Алма-Атинский юридический институт, в Казахский горно-металлургический, физкультурный и педагогический институты. Запрещено было и поступление в консерваторию.

В постановлении содержится и перечень высших учебных заведений, поступление в которые разрешено, но тут же приводится и допустимое для каждого вуза количество спецпереселенцев, допускаемых к участию в конкурсном отборе, и объем возможного приема в эти учебные заведения. Из всех вузов, имеющих на территории Казахстана, для обучения спецпереселенцев было определено только 15 учебных заведений: 3 вуза сельскохозяйственного профиля, 2 – медицинских, 1 – технологический, 9 – учительских. На конкурс по всем этим вузам допускалось только 215 человек, поступить из них могли только 105 абитуриентов.

С принятием в сентябре 1955 года Приказа Министерства просвещения Казахской ССР «Об устранении недостатков в обучении детей спецпоселенцев» [7, л. 84–86] начинается работа по организации в Казахстане школ, в которых преподавание велось бы либо полностью, либо частично на немецком языке и где немецкий язык изучался бы как родной, а не как иностранный.

Сложности с созданием таких школ появились во всех областях Казахстана. Невозможность быстрой организации национальных немецких школ была объективно обусловлена отсутствием профессиональных преподавателей немецкого языка, а также немецкоязычных специалистов в области преподавания естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин. На 1 января 1956 года в педагогических институтах по всей территории республики обучалось всего 186 немцев, в педагогических училищах 213 человек [8, л. 87]. В 1958/59 учебном году на дневных факультетах 11 педагогических вузов обучался 271 человек, на отделениях заочного

обучения – 507 человек. В 13 педагогических училищах обучалось 78 немцев [9]. Но этого было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить учителями детей немецких переселенцев.

Невысокой была и активность немцев-спецпоселенцев. Министерство просвещения Казахской ССР вместе с отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Казахстана провело работу по выявлению мнения родителей детей спецпоселенцев по вопросу желаемого языка обучения для их детей. Большинство родителей высказалось за обучение на русском языке, мотивируя это тем, что у детей могут возникнуть сложности с дальнейшим обучением, так как в стране вообще и в Казахстане в частности нет профессиональных учебных заведений, ведущих обучение на немецком языке, да и школ, в которых они могли бы состояться как немецкоязычные учителя, очень мало [10, л. 54]. В справке, подготовленной бригадой ЦК Компартии Казахстана отделу пропаганды и агитации ЦК по итогам работы в Павлодарской области, делается вывод, «что создание групп и классов, либо открытие специальных школ, где бы обучение детей велось на их родном языке, является нецелесообразным и не поддерживается родителями. Вместе с тем родители высказывают желание о введении в начальных классах, с 1-го по 4-й, преподавание родного языка как самостоятельного предмета» [11, л. 102–105].

Несмотря на полученные данные, 27 февраля 1957 года Совет Министров Казахской ССР принимает постановление «О введении преподавания родного языка для детей немецкой национальности в школах Казахской ССР». Постановление обязывало Министерство просвещения Казахстана ввести со второго полугодия 1957/1958 учебного года во 2–4 классах школ в местах наибольшей концентрации немецкого населения преподавание немецкого языка для детей немецкой национальности по 2 часа в неделю сверх учебного плана, установленного для начальных классов школ республики [12, л. 10–11]. В постановлении указывались и условия, при которых введение дополнительных часов могло состояться. Главным из них было наличие не менее 10 учащихся в каждой группе по изучению немецкого языка. Учитывая тот факт, что большинство немецкого населения Казахстана проживало в сельской местности, где количество детей в школах не могло быть большим, организация таких групп была возможной только в очень крупных совхозах и колхозах. Огромная территория республики и чрезвычайно малая плотность населения (средняя плотность населения в Казахстане в 1959 году составляла 3,4 человека на 1 кв. км.), не давали возможности набрать достаточное количество детей немецкой национальности определенного возраста для открытия групп по изучению немецкого языка как родного. По данным переписи населения 1959 года в республике 2/3 всех населенных пунктов страны имели среднее число жителей до 50 человек [13, с. 20].

Даже там, где подобные классы были открыты, их эффективная работа была практически невозможной. Требовалось комплексное методическое обеспечение: программы, словари, буквари, книги для чтения, грамматики. Министерство просвещения Казахской ССР на тот момент не обладало достаточным количеством специалистов, способных восполнить этот недостаток [14, л. 12].

В конце 1957 года Министерство просвещения Казахстана сообщило всем облоно республики о выпуске букваря для групп, изучающих немецкий язык как родной, который в ближайшее время должен поступить в продажу. Но специальной

программы по изучению немецкого языка во 2–4 классах по-прежнему не существовало [15, л. 51].

В ряде областей Казахстана начались мероприятия по организации групп по изучению немецкого языка, но недостаток КМО создавал определенные сложности для директоров школ, поэтому им проще было документально зафиксировать несогласие родителей на открытие подобных групп, чем самим создавать программы, методические пособия, учебные тексты, дидактический материал [16]. Там же, где такие группы все же организовывались, преподавание зачастую велось не на надлежащем уровне. Отсутствие каких-либо учебных программ по немецкому языку приводило к тому, что каждый учитель составлял их самостоятельно, исходя из личного опыта и методических установок. Методической же грамотности и педагогического опыта хватало не всегда.

Первые учебники по немецкому языку, предлагающие для изучения материал расширенной программы подготовки по немецкому языку, появились лишь в 1963/1964 учебном году.

Несмотря на все сложности в организации групп изучающих немецкий язык как родной, количество таких групп постепенно росло, как и количество детей, обучающихся в них. Сводные данные по количеству обучающихся немецкой национальности в Казахстане представлены в таблице.

**Количество групп по изучению родного языка для учащихся
немецкой национальности [17]**

Учебный год	Количество групп	Количество учащихся в них
1957/1958	975	16114
1958/1959	1099	17508
1959/1960	1429	24966
1960/1961	Сведения отсутствуют	Сведения отсутствуют
1961/1962	Сведения отсутствуют	Сведения отсутствуют
1962/1963	1137	20600
1963/1964	1715	30215
1964/1965	1642	30845
1965/1966	1998	37800

Увеличение количества групп, изучающих немецкий язык как родной, было связано в первую очередь с тем, что в школы стали приходить преподаватели, получившие специальное образование. До 1961 года в Казахстане специалистов для преподавания немецкого языка как родного готовило лишь одно учебное заведение – Алма-Атинский институт иностранных языков.

В 1961 году Министерство просвещения приняло решение об открытии в ряде педагогических вузов и училищ республики групп по подготовке специалистов по изучению немецкого языка [18, л. 35–36]. В 1963 году было заявлено о создании педагогических классов в средних школах, в содержание образования которых включался расширенный курс немецкого языка. По окончании педагогического класса выпускники получали право преподавать родной язык детям немецкой национальности. К концу 1960-х годов такие классы были созданы в Семипалатинской, Актюбинской, Кустанайской, Джамбульской, Кокчетавской и Алма-Атинской областях [19].

Выпускники педагогических классов, училищ и вузов, приходившие работать в школу, делали проблему обеспечения учебного процесса кадрами менее острой, но вопросы методического обеспечения по-прежнему оставались нерешенными. В 1968 году Министерством просвещения Казахской ССР была проведена комплексная проверка учебного процесса в школах с функционирующими группами по изучению немецкого языка как родного. В ее ходе было выявлено, что не во всех областях Казахстана руководство областными отделами народного образования действует организации в школах групп по изучению немецкого языка. В частности, во многих школах Чимкентской, Алма-Атинской, Актюбинской и Северо-Казахстанской областей, таких групп было крайне мало, несмотря на то, что контингент обучающихся в этих школах детей немецкой национальности позволял открыть подобные группы, а родители заявляли о своем желании отдавать детей в подобные классы.

Отмечена была и крайне сложная ситуация с обеспеченностью учебной и учебно-методической литературой для проведения занятий в подобных группах. Областные институты усовершенствования учителей практически не проводили занятий, не организовывали курсов по повышению профессиональной квалификации для учителей немецкого языка [20, л. 139–140]. Республиканский и областные институты усовершенствования учителей практически полностью игнорировали вопросы методики преподавания немецкого языка как родного.

Открытия групп для изучения немецкого языка как родного в начальной школе было недостаточно для возрождения языка и культуры немецкого населения. С середины 1950-х годов в республике постоянно поднимается вопрос о дальнейшем обучении немецких детей, закончивших начальную школу в составе таких групп. Но переход на преподавание в средней и старшей школе предметов естественнонаучного и социально-гуманитарного цикла на немецком языке постоянно откладывался. Причины были те же самые: нехватка учителей-предметников, владеющих немецким языком, отсутствие учебников, методических и дидактических материалов. В республике на то время только в Казахском государственном университете существовало специальное отделение на историческом факультете, где готовил историков с правом преподавания истории на немецком языке. Но в содержание образования входит не только история, а преподавателей других предметов, с получением права преподавать на немецком языке, в республике в вузах не готовили.

Лишь в начале 1970-х годов открывается 6 школ, в которых ряд учебных предметов ведется на немецком языке. В них обучались 1740 человек [21, л. 3–4, 6–40], что при выпуске немецких групп в начальной школе в более чем 37 тысяч человек было явно недостаточным.

Данный факт явился одной из причин того, что к началу 1970-х годов в большинстве областей Казахстана начала проследиваться тенденция к сокращению групп по изучению немецкого языка как родного. Все области Казахстана в своих отчетах по охвату детей обучением в таких группах отмечают снижение интереса к изучению языка и, как следствие, уменьшению количества детей, в них обучающихся [22].

На рубеже 1970–1980-х гг. Советский Союз вступил в полосу экономического застоя, что отрицательно сказалось на духовной и культурной жизни общества вообще и на развитии образования в частности. Такое положение в образовании было объективно обусловлено рядом причин. Произошло сокращение доли расходов на образование в структуре государственного бюджета. Образование начинает финансироваться по остаточному принципу, на его нужды направляются те средства, которые остались после финансирования промышленности и армии. С 1970 года доля расходов на образование постоянно снижается. В указанном году она составляла 12,8 % от бюджета страны, в 1980 г. – 10,5 %, в 1985 г. – 9,8 % [23, с. 632].

Сокращение доли расходов на образование совпало с периодом роста инфляционных процессов и ускорением темпов рождаемости, особенно наглядно проявляющимся в Казахстане и республиках Средней Азии [24, с. 198]. Образование стало испытывать серьезный недостаток в материально-техническом обеспечении, в образовательных учреждениях Казахстана перестало хватать мест для учащихся. В этих условиях заботиться о расширении национального немецкого образования в республике никто не хотел. Немецкие группы в начальных классах, школы с преподаванием на немецком языке постепенно начинают испытывать недостаток средств на организацию их работы, на закупку учебников и т. д. Предпринятые в конце 1950-х–середине 1960-х гг. меры по решению проблем образования немецкого населения носили временный характер.

Вопросы просвещения и образования тесно связаны с развитием и функционированием языка в целом. Изменение этноязыкового поведения немцев характеризовалось следующими взаимосвязанными тенденциями. С одной стороны, происходило интенсивное распространение русского языка, без которого в стране невозможно было ни устроиться на работу, ни получить желаемое образование. С другой стороны, происходила значительная потеря родного языка. По данным переписи 1959 года, только 75 % немцев считали немецкий язык родным. При этом необходимо заметить, что из всех крупных национальностей (численностью свыше 1 млн человек) данный показатель ниже только у евреев (21,1 %) и у поляков (45,2 %) [25, с. 25]. В 1970 году этот показатель составлял уже 66,8 % [24, с. 194], в 1979 г. – 57 % [26, с. 112].

В послевоенный период существенно изменилась и качественная составляющая владения родным языком. Письменной формой, литературным языком владели лишь люди, получившие образование в школах с изучением немецкого языка как родного. Более же старшее поколение говорило на множестве устаревших диалектов, усвоенных от переехавших из разных мест Германии и Австрии предков. Русский язык среди немецкого населения становился языком общения.

Таким образом, национальная школа с родным языком преподавания для детей немцев-переселенцев, несмотря на такой положительный момент, как улучшение качественной составляющей владения национальным языком, не стала основой

для сохранения этнической идентичности. Государственная же политика в отношении немецкого населения и его национальной школы строилась без учета объективных условий, в которых существовали депортированные в Казахстан немцы.

Список использованных источников

1. АПРК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 3. Л. 237–238; Д. 3. Л. 235; Д. 3. Л. 233–234.
2. Там же. Оп. 8. Д. 154.
3. Там же. Оп. 13. Д. 203.
4. Там же. Оп. 13. Д. 203.
5. Там же. Оп. 15. Д. 234.
6. Там же. Оп. 16/1. Д. 91.
7. ЦГА РК Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2612.
8. ЦГА РК Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2612.
9. Там же. Оп. 2. Д. 187. Л. 2; Д. 188. Л. 2; Д. 189. Л. 2.
10. Там же. Оп. 1. Д. 2612.
11. АПРК. Ф. 708. Оп. 28. Д. 1339а.
12. ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 444.
13. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. М. : Госстатиздат, 1962. 284 с.
14. ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 2. Д. 20.
15. Там же. Д. 4.
16. Там же. Д. 248. Л. 76; Д. 95. Л. 67; Д. 1108. Л. 4;
17. Там же. Д. 248. Л. 76; Д. 958. Л. 67; Д. 1108. Л. 4; АПРК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 1499. Л. 66–72.
18. ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 2. Д. 619.
19. Там же. Д. 1277. Л. 59; Д. 1464. Л. 59; Д. 1473. Л. 49.
20. Там же. Д. 1566.
21. Там же. Д. 1789.
22. Там же. Д. 1477. Л. 113; Д. 1618. Л. 10; Д. 1720. Л. 7; Д. 1849. Л. 104–105; Д. 1850. Л. 73; Д. 1852. Л. 60; Д. 1869. Л. 6; Д. 1981. Л. 39–41; Д. 1983. Л. 22; Д. 1986. Л. 26; Д. 1987. Л. 57–60.
23. Народное хозяйство за 70 лет // Юбилейный статистический сборник. М. : Финансы и статистика, 1987. 768 с.
24. Всесоюзная перепись населения 1970 года : сборник статей / под ред. Г.М. Максимова. М. : Статистика, 1976. 286 с.
25. Численность, состав и размещение населения СССР: краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М. : Госстатиздат, 1961. 64 с.
26. Бельгер Г.К. Двуязычие как важный фактор воспитания культуры межнациональных отношений // Воспитание культуры межнациональных отношений : материалы республиканской научно-практической конференции (Алма-Ата, 11 мая 1988 г.). Алма-Ата : Казахстан, 1988. С. 104–114.

УДК 316.344.6

Г.В.Жигунова, Ю.А.Афонькина, Т.В.Кузьмичева

Инклюзия как фактор солидаризации современного российского общества

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, является научный анализ и интерпретация концепта инклюзии в контексте решения проблемы солидаризации населения. Раскрыта феноменология и методология инклюзивного подхода к исследованию социальной солидарности населения; уточнен понятийный аппарат инклюзивного подхода к исследованию факторов социальной солидарности. Результаты исследования составят теоретическую основу для разработки программ развития гражданского общества.

Ключевые слова и фразы: солидарность, сплоченность, солидаризация, десолидаризация, инклюзия.

G.V.Zhigunova, Yu.A.Afonkina, T.V.Kuzmicheva

Inclusion as a Factor of Solidarization of Modern Russian Society

The purpose of the study, the results of which are presented in the article, is a scientific analysis and interpretation of the concept of inclusion in the context of solving the problem of population solidarization. It discusses the phenomenology and methodology of the inclusive approach to the study of the social solidarity of the population; clarifies the conceptual apparatus of the inclusive approach to the study of social solidarity factors. The results of the study will form the theoretical basis for the development of civil society development programs.

Key words and phrases: solidarity, cohesion, solidarization, desolidarization, inclusion.

Трансформация всех сфер и общественных институтов российского общества, осуществляющаяся уже более четверти века, изменила практически всю структуру общественных отношений – как в морфологическом, так и содержательном планах. Она не прошла бесследно для процессов общественного воспроизводства, включающих консолидацию и солидаризацию. Следует отметить, что в современном российском обществе социальная солидарность значительно редуцирована, как в его макросоциальных структурных сегментах, так и в микросоциальных. Данное обстоятельство определяется отсутствием единых норм, ценностей, идеалов и це-

Жигунова Галина Владимировна, доцент кафедры специальной философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, доктор социологических наук, доцент, г. Мурманск; конт. инф.: galina-zhigunova@yandex.ru

Афонькина Юлия Александровна, доцент кафедры специальной педагогики и специальной психологии Мурманского арктического государственного университета, кандидат психологических наук, доцент, г. Мурманск; конт. инф.: julia3141@rambler.ru

Кузьмичева Татьяна Викторовна, доцент кафедры специальной педагогики и специальной психологии Мурманского арктического государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент, г. Мурманск; конт. инф.: tvkuzmicheva@gmail.com

© Жигунова Г.В., Афонькина Ю.А., Кузьмичева Т.В., 2017

лей, а также использованием практик дискриминации и социального исключения людей и социальных групп в отношении друг друга. Социальная солидарность реализуется, преимущественно, на уровне микросоциальных связей, не объективирующихся на макросоциальном уровне. Как следствие, современное общество характеризуется крайней индивидуализацией, препятствующей консолидации социальных групп.

Следует подчеркнуть, что состояние или уровень солидарности и сплоченности индивидов в обществе определяет степень гармоничности его функционирования и перспектив развития (М.К.Зверев [1]). Следовательно, серьезная редукция солидарности несет в себе угрозу социальной дезинтеграции и разобщения людей и является важнейшей составляющей социальных отношений. Таким образом, нарушаются процессы общественного воспроизводства в российском социуме, что делает общество уязвимым к влиянию извне чуждой идеологии, насаждению чужих ценностей. Кроме того, возникают социальные барьеры, нередко искусственные, к объединению общественных усилий в направлении развития современных социальных практик, отвечающим вызовам времени.

Солидарность как социальное явление отражает и в то же время порождает единство приоритетных целей и задач, интересов и убеждений, обеспечивая общественное взаимопонимание и сплоченность.

Продуктом социальной солидарности выступает специфический тип сознания – коллективное сознание, которое не сводится к простой сумме индивидуальных представлений. Его содержание составляют коллективные представления, воспринимаемые индивидуальным сознанием как внешние и подавляющие его индивидуальность обстоятельства.

Феномен солидарности, являющийся центральным в концепции Э.Дюркгейма [2], обращает на себя внимание многих ученых, стремящихся понять характер социальных связей и основания объединения социума.

В центре внимания зарубежных ученых – осмысление феномена солидарности на макро- и микроуровнях социальной реальности. В течение двух последних десятилетий прошлого века Н.Лухман [3], Э.Гидденс [4], У.Бек [5] создали генерирующие концепции общества риска, которые позволяют анализировать причины и формы солидарных действий. Тем самым исследования солидарности актуализировались на макроуровне и получили дальнейшее развитие на микроуровнях.

В современной американской социологической науке солидарность исследуется в таких плоскостях, как этническая, политическая, трудовая солидарности (Ф.Нильсен, С.Либерсон [6]). Ф.Нильсен определяет этническую солидарность как реакцию периферии на эксплуатацию со стороны центра. На эмпирическом уровне Ф.Нильсен предлагает обращать внимание при измерении солидарности на цели и запросы этнической группы, а также на их уровень идеологической мобилизованности.

Также в конце XX века американский социолог С.Либерсон предложил метод измерения согласия членов социальных общностей посредством измерения вероятности совпадения взглядов людей на разнообразные социальные явления и процессы. В сфере исследований трудовой солидарности группа американских исследователей из университета Индианы выделяет основные элементы изучения солидарности рабочих. Несмотря на то, что их исследования посвящены групповой солидарности в сфере труда и занятости, опыт построения и анализа эмпирических индикаторов ценен и при изучении солидарности иных групп и общностей.

Концепт солидарности находится в центре внимания и отечественных социологов. Среди которых необходимо назвать, прежде всего, В.А.Ядова [7], который в 90-е годы XX в. исследовал солидарность российского общества в контексте идентификаций; В.О.Рукавишников [8], исследующего социальную солидарность в качестве моральной ценности; А.Я.Флиера [9], анализирующего солидарность как устойчиво воспроизводимую систему общественного порядка, являющуюся ключом ко всей культуре и формам социального бытия; Ю.Г.Волкова [10], исследующего социальную солидарность в контексте проблематики общественных отношений вообще, как взаимодействие индивидов на основе наличия или отсутствия общности интересов и взаимной поддержки.

Проблематика солидарности исследовалась и в работах А.С.Ахиезера [11], рассматривающего проблему исторических оснований солидарности в российском обществе сквозь призму своей концепции монологизации российской культуры; В.Г.Федотовой [12], полагающей, что аномия в нашем обществе возникла по причине радикального отказа от прежде коллективно санкционированных ценностей и норм и полного разрушения механизма социального конструирования реальности; С.А.Кравченко [13], осуществляющего анализ особенностей солидарности в российском обществе с позиций нелинейной динамики; С.Барсуковой [14], изучающей групповую солидарность посредством четырех выделенных компонентов.

Отметим и таких ученых, как О.Н.Яницкий [15] (работа «Риск-солидарности в критической ситуации»), О.А.Усачева [16] (работа «Формирование гражданских сетей солидарности в условиях экологической катастрофы»), Д.В.Ефременко [17] (работа «Многоликая солидарность») и др. Ряд авторов (Е.Омельченко, Г.Сабирова [18]) рассуждают о возможности разработки новых подходов к социологическому описанию понятия «солидарность» в современном обществе, а также о возможности методологического «солидарного поворота» в исследованиях.

Несмотря на интерес ученых к феномену солидарности, тем не менее необходимо отметить недостаточное число междисциплинарных трудов, в которых проблема социальной солидарности российского общества анализировалась бы с разных сторон, с учетом концептуализации моделей ее достижения, с учетом специфики социального функционирования и развития разных уязвимых социальных групп (лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, маргинальных лиц, беженцев и мигрантов, в том числе трудовых; детей, оставшихся без попечения родителей, одиноких престарелых, подростков и молодежи с девиантным и делинквентным поведением, малолетних правонарушителей и др.) и с должным вниманием к контексту процессов десолидаризации современного социума в результате обособления и эксклюзии указанных категорий.

На наш взгляд, одним из факторов солидаризации в современном обществе (и как результата его консолидации) следует рассматривать социальную инклюзию.

В современной социологии закладывается подход, согласно которому исследуются взаимосвязи категорий солидаризации, социальной инклюзии и интеграции. Так, М.В.Алешина [19] делает попытку концептуализировать социальную интеграцию в стратегии формирования сплоченности общества, рассматривая солидаризацию, наряду с социальной интеграцией и инклюзией как процессуальные аспекты сплоченности. Однако анализ взаимосвязей концептов солидаризации и инклюзии в исследованиях не представлен.

Следует подчеркнуть, что в социальном контексте инклюзивные процессы отражают уважение и признание различий в рамках человеческого общества, и выступают в качестве характеристики демократического общества: то, как общество воспринимает разнообразие, что оно делает, чтобы поддерживать разнообразие, является показателем его продвижения на пути достижения демократических ценностей.

Такой подход обоснован имеющейся в современной науке трактовке социальной инклюзии. Как показала В.Н.Ярская [20], социальная инклюзия в широком смысле есть своеобразная демократическая акция включения индивида или группы людей в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу. Указанное обстоятельство определяет проблему социальной инклюзии как фактора развития общественного воспроизводства в отечественном социуме.

Современные зарубежные и отечественные исследования инклюзии исходят из того, что инклюзия предполагает общественные гарантии всем его гражданам, независимо от социального положения, расовой или конфессиональной принадлежности, физических и умственных способностей и др. (Р.Дименштейн, И.Ларикова [21], М.А.Егупова [22], Е.Р.Ярская-Смирнова [23], Г.Банч [24]). Исходным моментом концептуального анализа инклюзии выступает рассмотрение ее как социального явления, в контексте развития правового общества (А.Бут [25], Е. Kesalahti, S. Uusgynen [26]), как путь к созданию включающего общества, в наибольшей степени реализующего права граждан. При этом различия между людьми рассматриваются как ресурсы, способствующие развитию, а не препятствия, которые необходимо преодолевать.

В данных условиях стремление к достижению единства и солидарности как социальных общностей, так и граждан, становится приоритетом общественного развития.

Вышесказанное подводит к проблеме определения факторов консолидации и солидаризации разных социальных групп и поиска эффективных путей оптимизации данных социальных процессов.

Принципом устойчивого развития современного общества как демократического и гуманистического выступает равенство прав и свобод. Равные права граждан в Российской Федерации гарантируются Конституцией России, а защита прав регулируется нормами гражданского, гражданско-процессуального, уголовного, уголовно-процессуального, административного и трудового законодательства.

Современные реалии таковы, что устойчиво развиваться может только инклюзивное, включающее, общество. Оно помогает человеку удовлетворить базовые потребности, что стабильно повышает качество жизни разных категорий населения, в свою очередь, приводя к тому, что аккумулируются социальные ресурсы, создавая новый прогрессивный контекст развития общества. Тем самым преодолевается противоречие между потребностями индивидов и способами их удовлетворения, которые предлагает современное общество.

Сущность связи концептов социальной инклюзии и солидарности можно интерпретировать, исходя из понимания противоположности социальной инклюзии – социальной эксклюзии.

Феноменологический аспект социальной эксклюзии Э.Гидденс [4] рассматривает как исключение, не обозначающее градацию неравенства, но выступающее механизмом, отдаляющим группы людей от главного социального потока. Он связывает проблему инклюзии и солидарности, рассматривая две формы социального ис-

ключения, характерные для современного общества, а именно добровольное исключение, так называемое элитное самоотгораживание, представляющее верх социальной пирамиды, и экстремальная форма – «жертв структуризации», сосредоточенная внизу иерархии, которая есть не что иное, как результат структурных и культурных изменений общества, угрожающая социальному пространству и солидарности.

Так, М.С.Астоянц [27] понимает под социальной эксклюзией многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества, и состояние отверженности индивидов или групп, возникающее вследствие этого процесса.

Следовательно, социальная инклюзия может быть понята как процесс восстановления утраченных по каким-либо причинам социальных связей, обеспечивающих человеку участие в жизни общества, то есть процесс преодоления социальной разобщенности и изоляции.

Таким образом, с позиции солидаризации социально значимыми и актуальными в настоящий момент становятся инклюзивные практики.

В теоретическом смысле рассмотрение инклюзии в качестве фактора солидаризации обогащает ее феноменологию как научного концепта. Она предстает в качестве не только функционального элемента внутренней политики государства, но и как фактор регулирования процесса формирования гражданского общества на основе устранения социальных барьеров и включения всех его членов в социальную жизнь, в повседневные, ежедневно реализуемые практики.

В практическом плане социальная инклюзия определяет инновационные стратегии социальной работы, направленной на успешную солидаризацию разных категорий населения, с одной стороны, а с другой – стратегии развития включающего общества как общества демократического и гуманного.

Поскольку процесс социального включения – исключения зависит от сложных условий, созданных путем взаимодействия индивидуальных и социальных факторов, инклюзия требует от общества определенных дополнительных мер, средств и усилий, существенных изменений общественного сознания и общественных институтов в направлении принятия и участия всех без исключения категорий населения.

Данные изменения определяются направленностью инклюзивного общества на поддержание разнообразия в противовес стиранию различий. Социальная инклюзия подводит к отказу от идеи «одинаковости» и «типичности» индивидов в построении гармоничных общественных отношений, побуждая смотреть шире традиционно заданных социальных границ (и ограничений) в понимании индивидуальной ценности человека и его значимости для общества. Тем самым, инклюзия выступает индикатором продуктивности и прогрессивности взаимоотношений между обществом и человеком, задает новую парадигму общественной жизни и социального уклада граждан, требующих серьезных преобразований на макро- и микроуровнях. Соответственно, индивид получает возможность быть принятым, независимо от особенностей здоровья, национальности, религии, пола и других отличий.

Итак, научная разработка феномена инклюзии в качестве фактора солидаризации позволит выявить глубинную природу социальных явлений в современном обществе, расширить интерпретационное содержание феноменов, связанных с инклюзивными практиками, социальных условий и факторов, рассматриваемых как своеобразные индикаторы общественных тенденций.

Список использованных источников

1. Зверев М.К. Особенности социальной солидарности в современном российском обществе : дис. ... канд. филос. наук. Иркутск : Иркутск. гос. ун-т, 2009. 163 с.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Терра, 2008. 400 с.
3. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991. 236 с.
4. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Polity Press, 1999. 176 с.
5. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London : Sage Publications, 1992. 260 с.
6. Урсуленко К. Социальная солидарность: развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации // Социология: теории, методы, маркетинг. 2009. № 1. С. 138–157.
7. Ядов В.А. Солидарности россиян в повседневной жизни и общегосударственном масштабе // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 90–93.
8. Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17–25.
9. Флиер А.Я. Очерки теории исторической динамики культуры : монография. М. : Согласие, 2015. 528 с.
10. Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 13–22.
11. Ахиезер А.С. Монологизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 24–34.
12. Федотова В.Г. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
13. Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: игрализационный подход : монография. М. : МГИМО-Университет, 2006, 172 с.
14. Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики (на примере стратегий мигрантов предпринимателей) // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 3–12.
15. Яницкий О.Н. Риск-солидарности в критической ситуации // Социологический ежегодник : сб. научн. тр. / ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефименко. М. : ИНИОН РАН, 2011. С. 143–161.
16. Усачева О.А. Формирование гражданских сетей солидарности в условиях экологической катастрофы // Социологический ежегодник : сб. научн. тр. / ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефименко. М. : ИНИОН РАН, 2011. С. 162–172.
17. Ефременко Д.В. Многоликая солидарность // Социологический ежегодник : сб. научн. тр. / ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефименко. М. : ИНИОН РАН, 2011. С. 48–52.
18. Новые молодежные движения и солидарности России / под ред. Е.Л. Омельченко, Г.А. Сабировой. Ульяновск : Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2011. 216 с.
19. Алешина М.В. Концептуализация социальной интеграции человека в стратегии формирования сплоченности российского общества [Электронный ресурс] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-sotsialnoy-integratsii-cheloveka-v-strategii-formirovaniya-splochennosti-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 12.01.2017).
20. Ярская В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии : сборник научных статей и научно-методических материалов. Саратов : Научная книга, 2008. С. 11–16.
21. Дименштейн Р., Ларинова И. Интеграция или инклюзия. Спор о словах и нерешенных проблемах образования «особых» детей // Защити меня! 2008. № 1. С. 55–59.
22. Егупова М.А. Принципы равенства, инклюзия и недискриминация в реализации права на образование лицами с ограниченными возможностями // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2. С. 112–121.
23. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов : СГТУ, 1997. 100 с.
24. Банч Г. 10 ключевых пунктов успешной инклюзии // Аутизм и нарушения развития. 2010. № 3. С. 50–67.

25. Бут Т., Эйнкау М. Показатели инклюзии : практическое пособие / под ред. М. Вогана ; пер. И. Аникеева ; научн. ред. Н. Борисова. М. : РООИ «Перспектива», 2007. 124 с.

26. Kesalahti E., Uayrynen S. Learning from Our Neighbours: Inclusive Education in the Making. Rovaniemi, 2013. 101 с.

27. Астоянц М.С. Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация) : монография. Азов : ООО «АзовПечать», 2009. 271 с.

УДК 316.4:93/94

Ш.Р.Зайнетдинов

Тенденции сдвигов в социальной структуре города в условиях форсированной модернизации российского общества (вторая половина 1920-х – 1930-е гг.)

Статья посвящена проблеме изменений в социальной структуре городов в условиях перехода к форсированным темпам модернизации российского общества. Основной акцент сделан на выявлении факторов, сделавших неизбежным достижения форсированных темпов преобразований, места и роли экономики, социальной структуры городов в данном процессе. Отмечены также важнейшие последствия указанных перемен как для самих городов, так и для российского общества в целом.

Ключевые слова и фразы: классы, социальные слои, социальная структура, город, модернизация, индустриализация, насилие, рабочий класс, крестьянство, управленцы, интеллигенция, предприниматели.

Sh.R.Zaynetdinov

Tendencies of Shifts in the Social Structure of the City under Conditions of Forced Modernization of Russian Society (Second Half of 1920s–1930s)

The article is devoted to the problem of changes in the social structure of cities under the conditions of transition to the forced modernization of Russian society. The main emphasis is placed on identifying the factors that made the achievements of the forced transformations, the place and role of the economy, the social structure of cities in this process inevitable. The most important consequences of these changes both for cities and for Russian society as a whole are noted.

Key words and phrases: classes, social strata, social structure, city, modernization, industrialization, violence, working class, peasantry, managers, intelligentsia, entrepreneurs.

Вторая половина 20-х гг. и все десятилетие 30-х гг. XX века являются совершенно особым периодом в истории российского общества. В указанный чуть более

Зайнетдинов Шамиль Рашитович, профессор кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: Shamy12002@rambler.ru

© Зайнетдинов Ш.Р., 2017

десятилетие период страна совершила стремительный рывок по пути обществено-цивилизационного прогресса, осуществив трансформацию из традиционного аграрного общества в индустриальное.

Основные объекты индустрии преимущественно располагаются в городах, так как именно здесь формируется адекватная достигнутой стадии цивилизационной зрелости социальная структура, а также культура и менталитет городского социума, которые, в свою очередь, оказывают влияние на все общество. Поэтому исследование сдвигов, происходивших в городах, дает возможность выявить важнейшие тенденции развития социума в целом и отдельных его составляющих, а также факторы, обусловившие данные тенденции.

Необходимость кардинальных перемен, вывода российского общества на новый, более высокий уровень цивилизационной зрелости стала очевидной еще на рубеже XIX–XX веков. При этом во всех слоях населения крепло убеждение в том, что решение подобной, имеющей судьбоносное значение для страны задачи, невозможно в рамках существовавшей, традиционной для России, монархической модели развития.

Разрешением данного противоречия стал революционный катаклизм 1917 г. и последовавшая за ним длительная и кровопролитная Гражданская война, в ходе которой произошло формирование (в главном и основном) новой модели общественного развития. Одной из главных отличительных черт этой модели стала концентрация всех рычагов власти, в том числе в экономике, в руках одного слоя – партийно-государственной и хозяйственной бюрократии, превращение функции управления в исключительную прерогативу данного слоя [1, с. 4–37].

Вместе с тем окончательное становление данной системы было неизбежно растянуто во времени, что предопределило выделение нескольких этапов. При этом ход самого процесса, равно как и содержание его отдельных составляющих в большей степени обуславливалось решением главной задачи – совершение модернизационного скачка, преодоление отсталости страны, достижения качественного более совершенного состояния – индустриального общества [2, с. 5–32].

Первоначально захватившая в стране власть леворадикальная партия большевиков попыталась осуществить кардинальные преобразования – построение социалистического общества – исходя из примитивно догматически понятых положений марксизма. Эта политика получила название «военного коммунизма» и стала одной из главных причин долгой и кровопролитной Гражданской войны и тотальной разрухи в стране. Основным итогом данного периода в сфере социальных отношений было проистекавшее из полного коллапса в экономике противопоставление интересов правящей бюрократии и практически всего населения страны, что заключало в себе реальную угрозу нового социального катаклизма и утраты слоем управленцев власти и статуса самой привилегированной группы в обществе.

Данное обстоятельство вынудило большевистское руководство привести весьма существенные изменения в стратегию развития страны. Важнейшими составляющими этой стратегии явились легальное функционирование частной собственности на средства производства во всех секторах народного хозяйства, расширение сферы действия товарно-денежных отношений, включая создание рынка труда и некоторые другие. В совокупности подобного рода меры получили название новой экономической политики – НЭП.

Возможности открытого, легального проявления частной инициативы способствовали заметному оживлению производительных сил, что, в свою очередь, стало причиной смягчения социальной напряженности и привело общество от состояния гражданской войны к состоянию гражданского мира.

Вместе с тем в самое непродолжительное время выявились и недостатки НЭПа. Главным из них стала неспособность в кратчайшие исторические сроки совершить всестороннее преобразование жизни, вывести Россию на качественно новый уровень цивилизационной зрелости – индустриальное общество. Данное обстоятельство подвигло правящий слой партийно-государственной бюрократии к кардинальному пересмотру экономической и социальной политики, выработки принципиально иной стратегии развития, способной придать новый, гораздо более мощный стимул процессам модернизации и обновления всех сторон жизни российского общества.

В силу целого ряда политических, идеологических, а также социальных факторов, подобного рода политика сводилась в основном к полному запрещению свободного функционирования частной собственности, сохранению единственного – «социалистического» – уклада в экономике и, соответственно, максимальному расширению тоталитарных, репрессивных методов управления страной. Важнейшим этапом в процессе достижения форсированных темпов модернизации стало принятие на XVI конференции ВКП(б) в апреле 1929 г. первого пятилетнего плана социально-экономического развития страны [3, с. 449–455].

Ускорение темпов социально-экономического развития страны, главным образом концентрация всех сил и ресурсов на создании мощного индустриального комплекса, обусловило глубокие сдвиги в социальной структуре общества, при этом наиболее кардинальные изменения произошли в составе населения городов.

Исследование тенденций сдвигов в социальной структуре российского города предполагает рассмотрение, в первую очередь, изменения числа и доли городских жителей в составе всего населения страны. Как показывают данные статистики, в период с 1929 г. по 1933 г. общая численность населения в России возросла на 7,5 %, в то время как число горожан увеличилось на 43,8 %, в соответствии с чем их удельный вес в общей массе жителей страны поднялся с 17,9 % до 24 % [4, с. 542].

Форсированные темпы модернизации общества, в первую очередь стремительное укрепление его индустриального потенциала, обусловили не только ускорение темпов урбанизации, но и заметную дифференциацию самих городских поселений в зависимости от их вклада в социально-экономический прогресс. Об этом достаточно наглядно свидетельствуют данные изменения количества городов и городского населения.

Так, в течение 1926–1935 гг. число городских поселений всех типов в России увеличилось на 46,1 %, а численность населения, приходящегося в среднем на каждое из них, возросла на 26,7 % [5, с. 355, 544]. Как показывают данные статистики, в период 1926–1935 гг. наиболее высокие темпы населения наблюдались в самых крупных городах, число жителей в которых превышало 100 тыс. чел. [5, с. 355, 544].

Подобная тенденция демонстрировала укрепление производственного потенциала, социальной и культурной инфраструктуры названных поселений, в большинстве случаев являвшихся традиционными крупными экономическими и культурными центрами страны. Эта тенденция тем более важна, что именно в подобных

центрах зарождались и получали свое первоочередное и наиболее активное проявление основные признаки индустриального общества.

Как было отмечено, развитие страны в изучаемые годы происходило в условиях господства тоталитарной «советской» системы, в условиях которой отсутствовал механизм обратной связи между властью в лице слоя партийно-государственной бюрократии и обществом. Одним из наиболее тяжелых последствий подобного положения явилась резко усилившаяся асимметрия общественного развития, что в полной мере проявилось в ходе совершения модернизационного скачка в период второй половины 1920-х–1930-е гг. и стало одним из главных источников перманентной социальной напряженности в обществе [6, с. 130–140]. Наглядным примером могут служить темпы роста населения в городских поселениях разного типа.

Так, на протяжении 1926–1931 гг. темпы роста населения городов с числом жителей свыше 50 тыс. чел. составили для всех промышленных центров 145,9 %, в том числе с преобладанием тяжелой индустрии – 150,1 %, прочих городов – 123,6 %, в том числе ставших административными центрами республик, областей и краев – 133,8 % [5, с. 355]. Примерно такая же картина наблюдалась среди малых и средних городов, хотя население в них увеличивалось быстрее, чем в соответствующего типа крупных городских поселениях [5, с. 355].

В данной тенденции в полной мере обнаружились основные противоречия развития страны на новом этапе ее истории. Главным образом, это возможности одномоментной мобилизации всех сил и средств общества и концентрации их на важнейших направлениях, но одновременно это и неспособность обеспечить достаточно гармоничное развитие общества как единого социального организма.

Опережающие темпы роста населения городов, располагающих достаточно крупным индустриальным, в первую очередь промышленным, потенциалом обуславливались той более важной и ответственной ролью, которую промышленное производство играет в процессе индустриальной модернизации экономики, преодоления на этой основе общей отсталости страны. Определенное превышение темпов роста населения малых и средних индустриальных городов над крупными центрами объясняется, главным образом, изменением методики определения типов городских поселений, а также активно проводившимся на протяжении 1920-х–начале 1930-х годов постепенном преодолении отсталости российского общества.

Дело в том, что одним из явных пережитков доиндустриальной эпохи выступало сохранявшееся и в начале XX в. запрещение строить промышленные предприятия в черте городов, в силу чего территории, на которых они располагались, в социально-экономическом отношении давно слившиеся с собственно городскими поселениями, не включались официальной статистикой в состав городов. Соответственно, жители этих районов также не рассматривались официальной статистикой как городские жители. Поэтому в 1920-е–начале 1930-х гг. данное несоответствие активно устранялось.

Кроме того, определенное влияние на изменение числа и доли малых и средних индустриальных городов оказал и такой важный фактор, как размещение производительных сил на территории страны с целью укрепления индустриального потенциала отдельных регионов.

В целом как закономерную следует рассматривать тенденцию более высоких темпов роста населения городов, не располагающих крупным промышленным потенциалом, но являющихся административными центрами республик, областей, краев, по сравнению с другими неиндустриальными городами. Это говорит о том, что в исследуемый период шел активный процесс повышения роли и значения городов не только как центров индустриального производства, но и как центров политической, административной, культурной жизни.

Значимость приведенного факта в том, что всем крупным городам, независимо от их производственной специализации, присущи общие черты собственно городского образа жизни, ментальности населения, материальной и духовной культуры и т. д. Следовательно, отмеченная тенденция быстрого роста численности административных центров, даже не обладающих крупным промышленным потенциалом, свидетельствует о дальнейших и весьма ощутимых успехах процесса урбанизации.

Но одновременно изучаемая тенденция выявляет и значительные негативные явления в развитии страны на протяжении второй половины 1920-х г. и в 1930-е г. Наиболее значимой из них выступает рост дифференциации в темпах роста численности населения крупных городов, с одной стороны, малых и средних – с другой. Изменение абсолютного и относительного числа жителей отдельных городских поселений находится в прямой зависимости от возможности удовлетворения материальных и духовных запросов проживающих в данных поселениях людей. Следовательно, приведенные данные об увеличении разрыва в темпах роста населения городов разного типа говорят о возрастании социально-территориальных различий, в частности по такому кардинальному признаку, как образ жизни, возможности усваивать стандарты индустриального общества, собственно городскую культуру населением крупных городов, с одной стороны, малых и средних – с другой.

В целом успешный ход урбанизации как важнейшей составляющей процесса модернизации российского общества находил свое проявление не только в росте числа городов и городского населения. Не менее важным показателем здесь выступают глубокие сдвиги в социальной структуре городов. Как следует из материалов статистики, в период 1926–1931 гг. темпы роста всего городского населения составили 132,8 %, а самостоятельной его части – 146,4 % [5, с. 358]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что по мере укрепления производительных сил города, все большая часть трудоспособного населения стала участвовать в общественном производстве, что оказывало положительное воздействие не только на экономику и социальную структуру, но и на морально-нравственный облик общества, способствуя вовлечению все больших масс народа в общественное производство.

Проведение форсированной индустриализации и модернизации в условиях господства тоталитарной «советской» системы предполагало тотальное огосударствление экономики, прежде всего системы городского хозяйства. Это делало неизбежным ликвидацию частнособственнического сектора в экономике и как конкурента государственных предприятий, и как феномена, дающего определенную самостоятельность занятому в негосударственном секторе хозяйства населению.

Все названные факторы обусловили соответствующие сдвиги в социальной структуре российского города. Так, с 1926 по 1931 гг. темпы роста рабочих составили 220,4 %, служащих – 169,2 %, в то же время численность занятых в частном секторе экономики уменьшилась на 33,3 % [5, с. 358]. В целом отмеченные особенности из-

менения численности отдельных социальных слоев достаточно точно выявляют как исходный уровень, так и основные направления социально-экономического развития страны.

Центральным звеном проводимой в 1920–1930-е гг. модернизации являлась индустриализация, что в конкретных условиях изучаемого периода подразумевало создание максимально приоритетных условий для ускоренного развития тяжелых отраслей промышленности. Данное обстоятельство оказало решающее воздействие на размещение производительных сил на территории страны, что в свою очередь во многом определило характер урбанизационных процессов. Об этом достаточно наглядно свидетельствуют данные о взаимосвязи изменения абсолютной численности населения городов и их места и роли в народнохозяйственном комплексе страны.

Так, в течение 1926–1931 гг. темпы роста всего населения составили: в крупных городах с преобладанием металлургической и угольной промышленности – 164,3 %, в средних и мелких городах аналогичного производственного профиля – 184,4 %, в крупных городах с преобладанием текстильной промышленности – 145,4 %, в средних и мелких с той же специализацией – 141,2 %, в прочих индустриальных городах – 135,9 %, в городских поселениях комбинированного типа – 128,9 %, в неиндустриальных городах – 117,4 % [5, с. 358].

Из приведенных данных следует, что опережающие темпы роста населения наблюдались в городах, производственный профиль которых определяли отрасли тяжелой промышленности, притом быстрее всего возрастало число жителей в малых и средних городах. Более медленными темпами росло население в городах с преобладанием текстильной промышленности, при этом в подобных крупных городах численность населения увеличивалась быстрее, чем в малых и средних. Далее, по нисходящей, шли прочие индустриальные, т. е. не имеющие четкой производственной специализации города, городские поселения комбинированного типа и, наконец, неиндустриальные города.

Увеличение численности жителей любого населенного пункта в решающей степени определяется жизненными условиями, в первую очередь – производственной и социальной инфраструктурой. Следовательно, приведенные выше данные показывают, что в изучаемые годы явно обозначились различия не только в развитии производительных сил, но и в уровне и качестве жизни центров тяжелой индустрии, с одной стороны, всех прочих городских поселений – с другой.

Данные статистики свидетельствуют, что в период проведения форсированной индустриализации, наряду с безусловно положительным фактом – расширением географии размещения производительных сил, наблюдались и такие тенденции, как рост различий в уровне и качестве жизни городов с разной производственной спецификой. При этом в наиболее трудном положении оказывались населенные пункты, производственный потенциал которых был направлен преимущественно на удовлетворение повседневного спроса широких масс населения.

Как отмечалось, урбанизация отразилась на глубоких изменениях в социальной структуре, в первую очередь на увеличении абсолютной и относительной численности рабочего класса. Так же, как и население в целом, наиболее высокие темпы роста рабочего класса наблюдались в городских поселениях с преобладанием металлургической и угольной промышленности. В течение 1926–1931 гг. данный показатель составил в крупных городах 307,8 %, в малых и средних – 256,8 %, в

в прочих индустриальных центрах – 205,3 %. Соответственно более медленно увеличивалось число рабочих в городских центрах с развитой текстильной промышленностью. Темпы их роста в крупных городах были равны 184,3 %, средних и мелких – 157 %. Наконец, статистика выделяла такие поселения, как города комбинированного типа и неиндустриальные города. В первом случае темпы роста рабочих составили 238 %, во втором – 205 % [5, с. 358].

Приведенные данные в полной мере отражают особенности и противоречия социально-экономического развития российского общества во второй половине 1920-х–начале 1930-х гг. Так, высокие темпы роста рабочего класса в городах всех типов свидетельствовали о чрезвычайно активном наращивании экономического и, в первую очередь индустриального потенциала, а быстрый рост численности рабочих в малых и средних городах отражал расширение географии размещения производительных сил.

Вместе с тем ведущим направлением в процессе укрепления и обновления индустриального потенциала являлось создание предприятий-гигантов во всех отраслях промышленности, с сохранением приоритета тяжелой индустрии. В результате чего наблюдалось резкое усиление диспропорций в развитии экономики, причем в наиболее трудной ситуации оказывались отрасли, нацеленные, преимущественно, на удовлетворение повседневных потребностей широких слоев населения, в частности, текстильное производство.

Имел место и значительный разрыв в темпах роста рабочего класса в крупных индустриальных центрах, с одной стороны, малых и средних городах, независимо от их производственной специализации – с другой. Этот факт также говорит об увеличении различий в уровне социально-экономического и культурного развития отдельных регионов.

Кроме того, достаточно быстрый рост рабочего класса в малых и средних городах свидетельствовал о максимальном использовании всех ресурсных и производственных возможностей страны. Но в то же время (и это было особенно характерно для довоенных лет) широкое внедрение достижений научно-технического прогресса было возможно только на крупных предприятиях. Следовательно, промышленность небольших городов работала в абсолютном своем большинстве на устаревшем, маломощном и малопроизводительном оборудовании. Из этого следовало, что возникали и усиливались значительные различия в уровне образования, квалификации, общей культуры рабочих крупных городов, с одной стороны, малых и средних – с другой.

Выше отмечалось, что на протяжении всего «советского» периода истории страны и в годы первых пятилеток, в особенности, социальная инфраструктура создавалась преимущественно как своего рода неизбежное дополнение к инфраструктуре производственной. Из сказанного следовало, что возникали отчетливо выраженные различия между отдельными регионами, а также явная неэквивалентность в отношениях между Центром и малозначимыми с точки зрения укрепления индустриального потенциала областями. Жители крупных городских центров, прежде всего крупных центров тяжелой промышленности, имели явные преимущества в повышении уровня и качества жизни, удовлетворении своих материальных и духовных потребностей. Названные обстоятельства обуславливали усиление противоре-

чий между отдельными территориальными составляющими в принципе единой социально-классовой категории – рабочего класса.

Индустриализация отразилась не только на росте численности рабочего класса. Достаточно высокие темпы роста имели место у всех категорий работников умственного труда, в первую очередь собственно интеллигенции, а также занятых в органах власти и управления.

Отечественная статистика, в том числе и в 1930-е гг., не выделяла интеллигенцию в качестве отдельного социального слоя, включая ее в категорию служащих. В эту же категорию входили и представители различных видов малоквалифицированного умственного слоя – служащие-неспециалисты, партийно-государственная и хозяйственная бюрократия, занятые в сфере обслуживания.

Несмотря на значительные различия между названными социально-профессиональными группами, тенденции изменения абсолютной и относительной численности каждой из них можно рассматривать в качестве важного критерия оценки процессов модернизации и урбанизации. Так, высокие темпы роста слоя правящей бюрократии, как группы занятых высококвалифицированным умственным трудом, свидетельствовали, в конечном итоге, о повышении уровня социокультурной зрелости общества.

Как показывают данные статистики, в течение 1926–1931 гг. темпы роста служащих составляли: в крупных городах с преобладанием металлургической и угольной промышленности – 201,4 %; в средних и малых – 251,8 %; в крупных городах с преобладанием текстильной промышленности – 163,7 %; в средних и малых того же производственного профиля – 168,5 % [5, с. 358].

Таким образом, тенденции изменения численности служащих в городах с различной производственной ориентацией были в целом такими же, как и у рабочих. Здесь также темпы роста в городах с преобладанием тяжелой промышленности превышали аналогичный показатель городов с преобладанием легкой промышленности. А более высокие темпы роста служащих в средних и малых городах объясняются, главным образом, тем, что в 1920-х–начале 1930-х гг. в России активно проходил процесс преобразования населенных пунктов с развитой промышленностью, но не обладавших статусом города, в собственно города. При этом в данных поселениях заметно увеличивалось число органов местной власти и управления, качественно изменялась или же возникала впервые социальная инфраструктура и т. д. Все это вместе взятое обусловило опережающий рост численности служащих. Аналогичная картина наблюдалась и в городах, не имевших четко выраженной отраслевой специфики.

В социальной структуре российского общества в середине 1920-х – начале 1930-х гг. был слой занятых частным предпринимательством, обозначаемых официальной статистикой как самостоятельные производители. В конце 1920-х гг. этот слой независимых производителей, олицетворявших собой экономическую самостоятельность, и подлежал искоренению. Как показывают материалы статистики, в течение 1926–1931 гг. численность частных предпринимателей уменьшалась в городах повсеместно, хотя имелись различия в характере проявления данного процесса в зависимости от типа городского поселения [5, с. 358].

В целом можно сделать вывод, что реализация курса на форсированную индустриализацию и модернизацию российского общества на основе резкого сокра-

щения сферы действия товарно-денежных отношений и максимально широкого применения мер насильственного характера обусловили кардинальные перемены в социально-экономическом развитии страны.

О характере и наиболее общих итогах развития российского общества, изменения места и роли городов в процессе продвижения по пути цивилизационного прогресса на протяжении второй половины 1920-х–1930-е гг. можно судить по материалам переписей населения 1926 и 1939 гг. Согласно итогам указанных переписей в течение исследуемого периода темпы роста городского населения составили 213,3 %, удельный вес в общей массе жителей страны увеличился с 17,9 % до 32,9 % [8; 9].

Далее, материалы переписей населения также свидетельствуют, что в течение 1926 – 1939 гг. самые высокие темпы роста в городах были у работников органов власти и управления. Их численность возросла примерно в 4,2 раза, удельный вес в общей массе занятого населения городов повысился с 2,6 до 3,9 %, при этом численность интеллигенции увеличилась приблизительно в 3,5 раза, удельный вес поднялся с 5,8 % до 7,3 % [8; 9].

Достаточно быстро увеличивалась и численность работников сферы обслуживания. Темпы их роста составили 248,7%, но удельный вес среди всего городского самостоятельного населения упал с 23,6 % до 20,9 % [8; 9].

Социальная структура общества включала в себя также группу отбывавших наказание в местах лишения свободы. За 1926–1939 гг. темпы роста данной категории составили 894,3 %, а удельный вес среди всего городского самостоятельного населения поднялся с 2,2 % до 6,9 % [8; 9]. Таким образом, самой быстро растущей социальной группой российского общества в период середины 1920-х гг. – конца 1930-х гг. были осужденные. Данный факт является наиболее убедительным свидетельством того, что достижение форсированных темпов индустриализации и модернизации посредством максимального упора на административные методы управления, включая насильственные, позволили использовать дешевый труд осужденных, количество которых закономерно возрастало.

Проделанный анализ показал, что период второй половины 1920-х – 1930-е гг. явился важным этапом развития российского общества. В это время произошел модернизационный скачок, страна вышла на новый рубеж цивилизационного прогресса – индустриальное общество. Основным критерием совершения данного скачка выступало резкое ускорение процессов урбанизации, качественные изменения в развитии городов, в том числе и в их социальной структуре, превращение городов в решающий фактор цивилизационного прогресса. Важнейшей особенностью происходившей качественной трансформации общества в те годы было господство тоталитарной «советской» системы. В результате резкого усиления асимметрии общественного развития проявились и усилились социальные противоречия, в том числе и между территориальными группами в целом единых социальных слоев (рабочего класса, интеллигенции, служащих). Это, в свою очередь, делало неизбежным дальнейшее усиление репрессивной политики как решающего средства разрешения их противоречий и важного фактора продвижения страны вперед, что, в конечном итоге, и определило «советскую» систему как тупиковое направление общественного прогресса.

Список использованных источников

1. Зайнетдинов Ш.Р. Управленцы в социальной структуре российского общества: от функциональной к системообразующей социальной роли (рубеж XIX–XX вв.–конец 1930-х гг.). Уфа : Восточный университет, 1999. 63 с.
2. Зайнетдинов Ш.Р. Социальная структура в процессах модернизации российского общества (рубеж XIX–XX вв.–конец 1930-х гг.). Уфа : Гилем, 2000. 367 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. 575 с.
4. Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М. : ЦУНХУ Госплана СССР : Союзоргучет, 1936. 719 с.
5. Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М. : ЦУНХУ Госплана СССР : Союзоргучет, 1934. 624 с.
6. Зайнетдинов Ш.Р. Социальные риски в условиях модернизации российского общества: причины, характер проявления, результаты (рубеж XIX–XX веков–конец 1930-х г.) // Вестник ВЭГУ. 2015. № 1 (75). С. 130–140.
7. Зайнетдинов Ш.Р. Рабочий класс в процессах модернизации российского общества (рубеж XIX–XX вв.–конец 1930-х гг.) // Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории : сборник научных статей. Посвящается памяти доктора исторических наук, профессора Ю.П. Смирнова. Чебоксары, 2012. С. 127–159.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 34. Союз Советских Социалистических Республик. Занятия. М. : ЦСУ СССР. Издание планхогиза, 1930. 225 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М. : Наука, 1992. 256 с.

УДК 388.142.2

Э.Р.Калимуллина, Е.А.Самарина, А.Д.Петрова

**Современное экономическое пространство
социальной защиты населения**

В статье рассматривается современное экономическое пространство социальной защиты населения Российской Федерации, в частности детей с ограниченными возможностями здоровья. Для более подробного изучения данного аспекта авторами рассмотрена трехэлементная классификация экономического пространства в целом, включая и пространство социальной

Калимуллина Эльза Рамисовна, доцент кафедры финансов и кредита Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета, кандидат социологических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: kalimullinaer@mail.ru

Самарина Евгения Аликовна, старший преподаватель кафедры финансов и кредита Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: fbd@ugues.ru

Петрова Анастасия Дмитриевна, старший преподаватель кафедры финансов и кредита Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: wdashanastya@mail.ru

© Калимуллина Э.Р., Самарина Е.А., Петрова А.Д., 2017

работы, позволяющая систематизировать и выявлять стратегию дальнейшего совершенствования деятельности каждого участника социально-экономического пространства.

Ключевые слова и фразы: экономическое пространство, социальное пространство, дети-инвалиды, управление социальной защитой.

E.R.Kalimullina, E.A.Samarina, A.D.Petrova

Modern Economic Space of Social Protection of Population

The article deals with the modern economic space of the social protection of the population of the Russian Federation, in particular children with disabilities. For a more detailed study of this aspect, the authors consider a three-element classification of the economic space as a whole, including the space of social work, which allows to systematize and identify the strategy for the further improving the activities of each participant in the socio-economic space.

Key words and phrases: economic space, social space, children with disabilities, management of social protection.

В современной России проблема экономического аспекта социальной защиты населения не перестает быть актуальной на протяжении многих лет, невзирая на проводимую государством политику в социальной сфере. Условия, в которых развивается современный социум, обусловили тот факт, что экономические отношения, складывающиеся в социальном пространстве общества должны быть построены на базе справедливого распределения материальных и духовных благ, надежных гарантий обеспечения, прежде всего, экономических основ жизнедеятельности входящих в него социальных субъектов. Значительное количество работ отечественных ученых посвящено исследованию вопроса предпосылок создания эффективной экономической основы социальной защиты населения.

В рамках исследуемой проблемы вопрос управления социальной защитой детей-инвалидов в современных условиях представляется особенно важным, что делает весьма актуальным теоретическое обоснование и критический анализ социальной политики и социальной работы, в частности, в аспектах решения двух ключевых задач на пути обеспечения социальной адаптации детей-инвалидов – с одной стороны, полная социальная защищенность, создание возможностей для доступа ко всем материальным и духовным ценностям, а с другой – содействие в посильном осуществлении обязанностей как членов общества в будущем.

Экономика в сфере социальной работы определяет и изучает многогранные процессы и тенденции, сопряженные с природой возникновения и удовлетворения потребностей. Социальная деятельность нацелена на защиту прав человека, а права человека – это санкционированные обществом (законом или моралью) его потребности. Согласно классификации, применявшейся в отечественной статистике, социальное обслуживание относилось к непроизводственной сфере. Так, несколько условно назывались отрасли и виды деятельности, не составляющие материальное производство. Сфера нематериальных услуг, к которой принадлежит и сфера социальной работы, концентрирует в себе жилищно-коммунальное, бытовое и социальное обслуживание, здравоохранение, образование, культуру, пассажирский автотранспорт, связь (для населения), социальное обеспечение и страхование населения и др. Деятельность работников, оказывающих вышеупомянутые услуги, носит нематериальный характер.

По мнению авторов, прежде чем перейти к рассмотрению понятий «социальное пространство» и «экономическое пространство» следует определить, что же подразумевает под собой «пространственность». Итак, «пространственность» – это одно из фундаментальных измерений человеческого бытия, структурирующее мировоззрение, картину мира и деятельность человека как родового существа.

Остановимся вначале на понятии «социальное пространство». Социальные концепции, оперирующие понятием социального пространства весьма разнообразны, поскольку, во-первых, многогранна коннотационная насыщенность терминов, образующих данное понятие, во-вторых, различные авторы понимают социальное пространство в разной степени абстрагированности. Понятие социального пространства присутствует в работах как зарубежных, так и отечественных авторов. Его разработка началась в трудах П.Сорокина [1], который одним из первых концептуально представил социальное пространство в своей знаменитой работе «Человек. Цивилизация. Общество». Не менее значительный вклад в развитие данной категории внес П.Бурдьё [2, с. 195]. В современной отечественной научной литературе понятие «социальное пространство» получило свое развитие в трудах Г.Зборовского [3, с. 66] и других авторов. Достаточно распространенным на сегодняшний день является рассмотрение социального пространства сквозь призму социальных институтов. С точки зрения данного подхода социальное пространство представляется в виде обширного «поля», где на разных уровнях и в разных сферах социальной реальности взаимодействуют различные институты и субъекты, обеспечивающие жизнедеятельность общества. Следовательно, основная функция настоящего пространства заключается в удовлетворении основных социальных потребностей человека.

Что же касается экономического пространства социальной работы, то его можно представить как постоянно развивающуюся, упорядоченную социальную систему, экономическое взаимодействие институтов социальной защиты, ее субъектов и объектов, обеспечивающих условия для нормальной жизнедеятельности членов общества, оптимального удовлетворения их потребностей и реализации творческого потенциала личности [4, с. 17].

Структура социального пространства чрезвычайно сложна. Ее экономические связи должны быть направлены на обслуживание абсолютно всего населения государства, а не исключительно тех, кто нуждается в социальной поддержке и помощи. К экономическому пространству можно отнести органы федеральной, региональной и муниципальной власти, организации и учреждения системы социальной защиты населения: пенсионного обеспечения, социального обслуживания, социального страхования, службы занятости, а также здравоохранения, образования, культуры, попечительства, профсоюзные, благотворительные, религиозные и другие организации, в тесном контакте с которыми работают органы и учреждения этой системы.

Дефиниция «экономическое пространство» сопряжено с дефиницией социальной сферы в ее взаимодействии с экономической, политической и духовной сферами жизни общества. Важнейшей задачей экономики в социальной сфере считается удовлетворение экономических потребностей субъекта (личности, семьи, коллектива и т. д.), развитие экономического потенциала по их удовлетворению релевантно научно обоснованным нормам и экономическим возможностям общества на данном этапе. В структуре реализации экономических механизмов данного простран-

ства выделяются два основных элемента: государственный (федеральный, региональный и местный) и негосударственный.

Экономическое пространство социальной работы консолидирует экономику всей системы социальной защиты, образования, здравоохранения, сферы трудовых отношений, культуры, быта и др. Антагонизм экономического пространства заключается, во-первых, в росте потребностей в помощи и сокращении ресурсов для ее оказания. Во-вторых, все элементы пространства разбалансированы и не объединены одной целью – профилактикой. В данном пространстве функционирует затратная экономика, что создает объективную необходимость его совершенствования. Критерии оценки деятельности учреждений настоящего пространства не носят профилактической направленности. Эффективность оценивается по количеству затраченных финансовых средств на срочную социальную помощь, числу обслуживаемых пенсионеров на дому, росту количества социальных работников и т. д. Медицинские учреждения получают бюджетные средства в зависимости от числа посещений в поликлиниках и количества занятых койко-мест в больницах. Государство было вынуждено начать реформирование в сферах образования, здравоохранения, жилищно-коммунальной в целях выделения государственных ресурсов в зависимости от объема и качества оказанных услуг.

Одна из ключевых причин разбалансированности социального пространства заключается в углубляющемся противоречии между человеком и обществом. По мнению автора, суть его проявляется в значительной отдаленности уровня постоянно растущих притязаний личности, наличия огромных творческих потенциалов людей от ограниченных возможностей и их реализации в пределах настоящего социального пространства, в котором живет человек. Элементами социального пространства являются: гражданское общество, государство, регионы, национально-этнические общности и субъекты управления, трудовые и бытовые ассоциации. Экономическое пространство должно работать на все общество, а не только на социально слабую часть населения. В сфере труда и быта – это обеспечение права на труд, контроль за условиями труда и его оплатой, поддержка безработных.

Стоит отметить, что в современной России происходит профессионализация сектора филантропических организаций, консолидация его инфраструктуры, накапливается опыт экономического партнерства с иными субъектами пространства социальной сферы, а также претворяются в жизнь наиболее приоритетные национальные проекты в таких областях, как здравоохранение, образование и жилье. Экономика каждой из вышеприведенных сфер обладает собственными характерными особенностями и выполняет свои специфические функции. В области здравоохранения планируется оснастить новым высокотехнологичным оборудованием для диагностики значительное количество муниципальных медицинских учреждений – практически все первичное звено здравоохранения; повысить оплату медицинскому персоналу и связать ее с объемом и качеством оказываемых услуг.

Соразмерно этому производится разработка механизмов, способных кардинально возвести качество отечественного образования в целях организации исходных положений для инновационного развития страны и укрепления ее конкурентоспособности на новом уровне. Вместе с этим завершается формирование базы накопительной ипотечной системы для обеспечения жильем семей военнослужащих, обеспечение дешевых кредитов на приобретение жилья молодыми семьями, сель-

скими молодыми специалистами и т. д. Государство всецело поддержало инициативу компании «Газпром» по реализации масштабной программы газификации страны. Также совершенствуются экономические связи других субъектов и объектов социального пространства. Основная цель совершенствования заключается в переходе от финансирования системы к финансированию индивида – члена общества. В то же время, другой стороной процесса совершенствования экономического пространства социальной работы должно стать повышение степени участия в данном процессе самого гражданина. Следует подчеркнуть, что экономическое пространство социальной работы нуждается в изучении, оптимизации экономических связей его субъектов, совершенствовании экономических отношений между ними, с государством и обществом, а также в координации этих взаимосвязей, основывающихся на правовом регулировании в условиях формирования рыночных отношений.

Следовательно, экономическое пространство социальной работы представляет собой сложное образование, постепенно трансформирующееся путем взаимной адаптации и взаимопроникновения новых институциональных форм и исторически сформировавшихся структур социального пространства. Показатели состояния социальной системы и ее экономики непосредственно и напрямую оказывают влияние на развитие всего общества в государстве и являются определяющими в оценке социального благополучия всего населения как сложной динамически развивающейся биосистемы. Таким показателем ООН обусловило индекс развития человеческого потенциала как обобщенный показатель результатов деятельности общества в его социальном пространстве.

Система социального обслуживания занимает особое место в экономическом пространстве социальной работы, поскольку она представляет собой совокупность различных целевых услуг разным социальным слоям населения. Обуславливаясь кризисным состоянием экономики переходного периода к рынку, сфера социального обслуживания находится в государственном ведении и ограничивается категориями населения, оказавшимися в зоне риска.

На федеральном уровне рассматриваемая сфера предоставляет минимальные социальные гарантии в виде пенсий, пособий, льгот и услуг, согласно социальным нормативам, закрепленным в законодательстве Российской Федерации. На региональном уровне, с учетом местных условий, гарантируется социально-экономическая поддержка сверх государственного уровня.

Сегодня все наиболее существенное значение в экономике социальной работы отводится милосердным и общественным организациям, филантропическим фондам. Первостепенными становятся проекты поддержки наиболее незащищенных слоев населения, реализуемые в рамках программ по здравоохранению, образованию, культуре и искусству.

Уже отмечалось, что происходит профессионализация филантропических организаций, накапливается опыт экономического взаимодействия с иными субъектами пространства социальной работы. Следовательно, экономическое пространство социальной работы необходимо исследовать, оптимизировать экономические взаимосвязи его субъектов, совершенствовать экономические отношения между ними, с государством и обществом, и кроме того, координировать данные взаимосвязи, основанные на правовом регулировании в условиях развития рыночных отношений. Проведение данных мероприятий становится особенно важным если речь идет о со-

циальной работе в сфере социальной защиты детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). Поскольку, по мнению авторов, совершенствование, координация и управление данной деятельностью требуют совершенно иной подход.

Следует отметить, что одним из ключевых аспектов защиты детей с ОВЗ считается политика государства, проводимая в сфере социального обслуживания населения. Выполнение намеченной государством социальной политики в отношении граждан с ограниченными возможностями здоровья, осуществляется посредством государственных органов и организаций (учреждения здравоохранения, социальной защиты и образования), а также принятия соответствующих нормативно-правовых актов, регламентирующих как работу учреждений социальной защиты, так и качество предоставляемых ими услуг. Следующим шагом на пути реализации социальной политики выступает государственное обеспечение материальных, правовых, политических, технических и организационных условий для защиты детей с ОВЗ, через формирование средствами массовой информации и коммуникации общественного мнения не только о солидарности и толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья, но и о том, что в случае получения ими травмы, повлекшей инвалидность, общество также не оставит их один на один со своими проблемами.

За минувший век в истории социальной политики в области инвалидности были выявлены две доминирующие важнейшие доктрины:

- 1) доктрина «социальной полезности», в соответствии с которой индивид, обладающий физическим или психическим недостатком, при должных условиях может приносить пользу обществу и оплачивать часть затрат на свое содержание;
- 2) доктрина «равных возможностей», основывающаяся на обязанности общества обеспечить равноправные условия жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями здоровья со здоровыми людьми во всех сферах жизни.

В течение последнего времени в России наблюдается формирование третьей доктрины, получившей название «рыночной». Согласно Государственному докладу «О положении инвалидов в Российской Федерации» «должны быть пересмотрены старые принципы, и политически и этически легитимированы новые трактовки краеугольных для социальной политики понятий социальной справедливости, равенства, новых представлений о необходимых масштабах социальных гарантий, о соотношении ответственности общества и индивидуума за благополучие последнего» [5].

Рассматривая доктрину «социальной полезности», следует отметить, что в советское время была достаточно распространенной практика отдельного проживания здоровых людей и людей, имеющих какие-либо ограничения в здоровье. Так, дети-инвалиды получали воспитание в интернатах, взрослые проживали в специализированных учреждениях социальной защиты, работали на предприятиях Министерства социальной защиты, создавали свои объединения, руководствуясь характером инвалидности. Казалось достаточно логичным, что здоровые руководят жизнью инвалидов и способствуют решению их проблем. Однако подобные условия, с учетом предоставляемых государством льгот, зачастую влекли к инертности доли инвалидов к реабилитационным мероприятиям, отсутствию банальных навыков общения в социуме (слушать собеседника, коммуникативность и пр.) и неумению правильно реагировать в определенной ситуации. Следствием чего было негативное

отношение здоровых людей к инвалидам, сопряженное с недоверчивостью, сочетающейся с жалостью и намерением прервать контакт.

К сожалению, необходимо констатировать, что концепция «равных возможностей» не только отсутствует в современном российском обществе, но только не так давно стала осмысливаться людьми, несущими ответственность за социальную политику.

Экономическая нестабильность минувших десяти лет существенно обострила неприязненное и раздражительное отношение здоровых людей, чей жизненный уровень снизился ввиду рыночных преобразований, к инвалидам, на чью социальную поддержку государство уделяло особое внимание, проводя политику льгот и выделяя дополнительные средства из федеральных и региональных бюджетов. Активное участие в формировании подобных общественных мнений принимали коммерциализированные ресурсы масс-медиа. В подобных обстоятельствах особенное значение приобретает такой неотъемлемый аспект, прямо воздействующий на развитие и результат социальной защиты детей-инвалидов, как социально-психологический. Согласно исследованиям, проведенным Л.А.Шабалиной и Н.Г.Добровольской и описанным Г.М.Иващенко, даже социально активные инвалиды, имеющие потенциальные возможности принимать непосредственное участие в социальной жизни общества, не могут в полной мере выполнить их, обуславливая это нежеланием здоровых людей общаться с ними, а работодателей – принимать на работу. В процессе измерения социальной дистанции было выявлено, что здоровые предпочитают ситуации, в которых не требуется близкий контакт с инвалидом либо контакт «на равных» [6, с. 13].

Стоит подчеркнуть, что зачастую здоровые люди элементарно психологически не готовы воспринимать ситуации типа «инвалид – Ваш начальник», «инвалид – представитель власти». Сложность природы характера подобной установки многие ученые, исследующие проблематику коммуникации между здоровыми людьми и инвалидами, объясняют стереотипным восприятием инвалидов, как «грустных, замкнутых, недоверчивых и завистливых», им нарочито приписывают «недоверие к здоровым, повышенное чувство жалости к самому себе, недостаток инициативности, повышенные требования» [6, с. 14]. Как показывают проводимые опросы, 97,7 % респондентов считают инвалидов слабыми и незащищенными группами и полагают, что социум должен оказывать им помощь [7, с. 119–123].

Таким образом, расположение здоровых людей к инвалидам оценивается достаточно двойственно: с одной стороны, они отличаются в негативную сторону, порождая антипатию и антагонистичность; с другой стороны, они перцепируются как «несчастные», лишённые многочисленных возможностей, что вызывает расположение и сострадание. Авторы полагают, что подобная ситуация в сознании социума наилучшим образом отображает форму «социального апартеида», т. е. совокупность жалости и антипатии, социальной поддержки и отдельного проживания, превалирования здоровых над людьми с ограниченными возможностями здоровья.

Следовательно, интериоризация к концепции «равных возможностей» сопряжена как с экономическими трудностями и политическими проблемами, так и с препятствиями, имеющими социально-психологическую направленность. Также не стоит забывать, что каждая программа по социальной защите детей с ОВЗ предполагает наличие серьезной материальной базы, способной гарантировать общедос-

тупность архитектурной среды, изготовление необходимого количества протезов, транспортных средств и специальных приспособлений, способных обеспечить физическую самостоятельность ребенка, организовать приспособленные к физическим возможностям ребенка-инвалида рабочие места, обеспечить высокий уровень медицинской, педагогической, психологической, профессиональной и социальной реабилитации, создать творческие и спортивные центры, а также центры досуга. Надлежащий уровень материальной базы для разрешения проблем детской инвалидности обуславливается следующими критериями:

- 1) уровнем национального дохода на душу населения, темпами роста ВВП;
- 2) долей, которую общество готово затратить на реабилитацию детей с ОВЗ и характером инвестирования выделяемых средств.

В настоящее время в России социальная защита детей с ОВЗ и их семей протекает в значительной мере стихийно. Это связано со сменой форм собственности на основные средства производства и коммерциализацией социальной сферы. Качество жизни этой категории граждан сегодня заметно снизилось по двум причинам, во-первых, сокращение объема ВВП, во-вторых, произошел значительный рост детской инвалидности, связанный с падением уровня жизни, ростом заболеваемости и травматизма, а также ухудшением экологического климата в стране. При этом существенно сократилось число работающих инвалидов. Получается замкнутый круг: экономический кризис, порожденный переходом к новой форме собственности, увеличивает число инвалидов и затраты на их содержание, что, в свою очередь, способствует углублению кризиса. Выход из сложившейся ситуации авторы видят только один – изменить государственную экономическую и социальную политику.

Для обеспечения социальной адаптации детей с ОВЗ требуется решение двух задач. Первая – полная социальная защищенность, создание возможностей для доступа ко всем материальным и духовным ценностям. Вторая задача – содействие в полном осуществлении обязанностей как членов общества в будущем [8]. Так, по результатам проведенного опроса¹ родителей детей-инвалидов, в качестве основных перспектив будущего своих детей респонденты в убывающей последовательности назвали следующие возможности: 46,6 % – самообеспечение при поддержке государства и участия родителей; 37,9 % – самообеспечение в системе государственных органов социальной защиты (интернаты, спецшколы и т. д.); 35,4 % – самообеспечение посредством приобретения профессии и работы по ней на основе предоставляемых государством льгот; 28 % – полная социальная адаптация с достижением прав и обязанностей полноправного члена общества. Таким образом, значительная часть родителей детей с ограниченными возможностями надеется на более или менее полную социализацию их в системе будущего общественного развития.

Решением первой из вышеперассмотренных задач является наращивание материальной помощи в соответствии со специфическим минимумом потребностей, для

¹ Опрос родителей детей-инвалидов, состоящих на учете в Государственном бюджетном учреждении «Республиканский реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» (г. Уфа) был проведен канд. соц. наук, доцентом Калимуллиной Э.Р. в рамках диссертационной работы на соискание ученой степени доктора экономических наук. Исследование проводилось в сентябре 2016 г. Выборочная совокупность опрошенных (число респондентов) составила 100 человек.

решения второй – ориентация системы на то, чтобы избежать навязывания социального иждивенчества лицам, которые в силу своего болезненного состояния подвержены этому риску. Результаты всех проведенных диссертантом опросов показывают, что и сами дети-инвалиды, и их родители, несмотря на определенные иждивенческие настроения (прямая государственная поддержка в виде предоставления льгот и т. д.), стремятся к созданию социального статуса, имеющего самостоятельный характер.

При выборе форм социальной помощи и их вариантов, ориентиром должно стать удовлетворение потребностей высшего порядка – реабилитация, образование, профессиональная подготовка, трудоустройство в будущем. Именно реализация этих направлений поможет воспитать ребенка-инвалида как личность активную, уверенную, профессионально образованную, осознающую свою гражданскую и общественную полезность и значимость, стремящуюся стать достойным членом общества, а не «социальным балластом».

В результате проделанной работы авторы приходят к заключению, что в процессе российской и мировой практики обеспечения социальной защиты населения было сформировано три типа организаций, на различной основе решающих проблемы социальной защищенности детей с ограниченными возможностями здоровья: государственные или правительственные; предпринимательские или частной инициативы; бесприбыльные, в том числе движения добровольцев. Все упомянутые организации диаметрально по структуре, количеству расходуемых средств, числу занятых в них людей, но в то же время каждая из них зависит от двух других.

Список использованных источников

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
2. Бурдые П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. 288 с.
3. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. 223 с.
4. Холостова Е.И. Теория социальной работы : учебник для бакалавров / под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононовой, М.В. Вдовиной. М. : Юрайт, 2014. 345 с.
5. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/355> (дата обращения: 20.03.2017).
6. Иващенко Г.М. Детский церебральный паралич // Альманах «Исцеление». Для врачей, педагогов и родителей детей с неврологической инвалидностью. М., 2003. С. 13–15.
7. Samarina E.A., Petrova A.D., Blazhenkova N.M. Development of competitiveness of enterprise structures under the conditions of accession of the Russian Federation to the WTO. Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. Т. 6. № 1. С. 198–207.
8. Калимуллина Э.Р. Система социальной защиты детей-инвалидов и ее влияние на экономическую политику государства // Актуальные проблемы социокультурного знания : сборник научных трудов. Уфа, 2016. С. 50–56.

УДК 316.752

А.С.Круль

Информационная структура ценностных ориентаций социальных общностей: анализ и социальные проявления

В статье раскрыты и охарактеризованы способы построения модели информационной структуры как социального образования, так и его социокультурного пространства. Рассмотрены возможности применения информационного подхода при социологическом исследовании ценностей социальных общностей. Представлена модель информационной структуры в общем виде и на примере конкретных социальных общностей: рассмотрены особенности построения модели информационной структуры ценностных ориентиров. Представлен анализ ментальных качеств россиян, основанный на компонентах модели информационной структуры.

Ключевые слова и фразы: социальная система, информационный подход, типологический анализ, информационная структура, ценности, коммуникативная подсистема, ментальные качества.

A.S.Krul

Information Structure of Value Orientations of Social Communities: Analysis and Social Manifestations

The article discusses and characterizes the ways of making the model of information structure of both social education and its social and cultural space. It considers the possibilities of using the information approach in the sociological study of the values of social communities. The model of the information structure is offered in general form and the peculiarities of making the model of information structure of value orientations are considered using specific social communities as an example. The analysis of the mental qualities of Russians based on the components of the information structure model is presented.

Key words and phrases: social system; information approach; typological analysis; information structure; values; communicative subsystem; mental qualities.

Ценностные ориентации социальных общностей являются одним из компонентов социокультурного пространства общности. К ценностным ориентациям относят любые объекты, имеющие значимый характер: все результаты и продукты материальной и духовной деятельности; определенные духовные образования (идеалы, цели, представления). Ценностные предпочтения характеризуют избирательное отношение к окружающей действительности и связаны с информационной структурой социальной общности или группы. Можно сказать, что ценностные ориентиры, ценностные предпочтения неотрывны от информационно-коммуникативного пространства, так как обязательно включают компонент его восприятия и оценки.

Круль Александра Сергеевна, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета, кандидат социологических наук, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: gecata@inbox.ru

© Круль А.С., 2017

Ценностные ориентации изучаются и изучались множеством исследовательских научных коллективов, в результате накоплен обширный материал, отражающий социальные характеристики проявления ценностных ориентаций различных типов социальных общностей. На протяжении нескольких десятилетий ценностные предпочтения исследуются научным коллективом под руководством директора Института социологии РАО В.С.Собкина. Имеется целый ряд работ по исследованию ценностей, находящиеся в русле таких дисциплин как социология, педагогика, социальная психология, социальная философия. В частности, можно выделить труды И.В.Бестужева-Лады, С.А.Фролова, Ю.В.Шепеля, С.В.Бондаренко, В.Н.Антошкина, В.Т.Лисовского и др.

Констатируя весомый вклад отмеченных исследований в анализ обозначенной проблематики, следует также обратить внимание на то, что имеющиеся научные работы фрагментарны и противоречивы. Часто данные, полученные в ходе исследований, являются лишь констатацией факта – наличия ценностных предпочтений у тех или иных социальных групп на данный момент времени. Но ценностные ориентации – категория не постоянная, содержание ценностей меняется. Однако необходимо признать, что существует некое «константное» начало, а именно неизменна информационная структура ценности, которая является каркасом формирования, основой всех ценностных предпочтений. Но признание данного постулата зависит от многих факторов, в частности от объекта изучения и методологических ориентиров исследователя. Вот почему существует объективная необходимость в построении общей модели ценностных ориентиров, которая отразит не только ценностные ориентиры в настоящее время, но и предполагаемую динамику развития ценностей. В подобной ситуации, когда накоплен в большом количестве эмпирический материал, существует необходимость в определении константных показателей ценностных ориентаций, и здесь может быть использован комплексный подход, позволяющий представить модель информационной структуры ценностных ориентаций.

Данная информационная структура отражает социокультурное пространство общности. Культурные нормы и ценности приобретают устойчивое положение в динамике и развитии социальной системы, отражаясь в ритуалах, обычаях, традициях. Информационная структура представляет часть культурного пространства общности, несет отпечаток ее культурных взаимодействий. Ценностные ориентиры относятся к основным информационным свойствам социокультурного пространства социальной общности, одновременно являясь и информационными ориентирами для общности или группы; и руководством к действиям (одобряемые и неодобряемые действия, определяющие границы допустимых действий); и смысловым, содержательным значением социальной действительности.

Моделирование информационной структуры ценностных ориентаций позволяет объективно отразить информационный потенциал той или иной социальной группы. Информационная структура – это модель, характеризующая основные способы генерации информации, распространения информационных сообщений по коммуникативному пространству общности, это специфические технологии обработки информации. Каждое социальное образование обладает собственным информационным пространством, изучение которого позволяет отразить основные характеристики социального объекта: в данном исследовании это касается ценностных предпочтений социальных образований.

Методологической основой настоящей работы послужили концепции Н.Лумана, Т.Парсонса, Р.Мертонса, В.В.Гуленко, А.В.Букалова. Определяющим является тезис об информационной или коммуникативной подсистеме, которая интегрирует социальное пространство любого социального образования. Использование системного подхода при изучении социальных явлений в настоящее время недостаточно широко распространено, что является серьезным упущением. Особенно это касается практической части, определяющей методологию и методику применения системного подхода в анализе социальных процессов. Именно применение подобного подхода может позволить получить всесторонний анализ любой проблемы – социальная система отличается сложнейшей организацией и социальные законы характеризуются спецификой функционирования на самых разных уровнях социального организма. Основная задача исследователя социальных процессов в настоящее время – нахождение единого целого, некоей сути объекта исследования, совпадающей с другими объектами, взаимопроникающего в любые системы. Только так появляется возможность объективно обнаружить социальные характеристики объекта.

Построение модели информационной структуры любой социальной общности является таким примером интеграции в единое различных проявлений социального объекта, а также служит теоретическим обобщением взглядов различных авторов, представляющих модели социальных систем, а также взглядов исследователей, изучающих информационное пространство системы. Все это способствует формированию некоей единой системы воззрений на модель социальной системы, способствует целостному отражению социальных объектов. Использование системно-информационного подхода позволяет уточнить и конкретизировать эмпирические факты и теоретические гипотезы в социологии [1, с. 129].

Определяя социальную систему, Н.Луман указывал на первичность границ системы, которые обуславливаются способами воспроизводства «своего продукта», воспроизводством собственных операций [2]. Каждое общество производит и воспроизводит себя посредством сети элементов, сети коммуникаций. Коммуникации являются основной границей, определяя внешнюю и внутреннюю среду системы. Коммуникация представлена в синтезе единства информации, сообщения и понимания; социальная система существует на базе единой коммуникативной системы – расширяясь и сжимаясь, принимая один тип информации и опуская другой. Любое действие в системе основывается на принимаемой или отвергаемой информации. Взаимодействия осуществляются в зависимости от коммуникационных различий или сходств. Единство социальных процессов, социальных действий, социальных отношений определяется единством и неделимостью элементов системы, эти процессы в свою очередь обуславливаются единой коммуникативной системой [3].

По мнению Т.Парсонса, одна из важных характеристик системы – внутреннее ограничение на совместимость определенных частей или событий внутри системы [4]. Размещение, процессы, поддерживающие распределение компонентов системы, и интеграция, процессы сохраняющие систему – две основные категории процессов, определяющие систему. Сохранение единства системы, разграничение системы и окружающей среды, таким образом, также является основным в вопросе определения системы. Для Т.Парсонса ключевым моментом выступает действие, его шаблоны, которые объединяясь, создают целую сеть повторяющихся элементов. В этом смысле изучение коммуникативного пространства системы является изучением самой сис-

темы, поскольку именно коммуникации и являются определяющим элементом. Определяя интегрирующее звено социальной системы, П.А.Сорокин описывал взаимодействия в качестве объединяющего элемента. Изучая культуру, ученый находил все ее элементы связанными между собой определенными смыслами и называл культуру основным интегральным элементом всей социальной системы («культурная интеграция») [5, с. 34].

Таким образом, любой социальный объект обладает интегрирующим элементом, создающим общее социальное пространство, и таким элементом является коммуникация - система информационных взаимодействий социальных субъектов. Любое социальное образование характеризуется собственными механизмами принятия и переработки информации, вырабатывая специальные средства различения «ценной» информации. Способы внутреннего информационного взаимодействия социального объекта отрабатывались и накапливались как адаптивно ценная информация на протяжении всей динамики его развития [6, с. 228–234]. Социальные системы, подсистемы, организации, общности, группы формируют информационную подсистему объединенных единой целью – интеграция и сохранение социального объекта с помощью информационных связей. Фиксируя созданные социальные отношения, социальная система создает «каркас взаимодействий», впоследствии этот каркас является основным социальным условием развития любого социального элемента (до момента создания нового каркаса). Основным назначением информационной структуры выступает сохранение и поддержание выбранных и освоенных способов информационных взаимодействий с окружающей средой.

Информационная структура в социальной системе отражает комплекс согласованно взаимосвязанных системных элементов, постоянно участвующих в информационных взаимодействиях и обладающих стабильными и относительно устойчивыми связями (см. рис. 1). Информационная структура в социальной системе выполняет некоторые основные, жизненно необходимые задачи: создание и обработка информации; распределение и использование (доступ) информации; сохранение и хранение информации; передача информации в окружающую среду (выброс информации).

Рис. 1. Информационная структура: основные компоненты

Т.Парсонс выделял четыре основные подсистемы, которые выполняют главные функции социальной системы (AGIL-схема). В соответствии с основными принципами системного подхода ученый подчеркнул самодостаточность общества, определив объективные факторы его функционирования и развития [4, с. 16]. Интегральный взгляд на общественную жизнь человека, изложенный в работах Т.Парсонса, соответствует подсистемам, применяемым в теории информационного метаболизма (соционике) – сенсорно-конкретной, объективно-логической, субъективно-эмоциональной и абстрактно-интуитивной, описанным В.В.Гуленко [7, с. 45–53]. Функция адаптации обеспечивает приспособление системы к условиям, которые складываются «здесь и сейчас». Интеграция означает координацию действия всех функций информационной структуры. Функция целедостижения – основной инструмент воздействия элементов информационной структуры на социальную действительность для продвижения в стратегическом направлении. Функция самосохранения имеет еще одно название – латентность – поддержание образца [4, с. 23].

Основываясь на представленных моделях, мы можем раскрыть ценностные ориентации не в качестве перечислений содержательных определений, а в качестве информационных нормативов, которые характеризуют различные свойства социального объекта (см. табл. 1).

Таблица 1

Информационная структура ценностных ориентаций

Компонент информационной структуры	Коммуникативная подсистема (Т.Парсонс)	Ценностные ориентации	Социальные подсистемы (Т.Парсонс)
Способы генерации информации	Личность	Достижение цели – ценности, определяющие способы воздействия на окружение, которые позволяют получить необходимый результат	Политика
Способы распределения информации	Организм	Адаптационные ценности – ценности, определяющие способы приспособления к условиям	Экономика
Способы сохранения информации	Общество	Интеграционные ценности – ценности, определяющие способы стабилизации, координирующие действия	Системы социального контроля
Способы выброса информации	Культура	Самосохранение – ценности, определяющие способы сохранения социального объекта, поддержание его равновесия	Системы поддержания образца

Построение подобной модели может определить не только набор ценностных ориентаций, но и специфику информационного пространства любой социальной общности, ее места как социальной группы в структуре современного общества, особенности коммуникативного пространства, описать набор ценностных ориентаций. В качестве примера рассмотрим информационную структуру ценностных предпочтений уфимцев (см. рис. 2).

Рис. 2. Информационная структура ценностных ориентаций жителей г. Уфы

Используя модель информационной структуры и представляя ее в виде ценностных ориентаций, более подробно можно исследовать и функциональное состояние социальной системы. Ценностные ориентации системы отражают ее общее состояние и представляют общую модель информационной структуры. Представляемая модель информационной структуры формируется на базе единого информационно-коммуникативного пространства системы, ее проявления мы видим в системах действий. С точки зрения Т.Парсонса структуру социальных систем можно анализировать, применяя четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли [8]. Они также определены и информационной структурой системы, выражаясь в ее информационном пространстве.

Таблица 2

Информационная структура социальных систем

Переработка и распределение информации. Управление окружающей средой		Генерация информации. Производство информационных сообщений	
1	2	3	4
Поведение (А)	Экономика	Личность (G)	Политика
Роли	Адаптация	Коллективы	Целедостижение

Окончание таблицы 2

1	2	3	4
Торгово-промышленный строй. Экономика, территория, ресурсы.		Народная ментальность	
Социальный приспособливающийся ребенок. Традиционный блок.		Социальный естественный ребенок. Инстинктивный блок	
Традиционные социальные группы		Аффективные социальные группы	
Экономические институты		Семейно-брачные институты. Бытовые практики	
Сохранение информации. Управление внутренней средой.		Выброс информации. Информационные отходы.	
Социум (I)	Контроль	Культура (L)	Образцы
Нормы	Интеграция	Ценности	Самосохранение
Управление, государство, силовые структуры		Религия, мораль, нравственность, субкультуры	
Социальный маленький профессор и социальный взрослый. Интуитивный и рациональный блоки		Социальный родитель. Ценностный блок.	
Целеэффективные и целерациональные социальные группы		Ценностно-рациональные социальные группы	
Политические социальные институты, практики общественного мнения, СМИ		Религиозные социальные институты. Духовные практики.	

На основе представленной модели было проведено исследование коммуникативных ценностных ориентаций россиян, которые могут быть выражены как ментальные качества [9, с. 5–9], как типовые особенности общности [10, с. 594–597], как специфические архетипные проявления [11, с. 146–151]. Обратимся к таблице 3.

Таблица 3

Комплексная модель ментальных качеств россиян

Компоненты	Социальные проявления	Вид информации	Характеристика	Представленные качества
1	2	3	4	5
Базовый (целевой, ведущий) блок	– базовая народная ментальность; – семейно-брачные институты, основные бытовые практики; – социальный естественный ребенок, инстинктивный блок	Пассивная абстрактная	Описание: отношение между следующими друг за другом процессами (время). Вид сообщений: отражение отношений между процессами, событиями и поступками во времени. Семантический аспект: время, процессы, относительность времени, взаимосвязи, взаимовлияния, предвидении, душа, внутренние процессы, память, неопределенность.	Сильные осознаваемые качества
				– безмерность жизненного порыва, бездонная «русская душа»; – стремление к абсолютным ценностям, поиск «смысла жизни»; – отказ от земных благ, мечты о счастливом будущем, мечтательность, воображение, фантазия; – идеализм, мечты о счастливом прошлом и будущем; – жертвенность, отделение от остального мира, мессианство; – любовь к свободе, иррациональность; – ощущение бесконечности времени
Творческий (вариативный) блок	Личность (G), коллективы, политика, целедостижение	Активная субъективная	Описание: превращение потенциальной энергии в кинетическую. Вид сообщений: возбужденность и возбуждаемость объекта, настроение, эмоции.	– созерцание сердцем; – страстность, эмоциональность, душевность; – совмещенность противоположностей; – вариабельность эмоций;

1	2	3	4	5
			Семантический аспект: воздействие, проявление эмоций, впечатления, эмоциональные состояние и степень возбуждения, междометия, восклицания	– внедрение эмоций в любые отношения (в том числе и деловые), эмоциональность как норма
Мобилизационный (манипулятивный) блок	– поведение (А), роли, экономика, адаптация; – торгово-промышленный строй, экономика, территория, ресурсы	Пассивная конкретная	Описание: отношение между процессами, происходящими в одно и тоже время (пространство). Вид сообщений: отражение качеств внутреннего или внешнего пространства. Семантический аспект: вкус и обоняние, оттенки вкусов и запахов, осязание, тактильные ощущения, физический контакт, прикосновение, память ощущений, ощущения, тело, физиологические процессы, поза, потребности, еда, секс, здоровье, среда обитания.	Слабые осознаваемые качества
				– щедрость/скупость, гостеприимство/жалобы на жизнь; – самоограничение, аскетизм; – необоснованная меркантильность, корысть, злоба, зависть к материальному благополучию других; – скромность; – мелко-меркантильная «русская» смекалка; – расточительное отношение к материальным ценностям, в том числе и к природе
Консервативный (болевой) блок	– традиционный блок, социальный ребенок; – традиционные социальные группы	Активная объективная	Описание: использование кинетической энергии. Вид сообщений: рациональная (осознанная, продуманная, целевая) активность объекта и субъекта	– парадоксальность, противоречивость действий; – максимализм, фанатизм; – лень, пассивность; – беспечность; – «свобода от денег»

			Семантический аспект: точное знание, соответствие названия и явления, обоснование, единицы измерения, объективные явления и законы, динамика, управление, производство, технологии, оценка качества, показатели процессов, рабочие свойства объектов	
Внушаемый (расслабляющий) блок	– социум (I), нормы, контроль, интеграция; – социальный профессор, интуитивный блок; – целеаффективные социальные группы; – практики общественного мнения, СМИ	Активная конкретная	Описание: кинетическая энергия. Вид сообщений: мобилизованность, воля и сила, давление. Семантический аспект: визуальное восприятие объекта, цвет, графика, свет, размер, форма, положение объекта в пространстве, желания, материальные манипуляции с объектом, описание контакта с объектом, сила, энергия, борьба и сопротивление	Слабые неосознаваемые качества
				– «мы-психология», стремление к коллективизму, уравнительность; – свобода/деспотизм; – любовь к «сильной, великой» Родине; – покорность, смирение – сила воли, одномоментное сверхусилие; – подавление индивидуальности

1	2	3	4	5
Активационный (импульсный) блок	– управление, государство, силовые структуры; – социальный взрослый, рациональный блок; – целерациональные социальный группы; – политические социальные институты	Пассивная объективная	Описание: объективные отношения между объектами и отдельными их свойствами. Вид сообщений: отражение объективных соотношений между объектами. Семантический аспект: описание процесса мышления, выражение мыслей, мыслительные конструкции, оценка мыслительных процессов, структура объектов, пространственные соотношения, договор, сравнение и классификация	– стремление к справедливости, желание объективной справедливости; – честность
Критический (ограничительный) блок	– религия, мораль, нравственность, субкультуры; – социальный родитель, ценностный блок; – религиозные социальные институты, духовные практики	Активная абстрактная	Описание: потенциальная энергия. Вид сообщений: отражение потенциальной энергии объектов, физические и психические возможности. Семантический аспект: временные срезы, кризис, реконструкция объекта, скорость, периодичность, длительность, варианты ситуаций, возможности, реализация возможностей, оценка возможностей, соответствие, совпадение, суть вещей, понимание сути, сходство, противоречия.	Сильные неосознаваемые качества – чуждость материальным интересам; – своеволие; – подозрительность к нововведениям; – лукавство; – тяга к грандиозным замыслам и осуществление идеальных проектов; – анархизм, бесшабашность, неоправданный риск

Операциональный (демонстрационный) блок	– культура (L), ценности, образцы, самосохранение; – ценностно-рациональные социальные группы	Пассивная субъективная	Описание: субъективное отношение между двумя объектами или субъектами (притяжение – отталкивание). Вид сообщений: отражение притягательной или отталкивающей силы объектов и субъектов, об их нужности и ненужности друг другу, симпатиях и антипатиях. Семантический аспект: описание отношений, чувств, воздействие на чувства, психологическая дистанция, связь, оценка объекта, постоянные качества и черты характера объекта, оценка поведения людей	– человеческая толерантность; – набожность, сострадание.
---	--	------------------------	--	---

При составлении блоков модели (социальных проявлений) были использованы следующие модели общества: модель систем социальных действий Т.Парсонса, модель информационной системы общества Л.В.Осиповой-Дербас, информационная модель этноса А.В.Букалова. При составлении характеристик ментальных качеств были использованы труды В.К.Трофимова, В.С.Поликарпова, Н.А.Бердяева, Д.С.Лихачева, В.Иорданского, Б.П.Вышеславцева, Ю.А.Помпеева.

Представляемый в таблице 3 вариант исследования ценностных ориентаций является результатом комплексного, междисциплинарного анализа социальных объектов, это представление полученных социологических данных в ракурсе теории систем, теории информации. Информационная структура ценностных ориентаций любой общности – это не просто определение ценностных предпочтений, это объективный анализ информационного потенциала социальной системы. На основании представленной модели мы видим, какие ценности являются адаптационными (основными), какие используются в качестве компенсаторных позиций, а какие используются как внешние «шаблоны», не имеющие содержания.

Анализ модели информационной структуры ценностных ориентаций может быть полезен для изучения социальных характеристик социальной общности, для возможного влияния на ее динамику. Основная задача: использовать информационный потенциал социального объекта, с применением такой информации, которая является наиболее удобной и использование таких способов ее обработки, которые не приведут к возникновению информационных барьеров и конфликтов.

Список использованных источников

1. Антошкин В.Н., Муфтиев Г.Г. Информационно-коммуникативные технологии управления. М., 2004. 154 с.
2. Луман Н. Общество как система. М., 2004. 232 с.
3. Антоновский Ю.А. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М., 2007. 135 с.
4. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. 1176 с.
6. Осипова-Дербас Л.В. Формирование информационного потенциала личностной и социальной системы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 228–234.
7. Гуленко В.В. Структурно-функциональная модель // Соционика, ментология и психология личности. 1998. № 8. С. 45–53.
8. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.
9. Букалов А.В. Соционика: гуманитарные, социальные, политические и информационные технологии XXI века // Соционика, ментология и психология личности. 2000. № 1. С. 5–9.
10. Антошкин В.Н. Социальные законы и социальное управление // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 594–597.
11. Спирова Э.В. Архетипы в житейской повседневности // Знание, понимание, умение. 2009. № 4. С. 146–151.

УДК 343

Т.Н.Нуркаева, И.Р.Диваева

Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан по действующему российскому законодательству

В статье на основе Конституции РФ, действующего уголовного и трудового законодательства РФ дается анализ ряда составов преступлений, направленных на защиту трудовых прав граждан; рассматриваются спорные вопросы их толкования и квалификации; высказываются предложения по совершенствованию редакции рассматриваемых статей.

Ключевые слова и фразы: требования охраны труда, жизнь и здоровье человека, специальный субъект преступления, неосторожное сопричинение, административная ответственность за нарушение законодательства об охране труда; необоснованный отказ в приеме на работу, необоснованное увольнение.

T.N.Nurkaeva, I.R.Divaeva

Criminal Legal Protection of Labor Rights of Citizens under the Current Russian Legislation

Based on the Constitution of the Russian Federation, current criminal and labor legislation of the Russian Federation, the article analyses a number of crimes aimed to protect the labor rights of citizens. It considers disputable questions of their interpretation and qualification, makes the proposals to improve the wording of the articles under consideration.

Key words and phrases: labor protection requirements, life and health of a person, special subject of crime, negligent co-infliction, administrative responsibility for violation of legislation on labor protection; unreasonable refusal to hire, unjustified dismissal.

Среди конституционных прав и свобод человека важное место занимают трудовые права граждан, которые охраняются разными правовыми средствами, в том числе и уголовно-правовыми. Глава 19 УК РФ предусматривает ряд составов преступлений, направленных на защиту трудовых прав граждан. К преступлениям данной группы относятся: нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК); необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК); невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145¹ УК).

Спорным в юридической литературе остается вопрос об отнесении к этой группе ст. 146 УК (Нарушение авторских и смежных прав) и ст. 147 УК (Нарушение изобретательских и патентных прав). Считается, что к преступлениям против тру-

Нуркаева Татьяна Николаевна, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: NurkaevaTN@yandex.ru

Диваева Ирина Рафаэловна, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: Irina_di77@mail.ru

© Нуркаева Т.Н., Диваева И.Р., 2017

довых прав «указанные деяния равным счетом никакого отношения не имеют. Например, о каких трудовых и даже социальных отношениях может идти речь в случае написания лицом книги, стихов, диссертации и прочих произведений». В этой связи предлагается выделить преступления, предусмотренные статьями 146 и 147 УК РФ, в самостоятельную главу, озаглавив ее «преступления против интеллектуальных прав» [1, с. 98–99]. Сторонники противоположной точки зрения считают, что деяния, предусмотренные статьями 146 и 147 УК РФ, относятся к преступлениям, «посягающим на права и свободы в сфере приложения личного труда» [2, с. 98].

Полагаем, что написание книги, создание какого-либо изобретения, полезной модели или промышленного образца и т. д. – это та область, где, безусловно, без скрупулезной многолетней, требующей порой терпения и больших творческих сил, работы не представляется возможным получения необходимого результата. Однако в статьях 146 и 147 УК РФ под защиту поставлено не право на свободу выбора интеллектуального труда, то есть свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а право на результаты интеллектуальной деятельности, иначе говоря, право интеллектуальной собственности, гарантированное ст. 44 Конституции РФ. Поэтому, на наш взгляд, было бы точнее относить эти деяния к преступлениям против интеллектуальной собственности.

Одним из видов нарушения конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ), является деяние, предусмотренное ст. 143 УК РФ (Нарушение требований охраны труда). Статья является способом наиболее жесткого государственного реагирования в случае нарушения права работника на безопасные условия труда.

Сложность применения данного состава состоит в том, что диспозиция ст. 143 УК РФ является бланкетной, поэтому для установления признаков состава преступления следует руководствоваться положениями нормативных актов, в которых указаны правила техники безопасности и другие требования охраны труда при выполнении конкретных работ. В этой связи достаточно актуальным является вопрос правового регулирования отношений, связанных с охраной труда.

Как институт трудового права, охрана труда представляет собой совокупность правовых норм, обязательных для исполнения сторонами трудовых правоотношений и направленных на обеспечение безопасных условий труда работников. В соответствии с Трудовым кодексом РФ охрана труда как система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включает в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия (ст. 209 ТК РФ).

Следует согласиться с мнением, что нормативные акты об охране труда содержат не только законы, а понимаются как многоуровневая система правовых норм, включающая в себя совокупность взаимосвязанных правовых актов различной юридической силы, регулирующих отношения, связанные с системой сохранения жизни и здоровья работников и граждан при участии в производственной и иной хозяйственной деятельности или обучении [3, с. 50].

Статья 143 УК РФ претерпела изменения в редакции Федерального закона от 28.12.2013 г. № 421-ФЗ. Отныне в статье речь идет о нарушении не правил, а требований охраны труда. Закономерно возникает вопрос: что следует понимать под тре-

бованиями охраны труда. Новая редакция статьи содержит примечание, согласно которому под требованиями охраны труда понимаются государственные нормативные требования охраны труда, содержащиеся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации.

Уточняющие положения содержатся в трудовом законодательстве РФ. Согласно ст. 211 ТК РФ государственными нормативными требованиями охраны труда устанавливаются правила, процедуры, критерии и нормативы, направленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности. Государственные нормативные требования охраны труда обязательны для исполнения юридическими и физическими лицами при осуществлении ими любых видов деятельности, в том числе при проектировании, строительстве (реконструкции) и эксплуатации объектов, конструировании машин, механизмов и другого оборудования, разработке технологических процессов, организации производства и труда.

Потерпевшим от преступления является работник, находящийся в трудовых отношениях с работодателем. Основанием возникновения трудовых отношений между работником и работодателем согласно ст. 16 ТК РФ является трудовой договор, заключенный ими в соответствии с настоящим Кодексом. Трудовые отношения между работником и работодателем возникают также на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен. Фактическое допущение работника к работе без ведома или поручения работодателя либо его уполномоченного на это представителя запрещается. Поэтому ответственность по ст. 143 УК исключается, если в результате нарушения требований охраны труда причиняется вред здоровью граждан, не находящихся с работодателем в трудовых отношениях. В этих случаях чаще всего ответственность наступает по статьям о преступлениях против личности.

С объективной стороны нарушение требований охраны труда выражается в форме действия или (чаще всего) бездействия.

По данным исследований, основанным на изучении материалов по возбужденным по ст. 143 УК делам, наиболее частыми являются следующие нарушения: отсутствие надлежащего контроля – 32,9 %; допуск к работе необученных лиц – 22,7 %; отсутствие предохранительных средств – 12,7 %; неудовлетворительное состояние рабочего места – 7,2 %; неисправность агрегатов – 7,6 %; неправильная эксплуатация оборудования – 4,8 % и др. [4, с. 228–229].

Однако для уголовной ответственности одного нарушения законодательства об охране труда не достаточно. За сам факт нарушения предусмотрена административная ответственность (ст. 5.27. КоАП РФ). Об уголовной ответственности речь может идти только тогда, когда нарушение требований охраны труда повлекло за собой наступление как минимум тяжкого вреда здоровью. Напомним, что Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ была исключена уголовная ответственность за причинение по неосторожности вреда здоровью средней тяжести вследствие нарушения правил техники безопасности или иных правил охраны труда. Полагаем, что такой подход идет вразрез с закрепленным в ст. 2 УК РФ концептуальным положением о приоритетной охране конституционных прав и свобод человека, в частности, жизни и здоровья потерпевшего.

По этому поводу довольно точно высказалась Н.Ф.Кузнецова. Действительно, потерпевшему безразлично, потерял ли он здоровье от умышленных либо неосторожных действий виновного. Известно, что вред средней тяжести не пустяк. К нему относятся длительное расстройство здоровья свыше трех недель, стойкая утрата общей трудоспособности от 10 до 30 % [5, с. 26]. Как отступление от требований концепции уголовной политики о всемерной охране здоровья человека рассматривают этот шаг Э.Ф.Побегайло [6, с. 114]. Мы полностью разделяем мнение этих и других ученых и неоднократно писали об этом на страницах печати [7, с. 38].

В литературе поднимается вопрос о том, как квалифицировать случаи нарушения правил охраны труда, повлекшие за собой причинение по неосторожности вреда здоровью нескольким потерпевшим. Существует мнение, что если несоблюдение одного предписания обусловило причинение ущерба разным работникам, то квалификация будет проходить по ч. 1 ст. 143 УК РФ, независимо от числа пострадавших, при условии причинения тяжкого вреда здоровью [1, с. 426–427].

Действительно, при нынешней законодательной конструкции состава другого решения нет. Однако вряд ли это соответствует степени общественной опасности содеянного. Почему-то когда в результате нарушения правил безопасности при проведении конкретных видов работ по неосторожности причиняется смерть одному либо двум и более лицам, последнее учитывается законодателем во многих составах преступлений в качестве особо отягчающего обстоятельства (например, ч. 3 ст. 215, ч. 3 ст. 216, ч. 3 ст. 217 УК РФ). Полагаем, что при причинении по неосторожности тяжкого вреда здоровью одному человеку или нескольким лицам (а то и десяткам, сотням людей) степень общественной опасности содеянного также далеко не одинакова, что следовало бы учесть в конструкции состава, предусмотренного ст. 143 УК, в качестве отягчающего обстоятельства.

Таким образом, ответственность по ч. 1 ст. 143 УК, на наш взгляд, может быть связана с причинением по неосторожности тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека.

Соответственно, ч. 2 ст. 143 УК может быть сформулирована следующим образом: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью двум и более лицам или смерть человека». Часть 3 ст. 143 УК остается без изменения: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц».

Кстати, в УК РФ имеются составы преступлений, где причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью рассматривается как альтернативный отягчающий признак наряду с причинением смерти человеку (ч. 2 ст. 215 УК). В других составах преступлений таким альтернативным отягчающим признаком наряду с причинением смерти человеку выступают «иные тяжкие последствия» (например, ч. 3 ст. 215³, ч. 2 ст. 167 УК). При этом судебная практика исходит из того, что понятием «иные тяжкие последствия» охватывается в том числе причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку [8].

Особого внимания заслуживает вопрос об общественной опасности неосторожных преступлений, связанных с причинением смерти человеку (нескольким лицам). Общественную опасность этих преступлений нельзя недооценивать. Жизнь человека является самым ценным благом, которое дается ему от рождения, поэтому

и средства его обеспечения должны быть наиболее весомыми. Таковыми являются уголовно-правовые средства защиты.

Между тем в последнее время в уголовном законодательстве прослеживается тенденция к смягчению санкций за подобные деяния. Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. за ряд неосторожных преступлений, сопряженных с причинением смерти потерпевшему, ответственность существенно смягчена. Это коснулось и состава нарушения требований охраны труда. Если по УК РФ 1996 г. в первоначальной редакции за причинение по неосторожности смерти одному человеку вследствие нарушения правил охраны труда (ч. 2 ст. 143 УК) предусматривалось максимальное наказание до 5 лет лишения свободы, то Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. оно было снижено до 3 лет лишения свободы. Ныне (в ред. ФЗ от 28.12.2013 г. № 421-ФЗ) максимальное наказание по ч. 2 ст. 143 УК предусмотрено до 4 лет лишения свободы, а по ч. 3 ст. 143 УК за причинение по неосторожности смерти двум и более лицам – до 5 лет лишения свободы. Такое преступление подпадает под категорию средней тяжести и теоретически имеются правовые основания для освобождения виновного от уголовной ответственности в силу ст. 75 УК РФ даже в случае причинения по неосторожности смерти двум и более лицам. По такому пути нередко идет судебная практика¹.

Возникает вопрос: насколько справедливо смягчение санкций за подобные деяния, как при таком подходе учтена ценность человеческой жизни? Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. отличается своей гуманностью, но скорее по отношению к лицам, совершившим общественно опасные деяния. Вместе с тем принцип гуманизма, как нам представляется, не должен превалировать над иными принципами уголовного права и прежде всего принципом справедливости. Не должен он противоречить и концепции о приоритетной охране прав и свобод человека, нашедшей свое закрепление в ст. 2 УК РФ.

С учетом сказанного считаем целесообразным усилить санкцию по ч. 3 ст. 143 УК, предусмотрев максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет. Кроме того, предлагаем вернуться к прежней редакции ст. 15 УК РФ (Категории преступлений) до внесения в нее изменений Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ. В таком случае к категории тяжких преступлений будут относиться не только умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 10 лет лишения свободы, но и все неосторожные преступления, за совершение которых максимальное наказание превышает 5 лет лишения свободы [9, с. 50–52].

При рассмотрении каждого дела о нарушении правил и норм охраны труда особое значение приобретает тщательное и всестороннее исследование причинной связи между этими нарушениями и наступившими вредными последствиями, что и должно быть обосновано в приговоре.

В связи с исследованием причинной связи между названными нарушениями и наступившими вредными последствиями суду следует выяснять роль потерпевшего в происшествии. Если будет установлено, что несчастный случай на производ-

¹ См.: например, решение по делу 22-109/2017 от 11 января 2017 г. в г. Владивосток. URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-sud-primorskij-kraj-s/act-548794769/>; решение по делу 33-84/2017 от 17 января 2017 г. в г. Сапранск. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-mordoviya-respublika-mordoviya-s/act-549195851/> и др.

ве произошел вследствие небрежности потерпевшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным – учитывать при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим.

Показателен в этом отношении следующий пример из судебной практики. Приговором народного суда г. Южно-Сахалинска Р. и Ф. осуждены по ч. 3 ст. 140 УК РСФСР (ст. 143 УК РФ). Судебная коллегия по уголовным делам Сахалинского областного суда приговор оставила без изменения.

Р. и Ф. признаны виновными в том, что они, работая в разное время главными инженерами Ремстройконторы жилищно-коммунального управления и будучи ответственными за технику безопасности, допускали разгрузку леса на необорудованных площадках, без надлежащего инструмента лицами, которые не были обучены безопасным методам ведения работ. В результате указанных нарушений при разгрузке вагона с лесом рабочий Х. получил травму и умер.

Заместитель Председателя Верховного суда РСФСР внес в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР протест, в котором поставил вопрос о прекращении в отношении Р. и Ф. дела производством. Судебная коллегия, рассмотрев дело, нашла протест подлежащим удовлетворению. Материалы дела свидетельствуют о том, что смерть Х. наступила в результате грубой неосторожности самого потерпевшего.

Из обстоятельств дела видно, что в день случившегося ввиду дождливой погоды старшая рабочая Г. не разрешила разгружать прибывший вагон с лесом. По поводу простоя вагона ею был составлен акт, который подписали она сама, Х., Л. и К. Несмотря на это, Х. предложил Л. и К. разгрузить вагон, те изначально согласились с предложением. Однако в процессе разгрузки, заметив непрочность стоек на платформе, Л. и К. прекратили разгрузку и трижды предупреждали об этом Х., прося его отойти в сторону. Но Х., не обратив на их предупреждения никакого внимания, продолжал разгрузку. Через некоторое время одна из стоек платформы надломилась и скатившимся бревном Х. была причинена травма, от которой он умер.

Таким образом, Х. погиб не в результате нарушения руководством Ремстройконторы правил охраны труда, а вследствие собственной вины. В силу изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР все предыдущие судебные решения в отношении Р. и Ф. отменила и дело о них производством прекратила [10, с. 7–8].

Субъект рассматриваемого состава преступления имеет свои особенности. Им может быть только лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда. По этому поводу Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 23 апреля 1991 г. № 1 (в ред. от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» указал, что предусмотренная законом ответственность за нарушения требований охраны труда для лиц, обязанных обеспечивать соблюдение этих требований, наступает независимо от формы собственности предприятий, на которых они работают. Такими лицами могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане, а также лица без гражданства, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил и норм охраны тру-

да на определенном участке работ, а также руководители предприятий и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты предприятий, если они не приняли мер к устранению заведомо известного им нарушения правил охраны труда либо дали указания, противоречащие этим правилам, или, взяв на себя непосредственное руководство отдельными видами работ, не обеспечили соблюдение тех же правил.

Так, Г., работая в должности начальника сборочно-сварочного цеха, обязана была осуществлять подбор кадров рабочих, их расстановку и целесообразное использование, организовывать работу по повышению квалификации рабочих и служащих цеха, в том числе осуществлять контроль над соблюдением работниками правил и норм охраны труда и техники безопасности на предприятии. Однако Г., в нарушение пункта 2 своей должностной инструкции, а также пункта 10.3 Правил по охране труда на предприятиях и в организациях машиностроения ПОТ РО 14000-001-98 допустила клепальщика П. к работе сверловщика на радиально-сверлильном станке без прохождения им профессиональной подготовки, в том числе и по безопасности труда по данной специальности. В результате потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший за собой стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть. Действия Г. были правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 143 УК РФ как нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека¹.

В иных случаях лица, виновные в ненадлежащем выполнении своих служебных обязанностей по обеспечению безопасных условий труда, могут нести ответственность за должностные преступления (например, за непринятие мер по разработке соответствующих инструкций, по созданию условий для выполнения правил и норм охраны труда, по осуществлению надлежащего контроля их соблюдения).

Если нарушение правил и норм охраны труда допущено работником, не являющимся лицом, указанным в ст. 143 УК РФ, и повлекло последствия, перечисленные в этой статье, содеянное должно рассматриваться как преступление против личности независимо от того, имеет ли потерпевший отношение к данному производству или нет.

Большое значение для правильной квалификации содеянного имеет установление субъективной стороны преступления. Преступление, предусмотренное ст. 143 УК, по форме вины является неосторожным. Нарушение законодательства об охране труда само по себе является административным правонарушением (ст. 5.27. КоАП РФ) и перерастает в преступление, если в результате этого наступают последствия как минимум в виде тяжкого вреда здоровью работника, причиненного по неосторожности.

Поэтому, если виновный имел умысел на причинение вреда здоровью потерпевшего, а нарушение правил охраны труда использовал как способ реализации такого умысла, то содеянное следует квалифицировать по соответствующей статье УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение умышленного преступления.

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 4 Рузаевского района Республики Мордовия от 14 августа 2014 г. Дело № 1-42/2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com>

В специальной литературе все чаще поднимается вопрос о «неосторожном сопричинении» [11, с. 77–78; 12, с. 27–31]. В работах отдельных авторов употребляется термин – «неосторожное соучастие» [13, с. 16]. Этот вопрос самым непосредственным образом касается рассматриваемого состава преступления, поскольку за соблюдение правил охраны труда на предприятии, как правило, отвечает целый ряд лиц: начиная от руководителя (его заместителя) и заканчивая мастером или бригадиром. Возникает вопрос: можно ли поставить знак равенства между понятиями: «неосторожное сопричинение» и «неосторожное соучастие». Полагаем, что термин «неосторожное сопричинение» имеет право на существование, однако подменять его понятием «неосторожное соучастие» вряд ли правильно.

Действительно, в жизни нередко возникают ситуации, когда к наступлению общественно опасного последствия (к примеру, смерти работника) в той или мере причастны несколько лиц, на которых возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда на предприятии. И, следовательно, их действия (или бездействия) находятся в причинной связи с наступившим результатом. Каждый из субъектов, не выполняя возложенные на него функции по обеспечению безопасных условий труда, является как бы звеном, последовательная цепь которых приводит, в конечном счете, к наступлению преступного результата. Однако говорить о соучастии в этом случае нельзя, поскольку между субъектами нет нацеленности на достижение единого преступного результата, что характерно только для умысла. В этом смысле позиция противников теории неосторожного соучастия является для нас предпочтительней [1, с. 447].

Нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) необходимо отграничивать от нарушения правил безопасности при проведении конкретных видов работ, предусмотренных главой 24 Особенной части УК РФ. Это: Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215 УК), Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК), Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217 УК). Перечисленные составы преступлений являются специальными по отношению к ст. 143 УК. Поэтому если нарушение требований охраны труда произошло на объектах атомной энергетики, взрывоопасных объектах, при ведении горных, строительных или иных работ, то приоритет при квалификации отдается специальным нормам.

Так, Пленум Верховного Суда РФ в своем вышеназванном постановлении указал, что при отграничении преступлений, предусмотренных ст. 143 УК от преступлений, предусмотренных ст. 216 УК следует исходить из того, при производстве каких именно работ нарушены правила безопасности. Если нарушение этих правил (в том числе и правил охраны труда) было допущено при производстве горных либо строительных работ, то содеянное должно квалифицироваться по ст. 216 УК РФ. Однако в диспозиции ст. 216 УК упоминается и о «других работах», но ни сама норма уголовного закона, ни постановление Пленума Верховного Суда РФ не дают толкования этого понятия. Поэтому для правильной квалификации содеянного важно определиться с его доктринальным толкованием.

В специальной литературе по этому поводу высказываются разные точки зрения. Так, В.С.Комиссаров «иные работы» определяет как однопорядковые с горными и строительными работами, которые обладают таким же высоким уровнем возможности причинения вреда, например, работы, при которых используется обо-

рудование под большим давлением или с высокой температурой либо стационарно установленные грузоподъемные механизмы, эскалаторы, канатные дороги, фуникулеры, работы по обогащению полезных ископаемых, а также работы в подземных условиях [14, с. 313–314].

В других источниках «иные работы» определяются как работы, не связанные с горными и строительными работами, но приравненные к ним и также требующие при их проведении соблюдения определенных правил безопасности в связи с тем, что эти работы обладают таким же высоким уровнем возможного травматизма рабочих или причинения материального вреда, например: установка и наладка подъемных кранов на строительном объекте, эскалатора, лифта, транспортера, иных механизмов в шахте, тоннеле и т. д. [15, с. 610].

Разделяя предыдущие высказывания, которые в основном между собой совпадают, можно сделать следующий вывод: под «иными работами» понимаются любые виды работ, урегулированные правилами безопасности, которые сопряжены с применением сложного оборудования, техники и технологических процессов, требующие особого контроля человека. Это работы повышенной опасности, состоящие в одном ряду с горными и строительными работами. Об этом свидетельствует наличие более строгого наказания, предусмотренного в ст. 216 УК РФ по сравнению со ст. 143 УК РФ. Для правильной квалификации содеянного необходимо устанавливать конкретные пункты действующих правил безопасности работ и охраны труда, нарушение которых повлекло либо могло повлечь наступление указанных в законе последствий.

Иллюстрацией сказанному является дело в отношении М. Судом установлено, что М., являясь директором ООО «XXX», в нарушение требований п.п. 3.2, 3.5, 3.6., 3.9 ч. 3 СНиП «Организация строительного производства», п.п. 4.6, 4.18 СНиП «Безопасность труда в строительстве», п. 1 Договора подряда на реконструкцию нежилого помещения допустил начало и ведение работ по строительству пристроя в отсутствие проектно-сметной документации и акта допуска для производства монтажных работ. М. также в нарушение п.п. 7.1–7.7 ч. 7 «Организация строительного производства», п.п. 1.1, 1.2, 1.12, 1.15, 1.22 ч. 1 СНиП «Несущие и ограждающие конструкции», при ведении строительства указанного пристроя не обеспечил: контроль качества строительно-монтажных работ; проведение входного контроля поступивших конструкций, изделий и материалов, использованных при строительстве; проведение лабораторных исследований строительного раствора, используемого при монтаже. Вопреки требованиям ст. ст. 212, 225 Трудового кодекса РФ, М. перед началом строительных работ не проводил обучение работников и проверку знаний ими правил охраны труда и техники безопасности; не назначал лиц, ответственных за обеспечение охраны труда, не проводил вводный и первичный инструктаж по охране труда погибшего работника ООО «XXX» Ш.

Вследствие нарушения правил безопасности при ведении строительных работ произошло обрушение части элементов пристроя к зданию, в результате чего работник Ш., находившийся на плите перекрытия 2-го этажа, упал на землю вместе с обрушенными строительными элементами и получил телесные повреждения (черепно-мозговая травма с повреждением черепа и головного мозга), повлекшие смерть

на месте происшествия. М. справедливо признан судом виновным и привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 216 УК РФ¹.

Другим проявлением права человека на труд является право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37 Конституции РФ). Статья 19 Конституции РФ запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

В развитие этого конституционного положения ст. 64 Трудового кодекса РФ запрещает отказывать в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. Это право обеспечено и уголовно-правовыми средствами. Уголовный закон предусматривает ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ). К сожалению, эта норма в силу ряда причин практически не работает. Это не означает, что подобные действия не совершались или не совершаются в настоящее время. Напротив, реалии жизни таковы, что беременной женщине или женщине, имеющей детей в возрасте до трех лет, нередко отказывают в приеме на работу. В условиях растущей безработицы эта проблема особенно актуальна.

Субъект данного преступления – специальный. Им является лицо, наделенное правом приема на работу или увольнения. Это может быть как должностное лицо, так и лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Для привлечения лица к ответственности по ст. 145 УК РФ важно доказать, что мотивами, которыми руководствовалось это лицо, являлось нежелание принять в качестве работника беременную женщину или женщину, имеющую ребенка в возрасте до трех лет. Однако это очень непросто, ибо ни один руководитель не будет открыто называть мотивы своего отказа.

Поскольку мотивы деяния входят в конструкцию состава, то субъективная сторона содеянного характеризуется виной в форме прямого умысла. Это значит, что виновное лицо осознает, что в нарушение трудового законодательства отказывает в приеме на работу или увольняет с работы женщину в связи с ее беременностью или в связи с наличием детей в возрасте до трех лет и желает поступить именно так. Тем самым лицо, наделенное правом приема на работу или увольнения с работы, злоупотребляет своими полномочиями.

Следует согласиться с существующим в литературе мнением, что преступление, предусмотренное ст. 145 УК РФ, является специальным составом по отношению к составу преступления, предусмотренного ст. 136 УК РФ (Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина) [16, с. 96]. Поэтому в случае конкуренции общей и специальной нормы приоритет отдается специальной норме. Поскольку в ст. 145 УК субъект специальный, то считаем целесообразным в диспозиции этой статьи по аналогии со ст. 136 УК указать, что эти действия совершаются лицом с использованием своего служебного положения.

¹ Орджоникидзевский районный суд г. Уфа Республики Башкортостан. Дело № 1-559/2010 г. // Интернет-портал ГАС «Правосудие». www.sudrf.ru.

Заслуживает внимания и вопрос о круге потерпевших от данного преступления. В соответствии со ст. 145 УК ими являются только беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет. Между тем нередко ситуации, когда в силу сложившихся жизненных обстоятельств (смерти матери, лишения ее родительских прав) уход за ребенком до трех лет осуществляет отец. Трудовое законодательство учло подобные ситуации, предоставив отцу (усыновителю) такие же права и льготы, как и женщине. Например, предоставление отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет (абз. 2 ст. 256 ТК РФ); гарантии лицам с семейными обязанностями при расторжении трудового договора (абз. 4 ст. 261 ТК РФ). Полагаем, что этот пробел должен быть восполнен и в ст. 145 УК РФ. Мужчина (отец, усыновитель) в случае нарушения своего конституционного права на труд должен иметь возможность защитить его в уголовно-правовом порядке.

С учетом сказанного, редакция ст. 145 УК РФ видится нам следующим образом:

«1. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение женщины по мотивам ее беременности, а равно по мотивам наличия у нее малолетних детей в возрасте до трех лет, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, – (преступление небольшой тяжести).

2. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы мужчины, осуществляющего на законном основании уход за ребенком до достижения им возраста трех лет, совершенные лицом с использованием своего служебного положения по этим мотивам, – (преступление небольшой тяжести)».

Список использованных источников

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Издание профессора Малинина. СПб., 2011. 951 с.
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Б.Т.Разгильдиева и А.Н. Красикова. Саратов, 1999. 672 с.
3. Дацко Н.П. К вопросу об объективной стороне административного правонарушения, связанного с невыполнением или нарушением должностным лицом норм по охране труда // Проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина нормами трудового и социального права Российской Федерации и зарубежных стран : сборник научных статей. Челябинск : Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2010. С. 47–51.
4. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 278 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Мнение ученых о реформе УК // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26–27.
6. Побегайло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–114.
7. Кузнецов А., Нуркаева Т. Вопросы уголовно-правовой охраны здоровья в свете изменений и дополнений Уголовного кодекса // Уголовное право. 2004. № 3. С. 38–40.
8. Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем (с изм. и доп. от 18 октября 2012 г. № 21) // СПС Консультант Плюс.
9. Нуркаева Т.Н. Преступления против личности: проблемы квалификации и совершенствования законодательства : монография. Уфа : УЮИ МВД России, 2014. 208 с.
10. Дело в отношении Р. и Ф. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1963. № 9. С. 7–8.
11. Нерсесян В.А., Рарог А.И. Неосторожное сопричинение и его уголовно-правовое значение // Законодательство. 1999. № 12. С. 77–78.

12. Грошев А., Смык О. Квалификация нарушения правил охраны труда несколькими лицами // Уголовное право. 2006. № 1. С. 27–31.
13. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. 362 с.
14. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. Т. 4. 672 с.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2012. 1353 с.
16. Климанов А.М., Пешков Д.В., Розовская Т.И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина : научно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2015. 192 с.

УДК 37.026.4

Р.Ю.Рахматуллин

Образ как компонент педагогического пространства

В статье дается определение образа как совокупности чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала и субъективно переживаемых в качестве самого находящегося вне психики объекта. Образ рассматривается в качестве важного компонента педагогической деятельности, выступающий в качестве средства трансляции и обоснования знания, выполняющий семантическую функцию по отношению к абстрактным объектам научной теории.

Ключевые слова и фразы: образ, изоморфизм, визуализация, обоснование, понимание, интенциональность.

R.Yu.Rakhmatullin

Image as a Component of the Pedagogical Space

The article defines the image as an aggregate of sensory signals, isomorphic to the content of the original object and subjectively experienced as the object itself that is outside the psyche. The image is regarded as an important component of the pedagogical activity that acts as a means of translation and substantiation of knowledge and performs a semantic function in relation to abstract objects of scientific theory.

Key words and phrases: image, isomorphism, visualization, substantiation, understanding, intentionality.

Большинство знаний, с которыми сталкивается современный человек, носит вербализованный характер. Однако во второй половине XX века в сфере науки и образования происходит поворот, который американский психолог Роберт Холт назвал «возвращением образов из изгнания» [1]. Причин были две: а) невиданный

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: rafat54@mail.ru

© Рахматуллин Р.Ю., 2017

рост логико-символических средств в науке вызвал необходимость разработки средств и методов понимания такого знания; б) возникла потребность трансляции специализированного абстрактного знания в сферу образования и средства массовой информации. На наш взгляд, именно эти причины вызвали появление новой формы организации знания – научной картины мира с ее ярко выраженными образными представлениями.

Что такое образ?

Исследования, связанные с образами, затруднены, прежде всего, из-за неопределенности содержания и объема этого понятия. Как справедливо замечает И.Н.Инишев, «за последние два десятилетия «дискурс об образах» стал заметной частью философских (и не только философских) исследований. Это связано, во-первых, с прогрессирующей имажинизацией социальной сферы, а во-вторых, с признанием существенной роли образов (от фотографии до диаграмм) в производстве и трансляции знания» [2, с. 86]. В ряде работ мы излагали свою концепцию образов [3; 4; 5]. Ее можно свести к четырем тезисам:

- 1) образ является психическим феноменом;
- 2) образ есть изображение;
- 3) образ обладает свойством полимодальности;
- 4) образ обладает свойством интенциональности.

Первое утверждение позволяет отделить образ от оригинала (прежде всего, материального объекта), рисунка, фотографии, иконы, различного рода визуализаций, создаваемых при помощи компьютерных программ и т. п.

Второе утверждение является дискуссионным, ибо существует мнение о наличии звуковых, обонятельных, тактильных, вкусовых, т. е. так называемых «неизобразительных» образов [6]. Сторонников существования «неизобразительных» образов, в свою очередь, можно разделить на две категории: одни полагают, что любая форма презентации внешнего стимула в чувственной сфере является образом; другие – ограничивают класс образных представлений структурно соответствующими оригиналу феноменами психики.

Отождествление чувственного и образного, видимо, является данью традиции советской психологии, основанной на ленинском утверждении, что «ощущение есть субъективный образ объективного мира». О том, что ощущение не является образом достаточно убедительно обосновал Д.И.Дубровский: «Обычно различают чувственные образы и чувственные знаки. Например, ощущение красного, сладкого, боли и т. п. являются знаками, а не образами, хотя способны нести организму важную информацию. Для успешности некоторых актов поведения достаточно информация в виде знака, фиксирующая лишь одну черту сложного объекта либо абстрактно маркирующая его» [7, с. 83]. На самом деле, является ли запах розы образом самой розы? Можно ли звук упавших на пол ножниц назвать образом ножниц? Подобные вопросы привели к введению в определение образа признака его *структурного соответствия* оригиналу. В наиболее ясном виде эта точка зрения впервые была представлена еще в 1960-х годах в статье известных советских психологов Л.М.Веккера и Б.Ф.Ломова, применивших при определении образа определяющее понятие «изображение» [8].

Приверженцы выделения признака структурного соответствия образа оригиналу правы в том, что образ не является ощущением, ибо последний таким признаком – структурным соответствием оригиналу – не обладает. Но, с другой стороны, структурным соответствием с постигаемым предметом может обладать и теория, и гипотеза, и даже суждение! В этом случае размываются грани между образом и рациональными формами выражения знания. По этой причине мы солидарны с теми, кто относит образ к сфере чувственности: «Образ – чувственная форма психического отражения, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику» [9, с. 444].

Проблема осмысления образа как изображения стала подвергаться сомнению с появлением неклассической философии и науки. Начатая Локком и доведенная Кантом до максимума парадигма конструктивизма вообще снимает вопрос об образе как копии: представлять объект не означает быть его изображением или копией. Возникший на основе этой идеи позитивизм объявил проблему соответствия образа оригиналу лженаучной. Правомерность такой оценки отмечается и в отечественной философии и психологии. Так, М.Мамардашвили писал: «У меня нет, во-первых, объективного мира, а объективный мир – это те представления о нем, которые есть. Не сам по себе мир, а те знания, которые у нас есть о мире. И вторая вещь: эти знания, кроме всего прочего, не обязательно объективны. Они могут быть и мифологическими, помещающими меня, как мыслящее и сознающее существо, в мифологический мир» [10, с. 95]. А известный психолог А.Н.Леонтьев еще в советское время отважился сказать, что оригинал всегда амодален: ни цветов, ни запахов, ни звуков вне психики вообще не существует [11].

Думается, Кант был прав, когда утверждал, что не знает способа, доказывающего совпадение знания об объекте самому объекту. Однако, критикуя репрезентационизм, он вовсе не отрицал идею структурного соответствия. Современный философ из США Т.Рокмор считает, что переворот в философии, совершенный Кантом, заключается в замене формулы «знание должно соответствовать объекту» формулой «объект должен соответствовать знанию» [12, с. 40–41]. Если перевести его утверждение в плоскость рассматриваемого нами вопроса, то можно сказать, что не объект, как элемент внепсихической реальности, определяет особенности образа, а особенности образа, конструированные по меркам априорно заданных программ психики, определяют восприятие объекта. Нам представляется, что наиболее подходящим термином для выражения соответствия образа оригиналу (или оригинала образу) является понятие *изоморфизма*, означающего тождество структур сравниваемых объектов, соответствие между объектами, выражающее тождество их структуры.

В научной литературе встречаются попытки сведения образа не только к зрительному восприятию, но и к другим чувственным модальностям. Например, Н.А.Куликова пишет о существовании обонятельных образов [13], а А.С.Майданов – осязательных образов [6]. Думается, сводить образ лишь к какой-то одной модальности (зрительной, слуховой, осязательной и т. д.) является ошибкой, т. к. он так же, как и отображаемый им объект-оригинал, полимодален.

Наш третий постулат – о полимодальности образа – основывается на тезисе о синтетической природе любого компонента человеческой психики: и образа, и мысли, и эмоции, и страсти. Например, образ вчерашней встречи со знакомым в ресто-

ране может включать в себя и визуальные представления (праздничного стола, официанта, гостей и пр.), и звуки музыки, и запах кофе. К мысли о полимодальности образных компонентов человеческой психики пришел и авторитетный исследователь субъективной реальности Д.И.Дубровский. Он пишет, что «всякое восприятие внешних явлений полимодально, в том смысле, что оно всегда включает в той или иной степени чувственные отображения внутренних процессов <...>. Восприятие является результатом перцептивного синтеза, который объединяет сенсорную и иную информацию из многих источников» [7, с. 75]. На наш взгляд, можно говорить о доминирующей роли какой-то одной чувственной составляющей образа (зрительной, слуховой, осязательной и т. д.), что и приводит к понятиям «зрительный образ», «слуховой образ», «осязательный образ» и т. п. Но образ синтетичен, он представляет собой сплав различных модальностей.

Четвертый тезис, из которого мы исходим, это свойство *интенциональности* образа. Дело в том, что в отличие от таких репрезентантов, как модель, чертеж, фотография, образ переживается человеком в качестве находящегося вне его психики предмета материального мира. Объясняя интенциональную природу образа, его отличие от модели, А.Н.Леонтьев писал: «Капитальный психологический факт состоит в том, что в образе нам даны не наши субъективные состояния, а сами объекты. Так, например, световое воздействие вещи на глаз воспринимается как объективная форма вещи, находящейся вне глаза. Для субъекта образ как бы наложен на вещь» [14, с. 44].

Исходя из всего вышеизложенного, мы предлагаем следующее определение образа: *образ есть совокупность чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала и субъективно переживаемых в качестве самого находящегося вне психики объекта.*

Зачем же нужны образы в педагогической сфере?

Образ есть средство трансляции знания в сферу образования

Многие современные теории, претендующие на объяснение объективно существующих процессов, строятся на основе логико-математических или иных искусственных языков, понятных лишь узкому кругу специалистов. Получается парадоксальная ситуация: общество идет на материальные затраты, нередко выделяя лучшие людские ресурсы для изучения и объяснения определенных явлений, а небольшая группа исследователей, проделав необходимую работу, не может на общедоступном языке объяснить большинству полученные результаты.

Педагогический опыт позволяет сделать однозначный вывод, что чем абстрактней уровень изложения учебного материала, тем хуже его усвояемость обучаемыми. Причем это касается не только школьников или малоквалифицированных рабочих, но и хорошо знакомых с абстрактными языками науки студентов старших курсов и аспирантов. Результаты многолетних опросов курсантов Уфимского юридического института МВД России, студентов Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, Башкирского государственного аграрного университета позволяют сделать вполне однозначный вывод, что самые высокие оценки со стороны обучаемых получают преподаватели, умело сочетающие научность изложения материала с ее простотой и доступностью. Работающие в сфере образования ученые знают, насколько сложна эта проблема. Характеризуя эту деятельность, француз-

ский ученый А.Моль пишет: «Литературный талант соединяется здесь с талантом научным, что чрезвычайно ограничивает число творцов в этой области. В данном случае творчество проявляется не в научном открытии и не в художественном воздействии. Оно представляет собой создание осмысленных сообщений на тему какого-нибудь открытия, таких сообщений, которые могли бы усваиваться любым человеком, обладающим некоторой минимальной культурой и способностью приложить усилие в самом широком смысле слова. Это открытие самого открытия порой не менее трудно, чем открытие первоначальное» [15, с. 241–242]. Примерно также писал и П.Л.Капица в статье, посвященной памяти своего учителя Резерфорда: «История науки показывает, что крупный ученый – это не обязательно большой человек, но крупный учитель не может не быть большим человеком» [16, с. 290].

Искусство педагога состоит в том, чтобы трансформировать любое научное знание в такой вид, чтобы при его помощи перенести это знание в «голову» обучаемого. Для этого, прежде всего, и существует институт образования. Но этот институт может успешно работать лишь тогда, когда «транслятор» и «приемник» работают на одном языке. Как говорят, понимание – это разговор двух кодов в пределах одной головы. Добавим, что сколько бы ни было этих «кодов», никакого разговора не получится, если они не будут опираться на какой-то общий, базовый язык. В межличностном общении эту роль, как правило, играют образы, которые меньше всего подвержены влиянию фонетических особенностей вербального языка, культурной и расово-этнической специфике его носителей. Тот же образ Солнечной системы, воплотивший в себе определенные астрономические знания, не нуждается в переводе на другие языки, не требует узкоспециализированной подготовки в определенных областях науки. Поэтому образы – лучшие трансляторы знания.

Еще более ощутима роль образа при трансляции научного знания в практическую сферу, что во все времена являлось одной из важнейших задач образования. При помощи формулы, математического или логического обоснования невозможно излечить болезнь, вырастить пшеницу, отремонтировать двигатель. Очевидно, что между научной теорией и практикой находится некий особый слой знания, напоминающий «третий мир» Поппера: это мир объектов, синтезирующих в себе результаты рационального познания и чувственного отражения. Эти феномены возникают на пути движения теоретических идей в сферу их применения. Однако в триаде «научная теория – ее трансформация – практика» слабее всего оказалось изученным среднее звено, без которого, оказывается, невозможна практическая реализация идеи. На самом деле, практическое применение идеи предполагает создание образного представления ее функционирования в сфере практики. Ведь знание об объекте предполагает не только отражение сущности, но и знание того, что можно делать с этим объектом. Знание есть не только информация о чем-то, но и информация для чего-то. Работа педагога с этими *воплощенными* в образную форму научными идеями и составляет важнейшую задачу образования.

Функция трансляции научного знания тесно связана с проблемой его понимания.

Семантическая функция образа

Любая языковая конструкция имеет смысл лишь тогда, когда она понимается адресатом. Один из первых исследователей визуального мышления Р.Арнхейм отмечает, что понимание сложной ситуации становится возможным, если удастся по-

строить ее образ, «который делает ее значение видимым» [17, с. 26]. Он доказывает связь значения объекта с его зрительным представлением и результатами множества научных наблюдений и экспериментов.

Особую актуальность данная тема приобретает при проецировании ее проблем и результатов на сферу образования. Заметное ослабление просветительского духа в современной отечественной культуре, проявляющееся, прежде всего, в нарастающем угасании интереса к учебе, в особенности к глубоким теоретическим разработкам, требует переосмысления всего содержания и задач образования, в частности, средств, форм и методов обучения. Это в особенности касается преподавания абстрактных наук. В связи с этим возникает необходимость в разработке методологии и методики реализации одного из фундаментальных педагогических принципов – принципа доступности.

В сфере современного образования потребность в универсальном языке образов весьма ощутима. Видимо, это связано с приверженностью современного человека к восприятию довольно большого количества информации через телевидение, его включенностью в «экранную» культуру. Но в педагогике и психологии обучения потребность в образных представлениях учебного материала ощущалась всегда. Не зря в большинстве работ по педагогике проблема понимания связывается со способностями обучаемых представлять материал в наглядно-образной форме. Еще Дистервег писал, что понятия без наглядных представлений пусты и бессодержательны: «Где <...> география изучается без родиноведения, без создания наглядных представлений посредством карт, рисунков и т. д., где история изучается без конкретных жизненных образов, в виде абстрактной схемы, которая навязывается памяти; где религия преподается посредством заучивания наизусть текстов, по большей части совершенно чуждых ребенку, там царит старый, отвратительный, мертвящий формализм. Это учение для школы, а не для жизни <...>. Отсюда следует, что для учителя, которому действительно дорого умственное развитие его учеников, не существует более высокой задачи, чем самому основать все свои понятия на наглядных представлениях» [18, с. 368].

Учителя математики отмечают, что сюжетные задачи решаются школьниками лучше, чем сформулированные на алгебраическом языке. «Каждому учителю известно, что в тех случаях, когда ученик не может решить задачу, достаточно бывает изменить ее сюжет, сделав его более близким к опыту ребенка, как успех решения уже обеспечен» [19, с. 358]. Обобщая результаты исследований по повышению эффективности преподавания, В.В. Давыдов приходит к выводу о жесткой связи понимания с наглядно-образными представлениями: «Наглядность противостоит вербализму, чисто словесному обучению, приводимому в форме отвлеченных рассуждений, смысл которых не понятен учащимся до тех пор, пока под них не подведено реальное, предметное, чувственно данное основание [20, с. 37]. И далее: «Понимать словосочетание (или заменяющее его одно слово) – это значит развернуть в своем сознании систему наглядных образов (представлений), соответствующих этим признакам» [20, с. 61].

Использование образов в качестве «элементарных клеточек» понимания мы связываем, прежде всего, с тождественностью психофизиологических механизмов отражения у всех людей, которые формируются на основе простых, постоянно воспроизводящихся в жизнедеятельности структур практики. Большая, по сравнению с

постоянно изменяющимся теоретическим языком, устойчивость образов и делает их естественными, очевидными компонентами знания, не требующими своего объяснения. Мы полагаем, что образы, применяемые в научной и учебной деятельности, призваны давать теоретическим моделям предметное истолкование. Это истолкование может быть охарактеризовано как семантическая интерпретация. В этом случае их нужно рассматривать в качестве необходимого компонента языка обучения, если этот язык понимать как единство знака и значения.

В педагогике известны разные способы применения образных представлений при обучении и воспитании. Одним из распространенных из них является использование примера как своеобразного носителя научного знания. Д.И.Писарев считал пример одним из действенных средств при работе с абстрактным знанием: «Каждое общее положение должно быть подтверждено фактами и пояснено частными примерами» [21, с. 134]. Актуальность выражения знания при помощи примера возрастает, на наш взгляд, по мере увеличения отвлеченности, абстрактности изучаемого материала. «Чем абстрактнее первоначальное обобщение, тем больше конкретизации требует его полноценное усвоение. Сама конкретизация осуществляется в процессе применения понятия, при решении задач на подведение под него единичных фактов или при раскрытии учащимися общих положений на конкретном материале», – считает В.В.Давыдов [20, с. 26]. В другой работе автор обращает внимание на особую важность этого принципа при работе с младшими школьниками [22, с. 149].

Как показывает педагогический опыт, эффективность усвоения учебного материала повышается, если обучаемые визуализируют концептуальные схемы при помощи собственных примеров. Дистервег отмечал, что «создание наглядных представлений на основании всего передуманного» говорит о большей зрелости ученика [18, с. 368]. Наблюдения в сфере образования позволяют сделать вывод, что обучаемые, использующие при работе на занятиях собственные примеры, добиваются лучших результатов в учебе и научно-исследовательской деятельности.

Разновидностью объяснения научного знания при помощи примера является использование педагогом практических ситуаций, специально подобранных для изучения темы. В этом случае обучаемый как бы сам помещается в ситуацию, которую он, используя полученные теоретические знания, должен оценить и принять нужное решение. Дидактическая ценность таких пособий заключается в том, что в них отражаются типовые задачи, с которыми часто сталкиваются работники в своей профессиональной деятельности. С точки зрения рассматриваемого нами вопроса речь здесь идет об умении проецировать определенную теоретическую модель на ситуацию, данную в чувственно-образной форме. После этой процедуры систематизированный при помощи теоретической модели эмпирический материал обретает свойство некоего образца, который может быть использован при объяснении соответствующей темы в качестве примера.

Тожественными примеру дидактическими свойствами обладает притча – короткий поучительный рассказ, в иносказательной форме передающий обучаемому важное, с точки зрения педагога, сообщение. В ряде религиозно-мистических школ она рассматривается в качестве важнейшего средства образования и воспитания адепта. Так, суфийские учителя предпочитают назидательной беседе притчу, которая, наряду со специально создаваемыми познавательными ситуациями, составляет обязательную часть программы подготовки ученика.

Часто с целью донесения смысла теоретического положения до обучаемых педагог использует метафорические образы. В.Гумбольдт полагал, что в ряде познавательных ситуаций метафорические образы просто необходимы – без них невозможно понимание: «Если вам кажется, что метафора – просто украшение, причуда ораторов и поэтов, вы серьезно ошибаетесь. Мы просто не можем говорить без метафор об отвлеченных вещах <...>. Каждому, кто хочет толковать о вещах, которые нельзя увидеть, услышать и т. п., приходится говорить так, словно их можно увидеть, услышать, понюхать, ощутить на ощупь или на вкус» [23, с. 306]. В основе метафоры, как и притчи, лежит перенос смысла с одной области в другую, осуществляемый, как правило, с участием образных представлений. Рассматривая проблему понимания в школьном образовании в контексте взаимодействия учителя и ученика, Ю.В.Сенько пишет: «Понимающий контекст – результат деятельности учителя и ученика, отражающий сложное диалогическое взаимодействие своего и чужого опыта, слова и действия, мысли и чувства на разных уровнях осмысления <...>. К продуктивному воображению зовет ученика и хороший учитель. Как посредник между миром культуры и миром ученика хороший педагог разыгрывает институционализированное знание, персонифицирует его и оформляет жизненным контекстом» [24, с. 28].

Таким образом, понимание, в конечном счете, есть умение выразить суть незнакомого через знакомое. Оказывается, это умение играет очень большую роль и в сфере обоснования знания. Без понимания невозможно обоснование.

Образ как средство обоснования научного знания

Вопросы объяснения и обоснования, тесно связанные с проблемой его понимания, остаются важнейшими проблемами. В учебной деятельности они, прежде всего, связаны с работой с научным материалом. С самого начала формирования науки стало ясно, что абстрактно-логические средства не обладают абсолютной объясняющей силой: первая в мире общепризнанная научная теория – «Начала» Евклида – включала в себя в качестве принципиальных положений логически не выводимое знание. Ныне любой исследователь, занимающийся анализом исходных предпосылок своей науки, знает, что наряду с выводным знанием существует не выводимое, вне логическое. Тот, кто не желает примириться с этим положением, будет вынужден искать доказательство истинности любого заключения через бесконечное обоснование последовательно возникающих посылок. Характеризуя эту проблему, Гейзенберг пишет: «Причинность всегда объясняет последующие события через предыдущие, но никогда не может объяснить исходное начало» [25, с. 33]. Процесс обоснования в конечном счете включает в себя чувственный компонент, достоверность которого принимается сообществом в силу его очевидности. Благодаря этому преодолевается трилемма Мюнхгаузена – необходимость в бесконечной цепи логических обоснований научных положений. Даже рационалист Декарт считал очевидность безупречным видом обоснования.

Действительно, большая часть наших знаний имеет опосредованный характер, и она никогда не была бы обоснована, если бы не существовало непосредственное знание, не ищущее свое подтверждение ссылками на другие высказывания. На этот факт обращали внимание многие известные ученые-теоретики. Так, выдающийся математик Д.Гильберт писал, что даже «математика не может быть обоснована только

на логике: наоборот, в качестве предварительного условия для применения в действии логических операций нам в нашем представлении уже должно быть дано нечто, а именно – определенные внелогические конкретные объекты, которые существуют наглядно» [26, с. 365–366]. Это вполне объяснимо. Известно, что основания любой науки должны лежать на самом ее объекте, а этот объект в большинстве случаев непосредственно нам задан сначала в виде чувственных данных, которые, как правило, синтезируются в нашем сознании в форму образа. То есть процесс обоснования, в конечном счете, включает в себя чувственный компонент, достоверность которого принимается обучаемыми в силу его очевидности. Изложенная здесь мысль не является новой в теории обоснования – еще у античных геометров слово «смотри», стоящее под чертежом, считалось вполне достаточным доказательством.

Таким образом, поиск исходных оснований научного знания приводит нас к самому объекту исследования, который в нашем сознании представлен в виде какого-либо образа. Но для педагога это не обычное зрительное восприятие или представление. Помещенная, к примеру, в контекст биологической картины мира дарвиниста конкретная западноевропейская овчарка Рекс, воспринимается им в качестве наглядного результата определенных закономерностей эволюции. Данная конкретная собака становится здесь представителем рода и вида и рассматривается через призму соответствующей сферы биологической картины реальности. При этом чувственное «одеяние» отражаемого объекта может порождать иллюзию его общности, «первосигнальности», что на самом деле не соответствует действительности.

Рассмотрим это на примере объяснения Галилеем функциональных особенностей мышечной и жировой массы обитателей водной среды. Не будучи специалистом в области зоологии, он в одной из своих работ довольно просто открывает новые свойства массы, проявляющиеся в воде (в отличие от суши): «В воде имеет место совершенно обратное тому, что мы видим у наземных животных; в то время как у последних кости должны нести свой вес и вес мяса, у водяных животных мясо поддерживает не только собственный вес, но и вес костей <...>. Подобное же, полагаю, должно случиться с большими кораблями, которые, плавая в море, выдерживают не только собственный вес, но и огромную тяжесть снастей, грузов и вооружения» [27, с. 218]. Галилей здесь при помощи образа «водяного животного» объясняет причину плавучести кораблей. При этом он помещает образ «водяного животного» в контекст современной ему картины физического мира, что придает указанному образу новый смысл. Этот смысл, экстраполированный на знание о кораблях, позволяет ему объяснить, почему они не тонут. То есть Галилей здесь имел дело не с обычными чувственными образами обитателей водной среды, а с «онаученными» при помощи физической картины мира визуализированными представлениями. Как замечают В.А.Лекторский и В.С.Швырев, «Галилей вынужден был проводить специальное обоснование своих концепций опыту. Не отрицая данных обыденного восприятия, он вводил их в определенный теоретический контекст, теоретизируемую картину доступного непосредственному наблюдению мира, показывая основания внешнего противоречия непосредственного наблюдения и теории. Тем самым он не просто надстраивает «теоретический мир» над миром обыденного опыта, а согласовывает тот и другой, он строит научную эмпирию как особую внутреннюю компоненту научной картины мира. Научная эмпирия, таким образом, отличается от обыденного опыта» [28, с. 18–19].

Следовательно, если трансформированное на язык картины мира научное знание находит свое место в ней, то это дает основание оценивать его как достоверное. Одновременно это является и предпосылкой его понимания, ибо обоснование, как уже отмечалось, всегда связано с пониманием. Мы солидарны с Б.Я.Пукшанским, который считает, что переход от строгого и узко специализированного языка научной теории к распространенным в обыденном сознании представлениям, позволяет «вписать» создаваемые наукой знания в общую культуру, соединить их с другими компонентами» [29, с. 116].

Выводы

1. Образ есть совокупность чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала и субъективно переживаемых в качестве самого находящегося вне психики объекта.
2. Использование образов в педагогической деятельности связано с:
 - а) необходимостью преобразования научно-теоретического знания, выраженного в логико-символическом виде, в удобные для трансляции в сферу образования формы;
 - б) важностью образов как «элементарных клеточек» понимания сложных теоретических конструкций. Они являются главным инструментом реализации принципа наглядности;
 - в) решением трилеммы Мюнхгаузена, связанной с поиском очевидного звена в логической цепочке обоснования знания.

Список использованных источников

1. Holt R.R. Imagery: the Return of the Ostracized // American Psychologist. 1964. Vol. 19. # 4. P. 254–264.
2. Инишев И.Н. Взаимосвязь материального и смыслового в иконическом опыте // Вестник Томского государственного университета. Философия, Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 86–93.
3. Рахматуллин Р.Ю., Сафронова Л.В., Рахматуллин Т.Р. Образ как гносеологическая категория: трудности определения // Вестник ВЭГУ. 2008. № 3. С. 6–14.
4. Рахматуллин Р.Ю., Семенова Э.Р., Хамзина Д.З. Понятие образа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-2. С. 167–170.
5. Рахматуллин Р.Ю., Семенова Э.Р. Место образа в научном познании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–1 (69). С. 132–134.
6. Майданов А.С. Восприятие незрячими красоты. М. : Канон+РООИ : Реабилитация, 2010. 648 с.
7. Дубровский Д.И. Восприятие как феномен субъективной реальности // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7. № 1. С. 74–83.
8. Веккер Л.М., Ломов Б.Ф. О чувственном образе как изображении // Вопросы философии. 1961. № 4. С. 47–59.
9. Назаров А. И. Образ // Психология: полный энциклопедический справочник. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 444–445.
10. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М. : Прогресс, 1993. 352 с.
11. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. 1979. № 2. С. 3–14.
12. Рокмор Т. Кант о репрезентационизме и конструктивизме // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 3. № 1. С. 35–46.

13. Куликова Н.А. Эвокация обонятельных образов в художественном тексте // Филология и человек. 2009. № 4. С. 127–133.
14. Леонтьев А.Н. Чувственный образ и модель в свете ленинской теории отражения // Вопросы психологии. 1970. № 2. С. 34–45.
15. Моль А. Социодинамика культуры. М. : Прогресс, 1973. 406 с.
16. Капица П.Л. Памяти Эрнеста Резерфорда // Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М. : Наука, 1981. С. 271–310.
17. Арнхейм Р. Визуальное мышление // Феноменология и эксперимент : в 4 ч. Душанбе : Изд-во Таджик. ун-та, 1971. Ч. 1. С. 9–30.
18. Дистервег В.Ф.А. Руководство к образованию немецких учителей // Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. М. : Просвещение, 1981. С. 356–370.
19. Менчинская Н.А. Психология обучения арифметике. М. : Учпедгиз, 1955. 430 с.
20. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М. : Педагогика, 1972. 424 с.
21. Писарев Д.И. Сочинения : в 4 т. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1956. Т. 3. 570 с.
22. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М. : Педагогика, 1986. 240 с.
23. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
24. Сенько Ю.В. Образование всегда накануне себя // Педагогика. 2004. № 5. С. 22–29.
25. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М. : Наука, 1989. 400 с.
26. Гильберт Д. Основания геометрии. М. ; Л. : Гостехиздат, 1948. 492 с.
27. Галилей Г. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых наук // Избранные труды : в 2 т. М. : Наука, 1964. Т. 2. С. 109–403.
28. Лекторский В.А., Швырев В.С. Диалектика теории и практики // Вопросы философии. 1981. № 11. С. 12–25.
29. Пукшанский Б.Я. Обыденное сознание. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 153 с.

УДК 340.1

В.К.Самигуллин

О нормативном и ненормативном в праве и правовом регулировании

В статье отстаивается идея, согласно которой право нормативно, но в разной степени. Кроме того, по мысли автора, в праве присутствует момент ненормативности. Это свойство права в осуществлении правового регулирования проявляется таким образом, что в социуме получает развитие, с одной стороны, нормативное правовое регулирование, а с другой – индивидуальное правовое регулирование. В теоретическом и практическом отношении предлагается различать три типа индивидуального правового регулирования: конвенциональное, управленческое и судебное.

Ключевые слова и фразы: право, нормативность, степень нормативности, ненормативность, нормативное правовое регулирование, индивидуальное правовое регулирование, развитие.

Самигуллин Венир Калимуллович, заведующий кафедрой теории государства и права и международных отношений Юридического института Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), доктор юридических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: samigullin_v@vegu.ru

© Самигуллин В.К., 2017

V.K.Samigullin

On Normative and Non-Normative in Law and Legal Regulation

The article defends the idea that law is normative but to a varying degree. In addition, according to the author, there is a point of non-normativity in law. This property of law manifests itself in the implementation of legal regulation in such a way that on the one hand, there is normative legal regulation, and on the other hand, there is individual legal regulation in the society. Theoretically and practically, it is proposed to distinguish three types of individual legal regulation: conventional, managerial and judicial.

Key words and phrases: law, normativity, degree of normativity, non-normativity, normative legal regulation, individual legal regulation, development.

Когда речь заходит о праве, то всегда возникают ассоциации, связанные, прежде всего, с таким его свойством, как **нормативность**. Обратимся к С.С.Алексееву (1924–2013). Отмечая, что свойства права – это те качественные характеристики (возможности, «способности»), которые присущи позитивному праву как совокупности юридических норм и различая следующие свойства права, – как нормативность, формальная определенность, динамизм, принудительность, системность [1, с. 62–150; 2, с. 22–23; 3, с. 242–248; 4, с. 167–209]¹, он особое внимание уделял нормативности права. Сергей Сергеевич прямо писал: «В философской и юридической литературе на первое место среди таких свойств по большей части относят само по себе свойство *нормативности*, которое в позитивном праве приобретает качество *общеобязательной* нормативности. ...это свойство права раскрывает существенные особенности права. По своей сути нормативность в указанном значении представляет собой существование и действие права как социального образования, состоящего из нормативных принципов и предписаний, правил поведения общего характера, распространяющихся на всякого и каждого, на любой круг лиц в данном государстве, а также способность права в соответствии с предписаниями закона охватить по фиксированным признакам любой круг явлений и процессов» [5, с. 49]. Нормативность права находится в поле зрения С.А.Авакьяна, В.Д.Зорькина, И.А.Исаева, В.В.Лазарева, В.М.Лебедева, В.О.Лучина, Г.В.Мальцева (1935–2013), М.Н.Марченко, Н.И.Матузова, Ю.А.Тихомирова, А.Ф.Черданцева, В.Е.Чиркина, В.Ф.Яковлева, а также многих других знаковых фигур советской, российской и мировой теоретической и практической юриспруденции.

¹ На свойства и признаки права взгляды С.С.Алексеева изменялись, уточняясь по мере углубления его предмета с учетом развития социума и его регулятивных систем. Это проявилось особенно ярко в годы ускорения, перестройки и во время масштабных российских реформ, в структуре которых правовые реформы – содержательный элемент и важное направление. Это вполне понятно и объяснимо. Тема свойств права – особенно сложная проблема. Сложности на пути ее решения связаны с трудностями различения признаков права и его свойств, в определении их количества, в установлении особенностей проявления их. В теоретическом отношении и в практическом плане серьезнейшая проблема – умелое, тонкое, деликатное использование свойств права в целях обеспечения режима правозаконности и устойчивого правопорядка в условиях динамично развивающегося общества, взятого в страноведческом и мировом измерениях.

Да, право нормативно. Но нормативны и другие регулятивные образования: мораль, религия, технико-технологические стандарты. Тем не менее, по параметрам нормативности право выделяется из этих систем и «держится» особняком.

Это обусловлено тем, что право, являясь по своей первосути мерным явлением, вместе с тем представляет собой высокой степени реальную авторитетную регулятивно-охранительную систему, действенность которой гарантирована различными обеспечительными средствами. И благодаря этой своей стороне (качеству!), право противостоит уже много веков надежно и эффективно своим антиподам: субъективизму, волюнтаризму, словом, своеволию и произволу. Существует даже мнение о том, что в социуме сложилась специфическая реальность – «правовое концептуальное пространство»¹.

С нормативностью права связано и формирование взглядов, смысл которых в самом общем виде сводится к следующему: то, что не вписывается в мерность права, – это отклонение. Упертые сторонники этой точки зрения не входят в обсуждение вопроса о возможности социально-полезной противоправности как результата инновационной деятельности в социальной практике (так называемое социальное творчество). Для них в какую бы сторону от правовой мерности отклонение не было, оно всегда оценивается ими как социально вредная противоправность, правонарушение той или иной степени опасности, что влечет юридическую ответственность, сопряженную с наказанием.

Но всегда ли правильно размышлять, рассуждать и действовать лишь в приведенном ключе?

Да, право нормативно. Но вот что удивляет и поражает при углублении в предмет. Прежде всего выясняется, что нормативность права **разностепенна**. Так, принято различать абсолютные и относительные нормы права; абсолютные и относительные правоотношения. Разностепенность нормативности права достаточно ясно проявляет себя в неодинаковости норм права по юридической силе. Одно дело – нормы закона, другое дело – нормы подзаконного акта. Более того, даже в рамках одного правового акта (например, конституции) [6, с. 45–58] правовые нормы отличаются друг от друга по самым различным основаниям, в том числе по качеству нормативности. Возможность различать нормативность права появляется и в случае, если выделять уровни нормативного правового регулирования общественных отношений по субъектному признаку.

Следовательно, **право нормативно, но в степени**. Следовательно, есть смысл оперировать понятием «**степень нормативности права**». Значит, допустимы рассуждения в ключе **низкой, средней, высокой степени нормативности права**.

Кроме того, выясняется еще и следующее. Какова бы не была степень нормативности права (высокая ли, средняя ли, низкая ли), на самом деле право не развивается только исключительно в рамках нормативности. «...право не сводится к сплош-

¹ Г.А.Гаджиев предлагает рассматривать «конституционно-правовое концептуальное пространство» в качестве возможной основы нового направления в исследованиях конституционно-правовой онтологии. На его взгляд, методологическая ценность этого понятия обусловлена тем, что с его помощью в научный оборот вводится несвойственное для юриспруденции *пространственно-временное мышление*, которое может дать новые и неожиданные результаты. См.: Гаджиев Г.А. Официальное толкование Конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Правоведение. 2014. № 6. С. 135–136.

ной социальной нормативности», – справедливо пишет В.М.Розин [7, с. 31]. Оно допускает и **ненормативность** в смысле индивидуального подхода к решению правовых проблем в конкретной жизненной ситуации, учитывая специфику случая, особенности личностных характеристик участников «живого» правоотношения, необычное развитие событий, благоприятный или неблагоприятный «расклад звезд» и т. д.¹

Заметим, в историческом плане правовое регулирование вообще возникло как индивидуализированное регулирование общественных отношений, т. е. генетически индивидуальное правовое регулирование первично по отношению к нормативному правовому регулированию. И оно не столь примитивно, как полагают те, которые склонны, переоценивая одно и недооценивая другое, неимоверно возвышать нормативное начало в праве и необоснованно принижать ненормативное начало в нем.

Если применительно к праву главное достоинство нормативности в его всеохватной общеобязательности, то основное преимущество ненормативности в его индивидуализированности, предельной конкретности. Еще вопрос, что важнее и труднее – предложить эскизное, типовое, модельное, нормативное решение определенной правовой задачи или найти разумное (справедливое, правозаконное, мотивированное, обоснованное, целесообразное) решение такой же задачи, не упустив из виду ничего, что важно и что относится к соответствующему конкретному юридическому делу – столь конкретному, что дальше уже некуда.

Благодаря своей уникальной способности предельно конкретизировано разрешать актуализированные юридические дела, индивидуальное правовое регулирование, находя социальную и правовую нишу, сохраняет свое значение даже при правовых системах с чрезвычайно высокой степенью нормативности.

Если проблему нормативности и ненормативности перевести в регулятивно-охранительную плоскость, в плоскость действия права, то открывается принципиальная возможность вести речь о двух уровнях (видах) правового регулирования: **нормативно-правовом** и **индивидуально-правовом**.

Нормативный уровень правового регулирования – это фундаментальные идеи, принципы, общие правила, вездесущая троица велений «запрещено – предписано – дозволено», различные правовые конструкции. А индивидуальный уровень правового регулирования – это факты, акты, пакты, в фактической основе которых разнообразные случаи, ситуации, пробелы, коллизии, реальные лица, неожиданности и еще многое то, что законодатель уже предусмотрел в какой-то части, а в какой-то – нет.

Нормативность представлена уже на уровне индивидуального правового регулирования. Вместе с тем в позитивном праве контуры индивидуального правового регулирования начинают вырисовываться уже на уровне теоретических моделей правоотношения: и общерегулятивных, и абсолютных, и относительных. В «одушевленных» и «овеществленных» правоотношениях же индивидуальное правовое

¹ Андраш Тамаш, очень интересно рассуждая о соотношении правотворчества и применения права, о судебной практике, о судебском правосознании, отмечал, что «у нормативности есть момент – ненормативность, нераскрытое бытие нормы, самополагание в состоянии ее диалектического отрицания. ...нормативность есть отрицаемое отрицание, и она реальна в своем наличии и в динамике существования». См.: Андраш Тамаш. Судья и общество. Диалектика правосознания и правоприменения. М. : Юридическая литература, 1980. С. 46.

регулирование обретает как бы завершенный характер. Посредством его достигается ясность во всех сторонах «живого правоотношения» (субъекте, объекте, содержании и т. д.), что получает соответствующее оформление в вполне конкретном и определенном правовом акте. Например, в договоре [8; 9; 10; 11]. Индивидуальное правовое регулирование проявляет себя весьма выразительно при реализации права, особенно при правоприменении.

В теоретическом плане и в практическом отношении применительно к реализации права можно вести речь, по меньшей мере, о трех типах индивидуального правового регулирования: **конвенциональном, управленческом и судебном.**

Конвенциальный тип индивидуального правового регулирования генетически присущ международному праву¹.

Как известно, в сфере международного права нет закона в том специально-юридическом значении, что в правовой системе того или иного суверенного национального государства. Первоначально здесь большое значение придавалось обычаю. Сегодня на первом плане договоры и соглашения. С этой точки зрения показательны Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.; Федеральный закон от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации».

Вместе с тем конвенциальный тип индивидуального правового регулирования характерен и внутригосударственному праву: в странах англо-саксонской правовой системы в области общего права, а в странах романо-германской правовой системы – частного права.

С принятием нового Гражданского кодекса РФ в современной России популярна концепция свободного договора (статьи 420–453), по которой договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Стороны могут заключать договор как предусмотренный в законе, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Договоренности в контексте индивидуального правового регулирования получают все большее распространение в области семейных, трудовых и других отношений.

В современной российской правовой системе конвенциональный тип индивидуального правового регулирования получил некоторое развитие и в области публичного права.

Управленческий тип индивидуального правового регулирования выразительно проявляет себя, например, при административных производствах: по принятию нормативных актов в структурах законодательной и исполнительной власти; по обращениям граждан, поощрениям и награждениям, дисциплинарным делам; про-

¹ Заметим, принято различать международное публичное право (МПП) и международное частное право (МЧП). Верность этой идеи отдельные авторы ставят под сомнение. Так, Леон Дюги (1859–1928) писал: «Часто различают *публичное международное право* и *частное международное право*. В действительности этого различия не существует; то, что называют частным международным правом, есть настоящее публичное право, так как оно обнимает нормы, применяемые к конфликтам, возникающим между двумя государствами, поскольку их законодательная власть регулирует частные отношения или лиц, находящихся на их территории» (Дюги Леон. Конституционное право. Общая теория государства : монография. М. : ИНФРА-М, 2013. С. 44).

изводствах, связанных с решением вопросов гражданства, вытекающих из административных правонарушений; регистрационном, лицензионном, исполнительном производствах.

В Российской Федерации, по ее Конституции (статьи 10, 11, 118 и др.), судебная власть выделена в самостоятельную ветвь. И она осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Все эти виды судопроизводства теряют всякий смысл, если в процессе их осуществления не обеспечивается правосудие. Это столь важно для российских граждан, общества и государства, что в Конституции Российской Федерации отчетливо и ясно проведена идея, согласно которой правосудие в стране осуществляется только судом и для этого устанавливается такая судебная система, в которой никакие чрезвычайные суды не допускаются.

С точки зрения общей теории права все предусмотренные Конституцией судопроизводства – и конституционное, и гражданское, и административное, и уголовное – осуществляются в рамках теоретической модели применения права с той особенностью, что здесь главный субъект – суд (судья). Правоприменение, осуществляемое судом (судебное правоприменение), может быть *типичным* и *атипичным*.

Различие между типичным и атипичным судебным правоприменением заключается в следующем. Типичное судебное правоприменение предполагает, что юридическое дело решается в формально-логическом ключе; строго в соответствии с силлогизмом, в котором большая посылка юридическая норма, малая – обстоятельства дела, а умозаключение – решение юридического дела. Атипичное судебное правоприменение же несколько иное. Его можно наблюдать, например, в следующих случаях: а) конкретизации правовых норм; б) пробелах в праве; в) судебном усмотрении; г) коллизии правовых норм; д) действиях международно-правовых актов; е) производстве государственно-правового эксперимента.

О.П.Сауляк, указавший на приведенные выше виды атипичного судебного правоприменения (он относит их к разряду нетипичного правоприменения) [12, с. 35], пишет: «В ходе судебного правоприменения осуществляется индивидуальное правовое регулирование, благодаря чему устраняются препятствия и барьеры, на которые «натыкаются» субъекты права в процессе самостоятельной реализации юридических норм, в силу чего у участников социального взаимодействия возникают вполне определенные субъективные права и юридические обязанности. Судебная практика в этой связи выступает как детерминанта, поддерживающая регулятивный потенциал права в общественной жизни» [13, с. 173].

С этим, думается, вполне можно согласиться, но со следующей оговоркой. В большей степени **индивидуальное правовое регулирование** проявляет себя при атипичном судебном правоприменении. И в меньшей степени – при типичном судебном правоприменении. Кроме того, требует уточнения вопрос: что есть судебная практика? Возникает также проблема толкования индивидуальных правовых актов. При таком толковании права осуществляется индивидуальное правовое регулирование или нормативное правовое регулирование?

Хотя нормативное правовое регулирование и индивидуальное правовое регулирование это два достаточно ясно различаемых уровня (вида) правового регулирования, они не противостоят друг другу, а находятся в отношениях дополнительности, даже взаимодействия. Имеет место **включенность** одного в другое.

Так, на случаи включенности индивидуального правового регулирования в нормативный массив указывает Н.А.Власенко: «Норма права представляет собой общее, формально определенное, общеобязательное и охраняемое государством правило поведения. Это основа права. Между тем в последнее время возрастает число нормативных правовых актов, в которых, по сути, закрепляется специальный режим регулирования отдельных общественных отношений или статуса конкретных субъектов, что нарушает природу права в смысле «равного масштаба». Например, в Федеральном законе от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии “Росатом” индивидуализирован правовой статус корпорации. В законе установлены принципы организации, цели создания и деятельности, порядок управления, процедура реорганизации и ликвидации и др. Аналогичное можно сказать и о недавно принятом Госдумой законопроекте о реформе Российской академии наук. Эти примеры можно продолжить» [14, с. 32]. Правильно ли это или неправильно? Вопрос. Но «factum est factum».

Древние римляне говорили: *Judex est lex loquens*¹; *Judicis est jus dicere non dare*²; *Lex de future, judex de praeterito*³; *Judices non tenentur experimere causum sententiae suae*⁴. Считается, что российская правовая система привержена романо-германской правовой семье. Раз так, то вроде бы в процессе судебного правоприменения, осуществляемом в рамках российской правовой системы, нельзя не следовать приведенным положениям, выработанным римским правом. Между тем правоприменительная деятельность российских судов такова, что здесь активно практикуются разъяснения судебных решений. Конституционный Суд Российской Федерации вправе толковать Конституцию Российской Федерации. В результате в процессе судебного правоприменения вырабатываются порой положения, обозначаемые рядом ученых-юристов – правоположения⁵, которые обладают признаками нормативности.

Если принять во внимание это обстоятельство, то получается: в судебное правоприменение, которое особенное, ненормативно по своему содержанию и назначению, включается элемент нормативности. Нормативный характер приобретает ненормативное судебное решение и в ситуации, когда, с одной стороны, неопределенность в законе⁶, а с другой – в правосудии нельзя отказывать никому⁷. Когда неопределенность в законе, то права нет. Поскольку в правосудии нельзя отказывать никому, то судья, ссылаясь на неопределенность в законе, не может уклониться от рассмотрения юридического дела и принятия по нему решения по существу. Вместе с тем в ситуации неопределенности в законе он (судья) оказывается в затруднительном положении в выборе нормы права, которую необходимо применить. В такой необычной ситуации казуальное судебное решение может тоже обрести свойство нормативности. Не случайно в последнее время в отечественной юридической ли-

¹ Судья есть говорящий закон.

² Обязанность судьи отправлять правосудие, а не издавать законы.

³ Закон действует на будущее, судья рассматривает прошлое.

⁴ Судья не должен давать объяснения своих решений.

⁵ В научном обороте встречаются и другие близкие к этому термину понятия: правовая позиция, интерпретационные нормы и др.

⁶ *Ubi jus incertum, ibi nullum* – когда закон неопределен, закона нет.

⁷ *Justitia nemine negande est* – в правосудии нельзя отказывать никому.

тературе все настойчивее отстаивается идея о том, что судебная практика является источником права, что суды, решая конкретные юридические дела, могут выполнять еще и правотворческие функции [15; 16; 17, с. 187–215; 18; 19; 13, с. 172–194; 20, с. 143–153]¹.

Таким образом, право нормативно, но в степени. И оно, сохраняя в своей первооснове нормативность, допускает еще и ненормативность. При «переводе» проблемы нормативности и ненормативности в плоскость правового регулирования возникает возможность различать два уровня (вида) правового регулирования: нормативное правовое регулирование и индивидуальное правовое регулирование, которые находятся в отношениях взаимной дополнительности.

Здесь хотелось бы обратить внимание еще вот на что. Если вопрос об индивидуальном правовом регулировании ставить и рассматривать не только в пределах формализованной концепции «реализации позитивного права», а еще и в рамках доктрины «осуществления естественного права», то проблема приобретает значительную трудность и еще большее социальное значение, становясь чрезвычайно острой по своему социальному и специально-юридическому накалу. Правильна ли постановка вопроса о возможности развития правонарушающего законодательства? Могут ли суды отказываться применять действующие законы, которые неразумны и несовместимы со справедливостью? Можно ли чрезмерному принуждению, основанному на неразумных и несправедливых законах, противопоставлять контрпринуждение? Возможно ли справедливое беззаконие в противовес несправедливой законности?² Изменяющийся мир ставит и многие другие непростые вопросы перед юридической наукой и ее метатеорией.

Некоторые авторы склоняются к мысли о гибели права. Действительно, как свидетельствует история, в переломное время, в эпоху революций, государственных переворотов, в периоды радикальных реформ одна правовая система может быть разрушена до основания или модернизирована столь существенно, что теряет свое прежнее лицо. Но вскоре появляется новая правовая система, которая, отказываясь от прежних ценностей, утверждает другие ценности. Причем, насколько эти новые ценности лучше или хуже по сравнению с прежними ценностями обнаруживается не сразу, а лишь со временем.

Представляется, что мысль о гибели права – это плод фантазии человека, сильно напуганного и растерявшегося. Гибель права как такового в условиях жизнеспособного и развивающегося общества, взятого в мировом и национальном измерении, в принципе невозможна.

Право может погибнуть разве что с гибелью всего человечества. Представляется, что пока существует и развивается человечество, то будет существовать и раз-

¹ В этом отношении любопытны рассуждения, особенно итоговый вывод по ним, А.В.Гоцуленко, который убежден, что «фактически поддерживаемая государством судебная практика в советский период являлась источником права, хотя формально это не признавалось». См.: Гоцуленко А.В. К вопросу о роли судебной практики в изучении уголовного права в 1930-е годы // Источниковедение истории советского государства и права: методология и методика изучения : материалы круглого стола / отв. ред. д. ю. н. С.В. Кодан. Екатеринбург : УрГЮУ, 2015. С. 84.

² Об этом см., например: Народ, мечтавший о переменах, обманули. Какие уроки актуальны, если вспомнить «жаркое лето» 1991 года // Литературная газета. 2016. 20–26 июля. С. 4.

виваться и право. Следовательно, проблема нормативности и ненормативности в праве и правовом регулировании будет актуальна всегда. Более того, велика вероятность того, что с каждым существенным движением социума вперед, она будет открываться перед человеком и обществом, гражданином и государством (публичной властью вообще) все новыми гранями и сторонами, не исключено неожиданными и даже парадоксальными, но все же разрешимыми и преодолимыми в рамках общей идеи права.

«...идея права в прошлом внесла неоценимый вклад в человеческую культуру. Политическая нестабильность современного мира со всей очевидностью свидетельствует о том, что выживание цивилизации во многом будет зависеть от ее способности адекватно отвечать на вызов все новых возрастающих требований, предъявляемых к этой основополагающей концепции. Только одна эта причина, не говоря уже о других, ставит на повестку дня необходимость более творческого подхода к идее права, чем когда-либо в прошлом», – справедливо пишет Деннис Ллойд [21, с. 389]. Но это уже область метаправа, философии права.

Список использованных источников

1. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юридическая литература, 1971. 224 с.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
3. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 772 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 576 с.
5. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : НОРМА, 2001. 752 с.
6. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 687 с.
7. Розин В.М. Генезис права. М. : NOTA BENE, 2001. 208 с.
8. Корецкий А.Д. Договорное право. Основы теории и практики реализации. М. : ИКЦ «МарТ» ; Ростов н/Д : Изд-ий центр «МарТ», 2004. 528 с.
9. Лукашук И.И. Форма международных договоров : учебно-практическое пособие. М. : Спарк, 2001. 111 с.
10. Муранов А.И. Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений. М. : Статут, 2003. 192 с.
11. Некоторые вопросы договорного права России и зарубежных стран. М. : МЗ-Пресс, 2003. 214 с.
12. Сауляк О.П. Реализация требований законности в условиях нетипичного правоприменения // Следователь. 2000. № 3. С 34–48.
13. Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. М. : Юрлитинформ, 2009. 224 с.
14. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография. М. : ИЗтСП : ИНФРА-М, 2015. 257 с.
15. Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М. : Международные отношения, 2004. 344 с.
16. Желдыбина Т.А. Законотворчество и судебная практика в России : монография / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. 216 с.

17. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. 384 с.
18. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 512 с.
19. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / под ред. В.В. Ершова. М. : Юрист, 2006. 493 с.
20. Смирнов Л.В. Правотворчество судов Российской Федерации: сущность, виды, проблемы // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики : сборник статей / ред. В.М. Сырых. М., 2007. С. 143–153.
21. Ллойд Д. Идея права. М. : ЮГОНА, 2002. 416 с.

УДК 347.4

А.Н.Скалина

Правовые основы оказания образовательных услуг

В статье раскрывается понятие «образовательные услуги», перечисляются их свойства, выделяются общие критерии, по которым можно отграничить правоотношения возмездного оказания образовательных услуг, подпадающие под действие Закона «О защите прав потребителей», от правоотношений, не подпадающих в сферу регулирования Закона «Об образовании в РФ».

Ключевые слова и фразы: образовательные услуги, свойства образовательных услуг.

A.N.Skalina

Legal Basis for Rendering Educational Services

The article deals with the concept of “educational services”, enumerates their properties, identifies the general criteria by which it is possible to delimit the legal relationship of paid rendering educational services under the Law “On Protection of Consumer Rights” from legal relations that do not fall within the scope of the Law “On Education in the Russian Federation”.

Key words and phrases: educational services, properties of educational services.

Образовательные услуги – это элемент образовательной деятельности, имеющий особые цели и субъективный состав. Целями образовательных услуг являются передача знаний, умений, формирование профессиональных навыков и освоение их обучающимися. Субъектами образовательных услуг являются образовательные организации в лице преподавательского состава и обучающиеся, желающие получить образование того или иного уровня.

Скалина Алла Николаевна, старший преподаватель кафедры права и обществознания Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы, кандидат политических наук, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: skalina.alla@mail.ru

© Скалина А.Н., 2017

Ученые выделяют ряд существенных характеристик (свойств) образовательных услуг, исходя из их социальной сущности:

1) изменчивость качества образовательной услуги. Она связана с тем, что на процесс оказания и получения услуги воздействует множество разных факторов, и в первую очередь профессионализм услугодателя. Кроме того, качество услуги может быть обусловлено и уровнем образовательных программ, организацией образовательного процесса, наличием необходимых материальных средств и др.;

2) несохраняемость образовательной услуги, которая обусловлена как ее нематериальной формой, так и постоянно меняющимися условиями жизнедеятельности. Знания довольно быстро теряют свою актуальность, требуют постоянного развития и совершенствования;

3) оказание образовательной услуги представляет собой непрерывный, продолжительный процесс, который растягивается во времени от нескольких часов до нескольких лет;

4) адресность образовательной услуги обусловлена тем, что разного рода образовательные услуги обращены к разному кругу лиц, отличающихся возрастными, профессиональными и иными характеристиками [1, с. 15].

Образовательная услуга обладает также свойством неразрывности производства и потребления, так как оказание услуги и ее потребление являются одновременными процессами. Образовательные услуги не имеют материального результата, даже когда получение образования определенного уровня подтверждается выдачей документа (сертификата, свидетельства, диплома соответствующего образца). То, что в итоге получает лицо, завершившее обучение (выпускник), можно отнести к категории «нематериальные ценности», которые неотделимы от личности их носителя.

Тезис о регламентации правоотношений возмездного оказания образовательных услуг нормами Закона «О защите прав потребителей» в настоящее время общепризнан [2].

В соответствии со ст. 783 ГК РФ общие положения о подряде (ст. 702–729) и положения о бытовом подряде (ст. 730–739) применяются к договору возмездного оказания услуг, если это не противоречит ст. 779–782 ГК РФ, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг.

Пункт 3 ст. 730 ГК РФ предусматривает, что к отношениям по договору бытового подряда, не урегулированным ГК РФ, применяются законы о защите прав потребителей и иные правовые акты, принятые в соответствии с ними. Поэтому правомерным является вывод о том, что договор об оказании платных образовательных услуг – это возмездный договор, в силу которого образовательная организация оказывает услугу гражданину-потребителю (обучающемуся), и на рассматриваемые отношения распространяется действие Закона «О защите прав потребителей».

Определение «образовательные услуги» формулируется через термин «услуги», содержание которого не раскрывается в данном законопроекте, т. е. определение «закольцовано». Формулируя понятие образовательной услуги, законодатель вынужден был «изобретать» определение, так как в настоящее время отсутствует надлежаще проработанная и официально установленная дефиниция общего (базового) понятия услуги. В частности, ст. 779 ГК РФ, призванная регламентировать договор возмездного оказания услуг, не содержит определения, а лишь уточняет, что услуга оказывается путем совершения определенных действий или осуществления определенной деятельно-

сти. Пункт 5 ст. 38 Налогового кодекса РФ признает услугой для целей налогообложения деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности [3].

Причиной такого состояния законодательной базы является отсутствие теоретически обоснованного понятия «услуги» как правовой категории и ее разновидности «образовательной услуги». Хотя следует признать, что в последние годы предприняты попытки усовершенствовать действующие законодательные нормы в сфере возмездных услуг. Так, С.С.Алексеев исходит из того, что услугой является не сама по себе деятельность, а ее определенный результат, который неотделим от деятельности [4, с. 96]. Уважая мнение известного ученого-юриста, все же осмелимся заметить, что услуга и ее результат – две самостоятельные правовые категории, хотя и тесно взаимосвязанные. Поэтому понимать под услугой только ее результат, по сути, означает отрицание деятельности, посредством которой создается результат.

Прямо противоположную точку зрения высказала Г.Д.Отнюкова, предлагающая под услугами понимать «полезные действия предпринимателя (услугодателя, исполнителя), удовлетворяющие потребности кредиторов (заказчиков, клиентов) как таковые, не создающие овеществленного результата, который оставался бы в распоряжении клиента и обладал бы качествами самостоятельного объекта гражданских прав (оборотоспособностью)» [5, с.185]. Если следовать ее рассуждениям, то получается, что услуга представляет собой деятельность, обладающую свойством удовлетворять потребности кредиторов (заказчиков, клиентов) без какого-либо материального результата. Г.Д.Отнюкова усматривает квалифицирующий признак услуги в ее свойстве удовлетворять потребности, но возникает вопрос: какие потребности (материальные или нематериальные) кредиторов (заказчиков, клиентов) удовлетворяются? К сожалению, из ее определения ответ на поставленный вопрос дать нельзя.

Аналогичного мнения придерживается Ю.Х.Калмыков, который понимает под услугой деятельность, направленную на создание удобств или предоставление льгот контрагенту по обязательственному правоотношению [6, с.152].

Многие авторы все же исходят из того, что услуга – это деятельность, направленная на достижение нематериального результата. Скажем, М.В.Гулей отстаивает точку зрения о том, что посредством услуги как деятельности достигается нематериальный результат – нематериальное благо [7, с. 47]. Е.А.Пучков придерживается мнения, что услуга и желаемый от нее результат – цель – взаимозависимые категории, реализующиеся в деятельности, направленной на удовлетворение потребности получения (оказания желаемого и согласованного результата, который может быть как материальным, так и нематериальным – духовным, культурным, образовательным и т. п.) [8, с. 48]. Эту точку зрения развил А.В.Кудряшов, полагающий, что понятие услуги объединяет три самостоятельные правовые категории, а именно: деятельность, предшествующая оказанию услуги; деятельность, посредством которой оказывается услуга – собственно услуга; нематериальный результат услуги.

По мнению А.В.Кудряшова, каждой из перечисленных правовых категорий соответствует отдельный этап правоотношения, имеющий правовую завершенность. В частности, деятельность, предшествующая оказанию услуг, предполагает совокупность действий, без которых невозможно оказать услугу, скажем, сформир-

ровать материально-техническую базу и приобрести оборудование, материалы, получить лицензию и т. п. [9, с. 69]. Применительно к образовательным услугам эта точка зрения полностью соответствует образовательному процессу – каждый последующий уровень образования возможен лишь после приобретения знаний и навыков предшествующего.

А.В.Кудряшов отмечал, что образовательные услуги имеют, как правило, двуетединую цель: передачу знаний, умений, навыков и получение их обучающимся в виде неимущественного результата, подтвержденного дипломом, аттестатом, свидетельством, сертификатом и т. п. Первая составляющая цели оказания образовательных услуг достигается путем осуществления исполнителем деятельности, направленной на передачу обучающемуся знаний, навыков и умения по определенной специальности или профессии. Вторая составляющая оказывает влияние на способ оказания услуги: процесс обучения строится не только путем передачи знаний и обучение навыкам работы (в том числе прохождением практики, стажировки и т. п.), но и включает интеллектуальную работу обучающегося, в том числе подготовку и сдачу соответствующих тестов, коллоквиумов, зачетов, экзаменов и других форм контроля уровня знаний. Таким образом, образовательная услуга оказывается посредством осуществления двух видов деятельности – передачи знаний, умений, навыков обучающегося и их восприятие обучающимся.

Образовательную деятельность может осуществлять только субъект, обладающий соответствующими профессиональными знаниями, умениями, навыками, которые соответствуют федеральным государственным образовательным стандартам и подтверждены документом установленной формы, подтверждающим достижение лицом установленных государством уровней образования (образовательных цензов) и (или) квалификации.

В качестве варианта определения, который может быть принят законодателем во внимание, предлагается следующий: «Образовательные услуги – профессиональная деятельность управомоченного лица, направленная на передачу обучающимся образовательных программ или программ отдельных учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей), и предполагающая интеллектуальную деятельность обучающихся, направленную на освоение знаний, умений, навыков, подтвержденных соответствующим образовательным цензом, дающим право на продолжение образования на следующем уровне и/или занятие профессиональной деятельностью».

Выделяются общие критерии, по которым можно отграничить правоотношения возмездного оказания образовательных услуг, подпадающие под действие Закона «О защите прав потребителей», от правоотношений, не подпадающих в сферу регулирования Закона «Об образовании в РФ»:

1) возмездность оказания образовательных услуг. Согласно преамбуле Закона «О защите прав потребителей», под исполнителями в законе понимаются лица, «выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору»;

2) субъектный состав. На стороне заказчика должно выступать физическое, а не юридическое лицо, так как в Законе «О защите прав потребителей» под потребителем понимается исключительно гражданин, а не какой-либо иной субъект права. На стороне же исполнителя, согласно преамбуле закона, должны выступать юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель;

3) цель потребителя – заказчика услуг. Образовательные услуги должны быть заказаны «исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». Применение этого критерия может вызвать на практике наибольшие сложности [10, с. 63].

При получении лицом общего образования сомнений в направленности этих действий на удовлетворение личных потребностей заказчика не возникает. При освоении же лицом профессиональных образовательных программ в рамках получения среднего профессионального и высшего образования цели заказчика могут быть самыми различными. Например, для осуществления частной детективной деятельности гражданин должен либо иметь юридическое образование, либо пройти «специальную подготовку для работы в качестве частного сыщика» в соответствии со ст. 6 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [11]. А обязательным требованием к руководителю охрannого предприятия является наличие у него высшего образования в соответствии со ст. 12 указанного закона. Прохождение гражданином специальной подготовки, видимо, нельзя рассматривать как получение образовательных услуг для личных, бытовых целей. Поэтому при получении профессионального образования гражданин далеко не всегда вправе рассчитывать на то, что его отношения с образовательной организацией (исполнителем) подпадут под действие Закона «О защите прав потребителей».

Закон «О защите прав потребителей» не распространяется на правоотношения, в которых заказчиком выступает работодатель, оплачивающий повышение квалификации своих работников. Ведь работодатель в этом случае не является потребителем, т. е. «гражданином, имеющим намерение заказать или приобрести либо заказывающим, приобретающим или использующим товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Между тем гражданин, использующий услуги исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, признается потребителем вне какой-либо связи с фактом их оплаты. С практических позиций это позволяет студенту, обучающемуся даже за счет средств частного заказчика, выступать в качестве стороны по делу о ненадлежащем качестве оказанной учебным заведением образовательной услуги. Аналогичным образом будет вправе поступить выпускник образовательной организации, обучавшийся за счет соответствующего бюджета. Поэтому представляется возможным применение положений Закона «О защите прав потребителей» в защиту прав конкретного работника – потребителя образовательной услуги, который, в отличие от своего работодателя (заказавшего обучение сотрудника), имеет намерение приобрести и использовать полученные знания исключительно для личных целей, не связанных с осуществлением им самим предпринимательской деятельности.

Список использованных источников

1. Потапенко В.С. Образовательная деятельность и образовательные услуги: соотношение понятий // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 15–21.
2. О защите прав потребителей : федеральный закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон РФ от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ / принят Гос. Думой Федерального Собрания РФ 16.06.1998 г.; одобрен Советом Федерации Федерального Собрания РФ 17.07.1998 г (ред. от 29.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
4. Алексеев С.С. Вопросы общей теории советского права. М. : Наука, 1960. 380 с.
5. Российское предпринимательское право : учебник / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. М. : Норма, 2014. 349 с.
6. Калмыков Ю.Х. К понятию обязательства по оказанию услуг в гражданском праве. М. : Норма, 2014. 310 с.
7. Гулей М.В. Гражданско-правовая природа жилищно-коммунальных услуг // Право и политика. 2010. № 8. С. 47–52.
8. Пучков Е. А. Правовое регулирование договора возмездного оказания услуг : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 78 с.
9. Кудряшов А.В. Гражданско-правовые отношения в сфере образовательных услуг : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 69 с.
10. Гуляева И.Н. Защита прав потребителей в вопросах и ответах: типовые ситуации и примеры. М. : Инфра, 2013. 210 с.
11. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (в ред. 13 июля 2015 г. № 230-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 17. Ст. 888.

УДК 378

Р.Ш.Царева, Н.Ю.Барина, С.А.Царев

Деонтологические аспекты дидактических игровых стратегий в педагогическом образовании

В статье рассматриваются функции профессиональной деонтологии в сфере подготовки учителей и игровые педагогические стратегии ориентирования, включения, обогащения. Анализируются их ключевые аспекты: профессиональные ценности и этические ориентиры дидактической игровой деятельности; нормы коммуникаций внутри группы игроков; осваиваемые студентами роли-позиции учителя-информатора, исследователя, конструктивного критика, организатора; деонтологические нормы как осмысленное знание.

Ключевые слова и фразы: профессиональная подготовка, долг образования, деонтологические нормы, игровая стратегия, роль-позиция.

Царева Рима Шугаевна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак; конт. инф.: risutsa@gmail.com

Барина Наталья Юрьевна, начальник Центра общественного доступа к образовательной среде (ЦОД) «Стерлитамак» Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), кандидат педагогических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак; конт. инф.: sterl_vegu@mail.ru

Царев Сергей Александрович, доцент кафедры психолого-педагогического образования Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак; конт. инф.: seysar@gmail.com

© Царева Р.Ш., Барина Н.Ю., Царев С.А., 2017

R.Sh.Tsareva, N.Yu.Barinova, S.A.Tsarev

Deontological Aspects of Didactic Play Strategies in Pedagogical Education

The article deals with the functions of professional deontology in the field of teachers' training and play pedagogical strategies of orientation, inclusion, enrichment. It analyzes their key aspects: professional values and ethical guidelines for didactic play activities; the norms of communications within a group of players; the roles and positions of a teacher and informant, researcher, constructive critic, organizer mastered by students; deontological norms as meaningful knowledge.

Key words and phrases: professional training, education debt, deontological norms, play strategy, role and position.

Современные исследования показали, что игровые стратегии оптимизируют образовательный процесс и отличаются от традиционных педагогических стратегий максимальной мобилизацией скрытых внутренних возможностей и резервов личности обучающихся. Стратегия понимается учеными как долгосрочная программа основных действий, направленная на достижение четко определенных целей и соответствующих шагов по ее реализации. Педагогическая игровая стратегия может рассматриваться как искусство организации и управления преподавателем серией действий и операций, планирование и ведение педагогически ориентированной коммуникативной деятельности, и одновременно как линия поведения педагога в позиции участника игры в зависимости от предположений об ответных действиях обучающихся. В «глубину» таких стратегий входят хорошо изученные в науке педагогические стратегии проблематизации, рефлексии, ускорения, индивидуализации, ориентирования, включения, обогащения [1, с. 57–63]. Посредством педагогических игровых стратегий разворачиваются процессы становления, развития и воспитания личности будущего учителя [2, с. 312].

Однако деонтологические аспекты профессиональной подготовки будущих учителей к игровым методам обучения и воспитания, ведению переговоров, стабилизации конфликтов, конструктивной критике в игровых ситуациях практически не разработаны. Цель нашего исследования определяется необходимостью изучения деонтологических аспектов игровых стратегий в педагогическом вузе в рамках применения теоретического и опытно-экспериментального методов исследования.

Обратимся к ключевому аспекту деонтологической составляющей проблем игрофикации образования, к *ценностям и ориентирам*. «Деонтология» – от греческого «учение о должном». Основы деонтологии были заложены давно и наиболее полно разработаны в медицине. Педагогическая деонтология занимается изучением нормализованных и неформализованных норм поведения педагога [3, с. 89]. Опыт российских вузов показал особую остроту возникающих этических вопросов в процессе организации игр разного типа. Функции профессиональной деонтологии в сфере подготовки учителей-предметников определяются коллизиями самой педагогической деятельности и духовными ориентирами современного российского общества.

Ключевая парадигма долга в идеологии современного российского социума принципиально отличается от парадигмы долга в тоталитарных обществах: она ориентируется на ценности демократизма, плюрализма, ценности социального единения, уважения к альтернативному мышлению. Деонтология обязывает педагога со-

блюдают приоритет гуманистических ценностей. Долг образования – дать возможность всем обучающимся без исключения проявлять весь свой творческий потенциал, обеспечить каждому возможность понять другого, понять мир в его движении, как можно ранее приобщить к науке и ее использованию – при соблюдении уважения к человеческой личности.

Деонтологические нормы интерактивных и игровых форм профессиональной подготовки педагога включают в свои ориентиры и такие принципы образования: научиться жить и работать вместе, научиться приобретать, актуализировать и использовать знания для общего блага. Специфика учебных игр разного типа заключена в созидании обучающимися специально сконструированных и сознательно принятых правил для всех участников, а преодолеваются и уточняются эти правила посредством внутреннего диалога, самоограничения и самоопределения. Варианты выбора, заложенные в игровой свободе, несут в себе нравственный смысл – если за самим фактом наличия альтернативных ситуаций стоит диалог этических позиций, ценностей, идеалов, норм. «Моральный выбор как свободная игра с нормами и правилами, добровольно принятыми и столь же добровольно преодолеваемыми в процессе морального творчества вплоть до создания новых норм и правил, переживание и обогащение чувства свободного выбора в борьбе с правилами или в процессе создания новых правил – таковы общие моменты в «тайне» игры и морали» [4, с. 57].

Целью деонтологической «составляющей» учебной компьютерной игры должно стать развитие культуры морального выбора при решении любой проблемы. Этический компонент такой игры стимулирует попытку в моделируемых обстоятельствах проявить скрытые конфликты, определить готовность обучающегося к их разрешению и «передаче» прецедентов справедливых решений. Важным моментом может стать сюжетность учебной компьютерной игры, которая увеличивает интерактивность, эмоциональную и интеллектуальную вовлеченность в события игрового мира. Когда история интересная, захватывающая, персонажи обладают яркими характерами, игрок может чувствовать нравственное переживание в отношении выборов, совершаемых в игровом мире. Ключевая особенность подобного отношения заключается в том, что игрок волен совершать любые (или почти любые) действия с персонажами и не будет подвергаться общественному порицанию, на него не будут налагаться реальные штрафы или другого рода наказания. Во многих играх даже убийство ключевых (важных для развития сюжета) персонажей не лишает игрока возможности полностью пройти игру. Однако в таких условиях, казалось бы, полной ненаказуемости, многие (если не большинство игроков) склонны все же следовать определенным нравственным установкам.

Молодые исследователи [5] указывают на то, что в некоторых ситуациях игроки испытывают реальные переживания за поступки своих персонажей и, таким образом, причиной их выбора в ту или иную сторону становятся их собственные воззрения на нравственность. Специфика деонтологической нормы в данном случае заключается в том, что она задается авторами игры. Их роль заключается в создании особых условий в игровом пространстве, которые, в конечном итоге, воспринимаются игроками как определенная этическая система. Актуализируется тенденция, имеющая место в современных компьютерных играх, которая направлена на то, чтобы стимулировать игроков к совершению нравственных поступков, к выбору

в сторону добра. Таким образом, разработчики лишний раз подчеркивают желательность подобного стиля [5, с. 859].

С развитием индустрии производства компьютерных игр в них все чаще используются сюжеты, в той или иной степени этически нагруженные. Подобные игры пользуются спросом, и, соответственно, они интересны игрокам. «По злободневности и остроте поднимаемых вопросов компьютерные игры уже приблизились к кинематографу, однако за счет интерактивности они потенциально имеют подчас большее воздействие на игрока, чем кино – на зрителя... Компьютерные игры являются хорошим пространством для моделирования той или иной этической системы с целью выяснения поведенческих ориентаций игроков. Основным резерв совершенствования учебных игр, в том числе компьютерных, содержится в самом этико-прикладном знании, реализующемся в диалоге участников» [5, с. 861].

Второй деонтологический аспект игровых стратегий в педагогическом вузе – *нормы коммуникаций внутри группы*, которые могут определяться глубинными факторами – понятиями, установками, национальными обычаями, передающимися из поколения в поколение. Имеют значение семейное воспитание, этнические корни, национальные ценности. В российской культуре традиционно сосуществовали ценности Востока и Запада, «коллективисты» и «индивидуалисты». Причем первые преобладали. Сегодня западные индивидуалистические ориентиры в молодежной среде все более актуализируются и неизбежно сталкиваются с традиционными установками. Индивидуалисту, попавшему в студенческую группу с коллективистскими установками и понятиями, *следует*, с позиций деонтологии, избегать жесткой конфронтации; поддерживать и развивать долговременные взаимоотношения, не ожидая быстрого сближения; скромнее подавать себя; интересоваться положением студентов в групповой иерархии; обозначать собственный статус (усиление «индивидуализма» в такой среде сопровождается изоляцией и депрессивным состоянием).

Коллективисту (например, докладчику или критику, ведущему себя «конформистски») в студенческой группе, ориентированной на индивидуалистские ценности, *следует*: свободней критиковать и охотнее критику воспринимать; переходить прямо к делу; эффективно демонстрировать свои умения и достижения; придавать больше значения личным качествам собеседника, нежели его положению в групповой иерархии.

Личностное и профессиональное развитие личности студента через механизм идентификации-обособления – сложный, противоречивый процесс, и его следует педагогически грамотно организовывать. Идентификация и обособление студента во взаимодействии с другими студентами развиваются как переживания личности в рамках социальных ожиданий общества или подчас вопреки этим ожиданиям. Система ступенчатых ситуаций игрового общения в аудитории – это совокупность взаимосвязанных обстоятельств, специально задаваемых преподавателем с целью развития студента как личности и его формирования как активного субъекта профессионально-педагогической деятельности. Эта система включает длительное или кратковременное взаимодействие педагога с обучаемым (группой) на основе несовпадающих, иногда противоположных представлений о долге, нормах, ценностях и интересах, сопровождающееся значительными эмоциональными проявлениями и направленное на перестройку и, наконец, постепенную этическую гармонизацию сложившихся взаимоотношений и конструирование результатов деятельности.

В образовательном процессе педагогического вуза нами выделена система таких игровых учебных ситуаций – в качестве иерархии видов учебно-исследовательской деятельности (в том числе в режиме онлайн): *вовлечение* в игровое взаимодействие под руководством педагога; *логико-смысловое моделирование информации* участниками в целях взаимопонимания; нахождение содержательных *компромиссов* в конфликтах и динамичного решения учебно-познавательной проблемы; коллективная *рефлексия* затруднений, *критика* и ее приятие; этическое *нормирование* коммуникаций и совместной деятельности. Существенным воспитательным результатом продуктивного игрового общения выступает становление готовности студентов к конструктивному взаимодействию и самоуправлению на принципах периодической смены позиций инициатора, понимающего, критика, лидера-организатора; отказа от деления группы на активную и пассивную часть.

Третий, весьма важный аспект деонтологического нормирования игровых стратегий касается поэтапно осознаваемых студентом *норм поведения будущего педагога в разных ролях-позициях*. Наша педагогическая модель, прошедшая опытно-экспериментальную проверку в вузах г. Стерлитамака, основана на организации развивающего учебного взаимодействия студентов и преподавателя. Игровое взаимодействие обучающихся и педагога здесь отличается от традиционно функционирующего учебного взаимодействия. Деонтологическое нормирование студентами игровых стратегий имеет место тогда, когда само *игровое учебное взаимодействие в группе становится развивающимся, приобретает новые интегрированные свойства*, которых у него не было раньше, и эффективнее, чем прежде, выполняет свои функции по профессиональному становлению каждого студента; когда группа вместе с преподавателем *лучше взаимодействует и определяет позиции-роли* каждого участника и *нормы их поведения*, включая преподавателя. Готовность к такому взаимодействию, например, в организационно-деятельностной игре включает четыре компонента, четыре комплекса умений и опыта. Это знания, умения и опыт проживания в сменяющихся и все более усложняющихся ролях-позициях: Докладчика – инициатора сообщения, Понимающего, Конструктивного Критика, Организатора взаимодействия (в терминах О.С.Анисимова), – в качестве *универсальных принципов человеческого мышления и поведения в процессах развивающегося взаимодействия* [6, с. 97].

Основной процесс, происходящий в развивающих и развивающихся ситуациях игрового взаимодействия студентов такой: должны «функционировать» организатор взаимодействия, инициатор коммуникации (докладчик, информатор), соглашатель (понимающий) и критик, выдвигающий альтернативную точку зрения, которая должна усиливать мысль автора сообщения. Именно он вынуждает обнаружить затруднение и вести к «стабилизирующему» конфликту. Если нет установки на усиление авторской точки зрения, то взаимодействие разрушается. Конструктивный критик обязан сохранять версию докладчика, даже если порождает новую, противостоящую идею (также и в нашем мышлении, не уничтожая прежнюю линию, мы ищем альтернативы и уточняем мысль). Организатор взаимодействия осуществляет воздействие не только на мыслительное содержание, но и на поведение участников коммуникации. Он реализует переход от ценности информации к ценности способов деятельности в коммуникации и далее – к ценности способов самоорганизации во взаимодействии с товарищами: от рефлексии – к деонтологическому нор-

мированию, критериальному мышлению, терминологической непротиворечивости. В соответствии с этой педагогической моделью, на первом этапе преподавателем реализуется *игровая стратегия ориентации и самоориентации*, в результате которых проявляются индивидуальные способы адаптации студента, степени вовлеченности в познавательные и коммуникативные процессы в ролях-позициях Докладчика и Понимающего, формирование деонтологических норм в отношениях.

Для *студента-Докладчика* важно, чтобы его поняли, услышали, «прочувствовали», и потому он обязан использовать визуальные, аудиальные и даже кинестетические средства, используя вербальные и невербальные способы изложения содержания. Самое сложное в его позиции-роли – стратегия реагирования на вопросы и критику. И поскольку интеллектуальное взаимодействие в ходе учебных игр – это социально-организованный и даже имитирующий «производство» процесс, то критерием оценки (самооценки) выступает не столько внутренняя его потребностная сфера, сколько *норма деятельности и профессиональное поведение*, план, программа, решаемые задачи. Вот почему Докладчик самоопределяется в игре через понимание деонтологических норм.

Понимающий – вторая ролевая позиция в иерархии участия в игровой интеллектуальной деятельности, обозначающая тех, кто постигает, осмысляет содержание, смысл, значение сообщения Докладчика, так или иначе толкующий его слушатель. По сути, Понимающий (задающий вопросы) – одновременно помощник Докладчика в построении сообщения. Один из секретов модели взаимодействия в подобной игровой деятельности – «сохранение каждой версии в полемике благодаря организованности» [6, с. 81]. Если преподаватель заинтересован в знаниях, которые по-настоящему функциональны, он сталкивается в ходе таких диалогов в логике систематического уточнения с проблемой: неуверенностью студента, с его неспособностью контролировать свое поведение или его смятением. Преподаватель как участник игры и как истинно Понимающий следит не только за продвижением мысли, но и чувств собеседника. Студент в роли Понимающего выполняет очень важные игротехнические функции. Он смотрит на содержание текста Докладчика в ходе его восприятия с направленностью на его уточнение и реконструкцию – с точки зрения Докладчика.

Игровая стратегия *включения и самовключения* ориентирована преподавателем на развитие индивидуальной когнитивной сферы личности, социального интеллекта, критического мышления и креативности студента. *Конструктивный критик* – это выражающий Докладчику игрок-исследователь, предлагающий нечто плодотворное, нечто такое, что можно положить в основу, усиливающую общую авторскую конструкцию текста докладчика. Разрушая видимое равновесие существующих структур Докладчик – Понимающие, Конструктивный критик обеспечивает *начало «рабочего» конфликта, несущего в себе мощный позитивный заряд*. Он способствует более совершенному взаимодействию, развивающему и учебному, и расширяет поисковое напряжение. Опираясь на результаты деятельности Понимающих, он вырабатывает новую, альтернативную точку зрения, более оформленную в логическом и терминологическом отношениях, организуя процесс внутренних мыслительных коммуникаций, уплотняя, свертывая мысль. Студенты, работающие творчески, мыслят критически, свободно, иногда и деструктивно, разрушая кооперацию. Ими осознается, что одним из условий

и средств преодоления их избыточной, уводящей в сторону «от объекта» свободы, является *необходимость следовать правилам*, строить диалог.

Игровая стратегия *обогащения* осуществляется объединением иерархически структурированных малых групп студентов, где не заметен ярко выраженный центр управления. Настоящим «архитектором» дискуссии становится *Организатор* (часто студент в этой роли-позиции), от которого в основном и зависит развитие коллективной мысли. Он «запускает» действие, он выдвигает тему полемики, фиксируя затруднения, строит и устраивает, он готовит осуществление цели и обладает внутренней дисциплиной более других. Освоение роли-позиции Организатора является самым существенным условием осмысленного, деонтологически оправданного, культурного преобразования всех видов работ, становления исследователя и мыслителя, а не только коммуникативно ориентированного человека, то есть профессионально подготовленного педагога.

Наша опытно-экспериментальная работа показала положительный развивающий эффект *сосуществования двух видов процесса*: функционирующего учебного взаимодействия (традиционное пространство использовалось как точка устойчивости) и игрового учебного взаимодействия – как необходимого условия не только профессиональной подготовки, но и более широкой, деонтологической ориентации студентов. В результате студенты приобретали *на разном уровне* готовность к развивающему воздействию и взаимодействию с будущими учениками и коллегами: компетенции учителя-информатора, учителя-исследователя, учителя-критика и конструктора, учителя-организатора взаимного обучения.

Четвертый аспект интересующей нас проблемы следующий: *деонтологические нормы как осмысленное знание*. Формируя в учебных играх диалоговое мышление будущего учителя как «человека бытия» (а не только рассчитывающего мышления, «логистики»), мы развиваем готовность к работе с детьми, совместной эмоциональной и интеллектуальной рефлексии, умению и способности все замечать, чувствовать, слышать все странности, все ускользающее, не поддающееся логике, обыденным стандартам. Деонтологические цели и задачи должны определяться из того обстоятельства, что пребывание в институте, совместное ученичество в аудитории – это не подготовка к жизни, а сама жизнь, насыщенность выборами, возможностями открыться тому, что трудно выразить, но можно переживать.

Занятие, например, в форме имитационной, деловой или организационно-деятельностной игры должно превращаться в семинар-событие. Здесь ценятся «черновики», предварительные наброски, практические наблюдения, схемы (текст) культуры, исторические справки и ассоциации. Процесс осмысления часто состоит из «прыжков сознания», и он образен, метафоричен, символичен, аллегоричен, он ведет к необходимости усилить игровой элемент и долю искусств (в том числе театрализации) в учебно-исследовательском процессе. Формирование готовности студентов-педагогов к учебному игровому взаимодействию с детьми через собственный опыт интеллектуально-игровой деятельности – это воспитание нравственных потребностей, обучение готовности не только передавать друг другу свое знание, но и «оттачивать совесть» так, чтобы человеку хватило чуткости расслышать идеи и требования другого человека.

Мы пришли к выводу, что исходными основаниями для реконструкции педагогики как науки и самого обучения в высшей школе становится новое, синергетиче-

ское видение взаимодействия обучающего и обучающихся, основанное на его самоорганизации, нелинейной иерархичности и многомерности. Посредством игровых стратегий мы обязаны непрерывно нарушать равновесие, адаптироваться к уникальным изменениям в обществе, в мире, в технике, в культуре. Прошлый опыт недостаточно полезен, как считают современные философы образования, и мы все оказались в положении экспериментаторов. В учебных и компьютерных играх этические нормы и правила обучающимися формируются подчас спонтанно, даже если создаются авторами игровых сценариев. Студенческая молодежь сама, имитируя в игре профессиональную реальность, повинаясь инстинкту, создает «новый образ жизни» – во имя самой жизни. И мы обязаны приобщать к науке и учить экспериментировать. Хорошо организованные учебные игры – это как раз беспрестанное экспериментирование, «тренировка импровизаций», новых правил, языков и систем обмена информацией.

Сущность деонтологической составляющей педагогических игровых стратегий заключается в чувстве долга и ответственности, в поиске истины, в правдивости, распространяющихся на притязания другого человека, на его умоностроения и обеспечивающих взаимопонимание, источником которого является взаимодействие общающихся субъектов, основывающееся на их ролях-позициях и честности друг перед другом.

В предложенной модели успешными игровыми стратегиями становятся «встроенные» педагогические действия по привнесению в жизненный опыт будущих педагогов новых способов взаимодействия в разных, сменяемых позициях учителя как исследователя, критика и организатора в соответствии с поставленной самими обучающимися целью и осознанными нормами поведения. Рассмотренные нами деонтологические составляющие игровых педагогических стратегий направлены на самоактуализацию студенческой молодежи в социальной и профессионально-целесообразной деятельности. Этическая «регулятивная идея» при ее реализации в игровом учебном взаимодействии включает в себе возможность приобщения студентов к истинным ценностям, создает условия для решения таких парадоксов информационного общества, как самоизоляция человека в игровом и виртуальном пространстве, утрата реальности, превращение информации из средства самореализации в самоцель, разрушение таких важнейших сфер человеческого бытия как эмпатия, конструктивное общение, открытость, социальная ответственность.

Список использованных источников

1. Царев С.А. Становление индивидуального опыта и субъектности студентов в конструктивном взаимодействии : монография. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. 183 с.
2. Батраева О.М. Игровые технологии как средство активизации учебного процесса при формировании коммуникативной и социокультурной компетенций // Теория и практика образования в современном мире : материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб. : Реноме, 2012. С. 311–314.
3. Левитан К.М. Основы педагогической деонтологии. М., 1994. 192 с.
4. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Испытание выбором: игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики. Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. 292 с.
5. Степанов В.В. Компьютерные игры как предмет этики и этические системы как внутриигровой элемент // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 857–861.
6. Анисимов О.С. Основы методологического мышления. М., 2001. 412 с.

ЗА РУБЕЖОМ

УДК 316.7

Т.К.Ростовская, А.Д.Сулейманов

Жизнеспособность кросскультурных браков в России и Азербайджане

В статье выделены мотивационные механизмы создания кросскультурных браков в постсоветском пространстве; проанализированы результаты исследований жизненных стратегий респондентов и определены проблемные аспекты функционирования кросскультурных браков в России и Азербайджане.

Ключевые слова и фразы: институт семьи и брака, постсоветское пространство, кросскультурные браки, национальная принадлежность супругов, жизнедеятельность православно-мусульманской культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений, профилактика этнонациональных конфликтов.

T.K.Rostovskaya, A.D.Suleymanov

Viability of Cross-Cultural Marriages in Russia and Azerbaijan

The article considers the motivational mechanisms for creating cross-cultural marriages in the post-Soviet space. It analyses the results of the studies of life strategies of respondents and identifies the problem aspects of the functioning of cross-cultural marriages in Russia and Azerbaijan.

Key words and phrases: institution of family and marriage, post-Soviet space, cross-cultural marriages, nationality of spouses, vital activity of Orthodox-Muslim cultural and religious model of marriage and family relations, prevention of ethno-national conflicts.

Несмотря на неоднозначное отношение в странах постсоветского пространства к созданию кросскультурных браков, вопросы, связанные с их жизнеспособностью, являются злободневными и заслуживают особого внимания на государственном уровне.

Системное изучение специфики создания кросскультурных браков в молодежной среде и исследование сущности проблемного пространства межэтнического брачного выбора позволит снивелировать не только причины межэтнической на-

Ростовская Тамара Керимовна, профессор кафедры организации работы с молодежью Российского государственного социального университета, доктор социологических наук, профессор, г. Москва; конт. инф.: rostovskaya.tamara@mail.ru

Сулейманов Абульфаз Давуд оглы, заведующий кафедрой социологии Университета Ускюдар, доктор социологических наук, профессор, Турецкая Республика, г. Стамбул; конт. инф.: asuleymanov@yahoo.com

© Ростовская Т.К., Сулейманов А.Д., 2017

пряженности и этнонациональных конфликтов в обществе, но и прогнозировать развитие современного института семьи и брака.

Как известно, через институт семьи можно решать самые различные проблемы, в том числе проблему налаживания диалога культур и толерантности, так как в процессе взаимодействия представителей различных этносов формируется культура кросскультурного общения. Для грамотного прогнозирования событий и урегулирования тех или иных ситуаций кросскультурного взаимодействия необходимо не только рассматривать общие поверхностные вопросы, а углубляться в самое ядро, каковым и является, в данном случае, кросскультурная семья.

Рассматривая кросскультурные браки как семейные отношения, в которые вступают молодые люди, относящиеся к различным социокультурным слоям общества, имеющим свои особенности культуры и системы ценностей, необходимо обратить внимание на два следующих аспекта [1, с. 50].

Во-первых, благодаря кросскультурному взаимодействию всех членов семьи в кросскультурных семьях самым гармоничным образом вырабатываются чувства толерантности, интернационализма, что положительно отражается на состоянии кросскультурных взаимоотношений и способствует формированию здорового гражданского общества. Не случайно кросскультурные браки как социальное явление были очень актуальны в период Советского Союза, когда пропагандировался интернационализм в качестве основополагающего принципа советского государства, понимаемого в виде инструмента международной солидарности «...людей различных наций и рас... их взаимопонимания, взаимного доверия, взаимопроникновения культур, ценностей...» [2].

Во-вторых, рост численности кросскультурных браков в СССР трактовался как показатель развития дружественных межнациональных отношений, что, безусловно, в какой-то степени так и было.

По данным переписи населения, в 1959 г. в стране было 5,2 млн кросскультурных браков. Если в 1959 г. такие семьи составляли по всей стране 10,2 % общего числа семей, то в 1970 г. их число возросло уже почти до 14 %. В Советском союзе численность кросскультурных семей в дальнейшем постепенно увеличивалась: с 1959 г. по 1970 г. более чем на 2700 тыс. (в среднем на 0,3 % в год), с 1970 г. по 1979 г. почти на 2 млн (в среднем на 0,16 % в год).

В советское время факторами, способствовавшими заключению кросскультурных браков, выступали рост межрегиональных миграций, урбанизация страны, ослабление черт традиционного образа жизни, распространение русского языка, а также политика, направленная на развитие межнациональных отношений и интернационализацию общества. В официальной идеологии интернационализма, которая господствовала в СССР, рост числа кросскультурных браков рассматривался в качестве одной из эффективных моделей крепнущего взаимопонимания и дружбы между народами в советском социалистическом обществе.

Необходимо отметить, что доля кросскультурных браков у русских, проживавших в союзных республиках среди других народов, была наиболее высокой. В сводке Госстата СССР «Межнациональные браки в 1988 году» были приведены интересные сведения о положении в стране с этим вопросом. В частности, из приведенной статистики следует, что в Азербайджане было заключено более 40,3 % кросскультурных браков с русскими женщинами [3, с. 78–83]. Кстати, следует от-

метить, что и в настоящее время в Азербайджане наблюдается динамика заключения кросскультурных браков (в том числе и с иностранными гражданами), на что указывают данные Госкомстата Азербайджана: в 2007 году из 81756 официально зарегистрированных в стране браков 1707 были заключены с иностранными гражданами, в 2008 году – количество браков с иностранцами составляет 1855, а в 2009 году уже 2221 браков. Стремительно растут случаи, когда в брак с иностранными гражданами с иным вероисповеданием наряду с мужчинами вступают и женщины. Данная тенденция для современного Азербайджана с традиционными исламскими духовно-нравственными ценностями является нетипичной в сфере семейно-брачных отношений.

В русле данного явления интересен анализ авторского социологического исследования, проведенного в Республике Азербайджан, которое позволило выявить особенности 76 респондентов – азербайджанских мужчин и женщин, создавших семью с иностранными гражданами и проживающих в различных регионах страны и за рубежом [4].

С точки зрения национальной принадлежности супругов опрошенных женщин выяснилось, что в общем количестве представители западных народов преобладают (34,2 %). Второе место занимают турецкие турки (26,4 %), а третье – представители славянских народов (русские, белорусы) (15,8 %). Исходя из религиозного вероисповедания иностранцев, с которыми азербайджанские женщины вступают в брак, процентное соотношение христиан и мусульман совпадает (44,7 %).

Проанализировав национальную принадлежность супругов респондентов-мужчин можно увидеть, что представители славянских народов (русские и украинцы) составляют большинство. Так, 52,5 % супруг опрошенных мужчин принадлежат именно этим народам. С точки зрения религиозной принадлежности лиц, с которыми женятся респонденты-мужчины, число христиан доминирует (55,2 %). Мусульмане составляют 44,7 %, иудеи – 7,8 %.

Родители всех респондентов (женщин и мужчин), создавших семью с неазербайджанцами, являются азербайджанцами по национальной принадлежности, мусульманином по религиозному вероисповеданию.

По итогам исследования было выявлено, что 57,9 % мужчин женились на иностранке по любви, 47,4 % женщин свой выбор связывают с фактором «судьбы».

Все респонденты-мужчины (100 %) и 84,2 % респондентов-женщин заявили, что сохранили свою религиозную принадлежность после создания семьи; 5,3 % опрошенных (двое) отметили, что сменили свою религию, вступив в христианство.

Поскольку в смешанных семьях иностранный язык является основным разговорным языком, то в таких семьях часто дети не говорят на азербайджанском. Так, по итогам исследования, в семьях, где мать азербайджанка – 31,5 % детей, и в семьях, где отец азербайджанец – 25,1 % детей вообще не знают азербайджанского языка.

По итогам исследования было выявлено, что 35 % мужчин женились на иностранке по любви, 55 % женщин отметили, что вышли замуж за иностранца из соображения создать лучшие условия для жизни.

Резюмируя, авторы обращают внимание не только на мотивы заключения брака (любовь, потребность в близком человеке, создание лучших условий для семейной жизни), но и отсутствие каких-либо существенных трудностей между суп-

ругами, связанных с их причастностью к различным культурам. Основным лейт-мотивом создания кросскультурных браков является любовь, не имеющая национальной окраски.

Вместе с тем следует отметить, что тенденция к созданию кросскультурных браков в современной России выражена ярче, чем в других постсоветских странах: число потомков смешанных браков составляет огромную часть российского общества. Это объясняется рядом причин:

- *в первую очередь*, ростом межнациональных конфликтов в последние годы существования СССР;

- *во-вторых*, расцветом национальной, территориальной, духовно-религиозной и культурной идентичности в бывших союзных республиках после распада союзного государства;

- *в-третьих*, возведение национального языка в статус государственного языка взамен русского, играющего огромную роль в межнациональном общении наций и народностей советского государства.

Таким образом, обозначенные причины послужили сильным катализатором к мощным эмиграционным потокам из стран бывшего СССР в Россию, причем не только русских, но и русскоязычных семей. За счет миграционного прироста в современном российском обществе увеличилась численность кросскультурных браков между русскими женщинами и азербайджанскими мужчинами. Статистические данные московских загсов позволяют выявить данную динамику: в Москве в 7 раз увеличилось количество браков с азербайджанцами, что позволяет обратить внимание на формирование современной тенденции развития православно-мусульманской культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений в российском обществе.

Несмотря на то, что любая культурно-религиозная модель семьи трансформируется в соответствии с социально-экономическими процессами, происходящими в тот или иной момент в обществе, в том числе и миграционными, каждая из них имеет свои, отличные от других, особенности и характеристики.

Православная (Христианская) модель семьи рассчитана на очень устойчивый и очень сильный характер. Христианство подняло супружеский союз на высоту Таинства, в котором человек раскрывается и реализуется как личность не сам по себе, а лишь в духовном общении с Богом и ближним. Мужчина в такой семье играет господствующую роль, обладает колоссальной властью и авторитетом, несмотря на то, что вся ответственность зачастую делегируется супруге. Его любовь к жене проявляется в ласковом и не жестоком обращении с ней. Роль женщины в православной (христианской) семье – вторична, в первую очередь она мать и хранительница домашнего очага.

Иерархия в православной (христианской) семье является залогом ее гармоничного развития. В такой семье в качестве неперемennого условия выступает послушание детей родителям, основанного на авторитете последних. При этом для самих детей семья является школой любви, где они учатся любить близких и окружающий их мир. Такой тип семьи испокон веков был господствующим на Руси. Однако в последнее время в христианских (православных) семьях наблюдается нивелирование роли отца и мужа, в то время как роль женщины стремительно возрастает, что отрицательно сказывается на внутрисемейных отношениях, которые пере-

текают из состояния союза в состояние войны, выигрывает которую психологически или физически более сильный партнер.

Следует отметить, что христианская церковь очень ревностно относится к тому, чтобы муж и жена были одной веры. Причем не только христианин и мусульманин или христианин и иудей не могут быть связаны церковным браком, но и православный и католик или православный и баптист. Если даже один из супругов сменит веру (что само по себе не просто и не приветствуется ни одной из существующих конфессий), такие супруги могут быть обвенчаны, только получив благословение на брак от архиерея своей епархии.

В культуре ислама, в противоположность христианской культуре и в особенности православной, браку не уделяется столь большого значения в духовной жизни общества. С точки зрения мусульманского учения брак не является духовным таинством, связывающим людей с богом, а лишь актом, разрешающим определенные отношения между людьми – мужем и женой. В части Корана, посвященной вопросам брака, записано, что брак есть граница, установленная для различия между дозволенным и недозволенным.

Всем известно, что в мусульманской семье женщина очень ценится и оберегается, но не с духовной точки зрения, а почти в буквальном, то есть в материальном смысле, о чем свидетельствует одна из норм мусульманской семьи, такая как многоженство. Женщина – это, в первую очередь, хранительница домашнего очага. Хорошо одетая и щедро одариваемая мужем она – показатель его социального статуса. Мужчина в мусульманской семье – бесспорный лидер и кормилец, принятие решений – только его прерогатива. Мусульманский брак может быть заключен даже с иноверцем, вернее, с иноверкой, поскольку инициатором брака всегда является мужчина, и потому исламский брак на самом деле это брак мужчины-мусульманина и женщины любой другой веры.

Создавая семью, один из супругов принимает религию своего любимого человека, но не всегда меняет ее сам. Безусловно, молодые люди, соглашаясь соединить свои отношения узами брака с представителями другой культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений, подвергают себя риску и проблемам. При создании отношений кросскультурными партнерами открываются два диаметрально противоположных социально-психологических фактора: это интерес к другой культуре и открывающаяся возможность познакомиться с ней, с одной стороны, и желание сохранить традиции, корни, язык своей культуры, вызывающие опасения для вступления в кросскультурный брак – с другой. Таким образом, кросскультурные браки – это не что иное, как столкновение отличных друг от друга культурно-религиозных моделей семьи.

Проблемы кросскультурных браков очень многогранны, так как они обусловлены целым рядом социальных, исторических, религиозных и психологических причин, и уходят корнями в далекое прошлое [5, с. 449]. Анализ авторского вузовского исследования «Кросскультурные браки в современном российском обществе глазами молодежи», проведенного в 2015 году¹, позволяет обратить внимание на ряд взаимосвязанных проблем: возможное неприятие национальных и религиозных

¹ Вузовское исследование «Кросскультурные браки в современном российском обществе глазами молодежи», проведенное в 2015 году в МПГУ. N =170 чел. в возрасте от 17 до 20 лет. Рук. – д. соц. н., профессор Т.К.Ростовская.

традиций и обычаев (58,6 % респондентов); непонимание и упреки со стороны общества, родителей, родных (44,3 % респондентов) (см. рис.).

Рис. Обобщенные результаты ответов респондентов на вопрос
«В чем вы видите основные проблемы кросскультурных браков?»

Особого внимания заслуживает проблема, связанная с самоопределением ребенка в кросскультурной семье с православно-мусульманской культурно-религиозной моделью брачно-семейных отношений. При этом необходимо отметить, что данная проблема не стоит остро в русско-азербайджанской семье, так как взаимоотношения ребенка и родителей строятся на паритетных началах на основе кросскультурного взаимодействия и коммуникации. Ребенка окружает целое множество социально-культурных артефактов, присущих культурным моделям родителей, из которых молодому человеку предстоит сделать выбор своей личной социально-культурной модели, а приоритеты в отношениях с родителями во многом определяют этот выбор. Основу данных взаимоотношений ребенка и родителей составляют доверительные отношения между супругами, где присутствуют любовь, взаимопонимание и взаимоуважение всех членов семьи.

Таким образом, следует подчеркнуть, что жизнедеятельность православно-мусульманской культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений зависит напрямую от мотива создания данного вида кросскультурной семьи.

Возвращаясь к анализу авторского вузовского исследования, из таблицы следует, что более 90 % от всех респондентов считают основным мотивом создания кросскультурных браков любовь как самое глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство.

**Обобщенные результаты ответов на вопрос
«Чем Вы мотивируете/ли свое желание создать семью?»**

Характер мотива	% опрошенных
Традиции	48
Любовь	153
Необходимость	22
Брак по расчету	5
Не хочу создавать семью	2
Другое	4

Таким образом, можно отметить, что основным мотивом создания кросскультурных браков является любовь, не имеющая национальной окраски. Любовь, которая способна преодолеть все трудности и проблемы православно-мусульманской культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений: научить супругов уважать культуру, в которой они были воспитаны, воспринимать друг друга такими, какие они есть, и создать общие правила совместного проживания.

Список использованных источников

1. Мельниченко И.И., Плотников А.Д., Ростовская Т.К. Создание моделей деятельности и организации работы по формированию у подростков и молодежи правильного репродуктивного поведения и установок на образование семьи как основы возрождения традиционных моральных ценностей : монография. М. : Государственное учреждение «Российский центр молодежной семейной политики, 2005. 169 с.
2. Большой энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. 1456 с.
3. Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Кросскультурные браки в молодежной среде: проблемы, тенденции // Культурное наследие народов России. 2016. № 2. С. 78–83
4. Сулейманов А.Д. Социально-психологический анализ межэтнических браков в Азербайджане. Баку : Изд-во «МВМ», 2010. 159 с.
5. Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Распространенность кросскультурных браков: тенденции, проблемы // Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства : коллективная монография / под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.с.н., проф. Т.К. Ростовской. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. 600 с.

УДК 316.74:2(476)

Е.В.Шкурова

**Социальные детерминанты и правовые аспекты
взаимодействия светских и религиозных институтов
в образовательном процессе**

В статье на основе сравнительного описания зарубежного и отечественного опыта внедрения курсов по изучению основ религиозной культуры в систему образования рассматриваются социальные и правовые аспекты взаимодействия государства и конфессиональных институтов по вопросам нравственного воспитания молодежи. Особое значение в этом процессе имеет определение роли и места религиозоведческого знания в образовательной системе с учетом потребностей самих учащихся и педагогических работников.

Ключевые слова и фразы: религия, религиозные конфессии, образование, образовательный процесс, курс о религии, школа, учащиеся, школьные программы, учебные курсы о религиях.

E.V.Shkurova

**Social Determinants and Legal Aspects of Interaction
between Secular and Religious Institutions
in the Educational Process**

Based on the comparative description of foreign and domestic experience of introducing the courses on studying the basics of religious culture in the education system, the article considers the social and legal aspects of the interaction between the state and confessional institutions on the issues of moral education of youth. The definition of the role and place of religious knowledge in the education system, taking into account the needs of the students themselves and the teaching staff is of particular importance in this process.

Key words and phrases: religion, religious confessions, education, educational process, religion course, school, pupils, school programs, training courses on religions.

Несмотря на развертывание процесса секуляризации в современном обществе, роль религиозного фактора в развитии социальных отношений не теряет своей актуальности. Сегодня религия носит полифункциональный характер, будучи одновременно механизмом поддержания стабильности общества, и фактором, стимулирующим его изменения. Реализация этих функций обеспечивается через смыслополагание и воздействие на мировоззрение, которое ориентируется на сопоставление событий человеческой жизни с конечными целями и устремлениями. В этой связи наиболее значимым по своему влиянию оказывается взаимодействие религии с институтом образования и в частности с его школьной ступенью.

Включение религии в систему светских социальных институтов обусловлено культурно-историческими, социально-политическими и формально-юридическими

Шкурова Елена Валерьевна, доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент, Республика Беларусь, г. Минск; конт. инф.: vogel_82@mail.ru

© Шкурова Е.В., 2017

факторами. Культурно-историческая роль религии, связанная с динамикой процессов секуляризации – десекуляризации, а также глобализации – локализации в некоторых обществах, определяет общее направление и характер взаимодействия религиозных и образовательных институтов. С учетом этого характера выстраивается государственная политика по вопросам регулирования образовательной и религиозной сфер, а границами такого регулирования выступает система права.

Современная международная правовая система демонстрирует тенденцию к выработке единых принципов, направленных на обеспечение свободы совести и вероисповедания, а также формирование правовых основ государственного управления конфессиональной сферой, к которым относятся:

- принцип свободы мысли, совести и религии, который предполагает свободное право каждого человека менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов;

- принцип недопустимости дискриминации на основе религии или убеждений со стороны любого государства, учреждения, группы лиц или отдельных лиц;

- принцип участия государств в принятии эффективных мер для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений в признании, осуществлении и реализации прав человека и основных свобод во всех областях гражданской, экономической, политической, социальной и культурной жизни;

- принцип обеспечения равных прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, при исповедании своей религии и отправлении религиозных обрядов, а также активном участии в культурной, религиозной, общественной, экономической и государственной жизни.

С учетом данных принципов строятся национальные правовые системы большинства западных и восточных европейских государств, регулирующие в том числе и порядок взаимодействия религиозных и светских институтов в образовательном процессе. Например, в Великобритании две официально признанные церкви: англиканская в Англии и пресвитерианская в Шотландии, остальные считаются «свободными церквями» (в том смысле, что не являются официально признанными). Школа отделена от церкви, однако предмет по изучению мировых религий является обязательным и ставит своей целью воспитание толерантности и веротерпимости. Конституция Франции закрепляет принципы равенства религий, уважения всех вероисповеданий и светский характер государства. Конституционное право Германии содержит нормы о равенстве религий, свободе совести и религиозных убеждений, беспрепятственном вероисповедании. Школьное образование контролируется государством, хотя и предполагается в качестве обязательного компонента в публичных школах преподавание религии. При этом запрещается принуждение к участию в религиозных собраниях.

Конституция Российской Федерации, признавая приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, устанавливает, что Российская Федерация – светское государство, в связи с чем никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Украина

устанавливает свободу мировоззрения и вероисповедания, при отделении Церкви и религиозных организаций от государства, а школ – от Церкви.

В Республике Беларусь основу правового регулирования свободы религии составляют Конституция Республики Беларусь [1], Кодекс Республики Беларусь об образовании [2], Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» [3]. Особенностью системы национального законодательства в делах религий является выстраивание государственно-конфессиональных отношений с учетом влияния религиозных организаций на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. В этой связи в белорусской правовой системе закрепляются следующие принципы, регулирующие свободу религий:

- свобода мысли, совести и религии;
- равенство религий перед законом;
- признание приоритета ряда религий и конфессий с точки зрения их роли в формировании традиций белорусского народа, что в свою очередь характеризует религиозную сферу Беларуси как поликонфессиональную;
- отделение религии и деятельности религиозных организаций от государства;
- светский характер государства и государственной системы образования;
- недопустимость деятельности (культовой, миссионерской, образовательной, просветительной, социальной и иной, противоречащей законодательству) религиозных организаций в рамках государственной системы образования и в помещениях государственных образовательных учреждений;
- допустимость образовательного взаимодействия государственных и религиозных институтов в процессе воспитания подрастающего поколения.

С учетом этих принципов обеспечивается формирование государственной политики, одним из приоритетных направлений которой является всестороннее воспитание молодежи, содействие ее духовному, нравственному росту, создание условий для свободного и эффективного участия молодежи в культурной жизни общества. Все это актуализирует вопрос о значении смыслообразующей функции религии, о ее роли в духовном, нравственном развитии общества и поиске путей взаимодействия конфессиональных и светских институтов в сфере образования и воспитания молодежи и общества в целом. Решение данного вопроса требует научного и методического обоснования, а также оценки готовности (или неготовности) образовательных структур обеспечить преподавание курсов о религиях.

В мировой науке имеется достаточный опыт и проработанная методология исследования подобных проблем. В Европе мониторинг взаимодействия религии, государства и общества в образовательном процессе является постоянным, а его результаты представляются в научных изданиях: «Британский журнал религиозного образования (British Journal of Religious Education)», «Религиозное образование (Religious Education)», «Религия и образование (Religion & Education)», «Журнал образования и христианской веры (The Journal of Education and Christian Belief)», «Международный журнал образования и религии (International Journal of Education and Religion)» и др. Наиболее значимые в мировой психологии результаты исследования возрастного восприятия религии представлены в монографии К.Хайда (K.Hyde) «Религия в детстве и взрослости: Полный обзор исследований (Religion in Childhood and Adolescence: A Comprehensive Review of the Research)» [4].

Актуальность воспитания в учащихся критического мышления, готовности к диалогу и взаимодействию с учетом культурных и религиозных различий постулируется в работе Р.Джексона (R.Jackson) «Переосмысливая религиозное образование и плюрализм: Исследования проблем разнообразия и педагогики (Rethinking Religious Education and Plurality. Issues on diversity and pedagogy)» [5]. В Северной Европе активно действует рабочая группа по религиозному образованию Европейской ассоциации изучения религий (EASR), деятельность которой направлена на формирование светского, мировоззренчески нейтрального подхода к организации изучения религии в североевропейских школах. Координацию вопросов и практики преподавания знаний о религии в Европе осуществляет Европейский форум учителей, преподающих знания о религии (The European Forum for Teachers of Religious Education), который организывает педагогов, преподающих знания о религии (как в религиозном, так и в светском ключе) для сотрудничества и развития этой дисциплины в Европе.

Взаимодействие светских и религиозных образовательных институтов в трансформирующихся восточноевропейских обществах является предметом постоянного внимания Еврокомиссии. Масштабной программой по изучению роли религии в образовательном процессе, организованной по ее заказу, является научно-исследовательский проект REDCo (Религия в образовании. Вклад в диалог или фактор конфликта в трансформирующемся европейском обществе). Проект связан с проведением исследований учащихся в возрасте 14–16 лет в восьми странах (Германии, Англии, Франции, Нидерландах, Норвегии, Эстонии, России, Испании) по вопросам, связанным с социальным измерением религии и включением ее в образовательную систему.

Исследование мнения европейских школьников по поводу религии и ее изучения показало следующее. Несмотря на наличие определенных предрассудков, большинство европейских школьников поддерживает религиозное многообразие. Причем их мнение относительно значимости религии значительно колеблется. Поэтому выделяются три группы школьников: те, для которых религия имеет важное значение в жизни, те, для которых религия не важна, и группа неопределившихся [6].

Европейские школьники, как правило, открыты по отношению к сверстникам, принадлежащим к другим конфессиям, однако в большей степени ориентированы на общение с теми, кто принадлежит к той же религиозной традиции, что и они сами, даже в случае проживания в районах, характеризующихся религиозным многообразием. Причем ученики в большинстве случаев имеют достаточно абстрактные представления о религиозной терпимости, и толерантное отношение к другим конфессиям чаще высказывается на словах, чем на деле. И хотя в целом школьники стремятся к мирному сосуществованию в условиях религиозного многообразия, ориентированы на избегание религиозных конфликтов, отдельные учащиеся чувствуют себя уязвимыми в связи со своей религиозной принадлежностью.

Многие школьники считают, что основой для мирного сосуществования представителей различных конфессий являются знания друг о друге, о различных религиях и мировоззрениях, разделяемых интересах и деятельности. В большинстве европейских стран ученики поддерживают умеренную демонстрацию религиозной принадлежности со стороны приверженцев различных конфессий. К примеру, они не возражают против ношения ненавязчивых религиозных символов или наличия в

школе объектов для поклонения сторонников определенных религий. Основным источником знаний о религиях для европейских школьников служат, в первую очередь, семья, во-вторых, школа.

В вопросе преподавания знаний о религии учащиеся предпочитают традиционные модели организации занятий. Оценивая содержательные аспекты преподаваемого курса о религиях, ученики ориентируются на изучение разнообразных конфессий, нежели отдельной религии или мировоззрения.

На основании результатов исследования в рамках указанного выше проекта REDC предлагаются следующие рекомендации по проведению государственной политики в делах религий. В первую очередь необходима дифференциация образовательной политики на национальном уровне, связанной с различными национальными традициями, нормами, правовыми системами и педагогическими подходами к включению религии в образовательный процесс. В ходе реализации политики следует учитывать национальный контекст.

Повышению уровня веротерпимости способствует увеличение религиозного разнообразия как в школе, так и в университетской среде, особенно учитывая то, что гражданское образование имеет тенденцию сосредотачиваться на однородности. Данный принцип реализуется посредством предоставления школьникам возможности изучать и обсуждать различные религии, разработки инновационных подходов к изучению религий и мировоззрений в рамках различных предметов, изучения религии с учетом обеспечения понимания, развития толерантности, потребностей детей.

Включение религиозного компонента в систему образования должно обеспечиваться с учетом необходимости подготовки компетентных специалистов, которые смогут осуществлять вовлечение студентов в процесс обучения, независимо от религиозной позиции, организовывать взаимодействие школьников и дебаты по спорным религиозным вопросам.

Примером национального исследования общественного мнения об образовательном взаимодействии религиозных и светских институтов является опыт Сербии по изучению практики внедрения религиозного компонента в образовательные программы, конфессиональная ситуация в которой некоторыми характеристиками сходна с ситуацией в Республике Беларусь.

Религиозное просвещение, несмотря на некоторую несовместимость с программами и содержанием других предметов, было введено в сербских школах в 2001 году в качестве факультативного курса для учеников начальной и средней школы. Ученики должны были выбирать между двумя курсами: религиозным просвещением и гражданским воспитанием – или не выбирать никакой. В следующем году (2002–2003) религиозное просвещение и гражданское воспитание получили статус курсов по выбору: школьники должны были выбрать один из двух. В 2004–2005 году изучение этих предметов начало осуществляться на протяжении всего срока обучения [7, с. 233–234].

Особенностью сербского общества является значительная разница в восприятии религии: от полного неприятия до возрождения и принятия. Причем в основе изменения отношения лежит не только динамика религиозной системы, но и трансформация политических и образовательных структур.

В 2001 году Сербия ввела в школьную систему сегрегированную мультиконфессиональную модель религиозного образования, представленную семью «тра-

диционными» или «историческими» конфессиями, что столкнулось с рядом проблем. С самого начала религиозное просвещение было направлено на продвижение религиозных убеждений конкретной конфессии. Целью занятий являлось ознакомление учащихся с духовными ценностями конкретной религии, формирование теистического мировоззрения, развитие «своей» религиозной идентичности. Учебные программы и учебники готовились религиозными общинами.

Исследования в сфере религиозного образования показали, что православные школьники в большей степени ориентированы на изучение собственной религии, в то время как протестанты и светские учащиеся предпочитают курсы о религиях с изучением философского и социологического подхода.

В 2009 году по инициативе лидеров традиционных российских конфессий начался эксперимент по введению в школьную программу Российской Федерации курса «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (позднее – «Основы религиозных культур и светской этики»), который включил шесть модулей: основы православной, исламской, буддийской и иудейской культур, основы мировых религиозных культур, основы светской этики. Апробация проводится в последней четверти четвертого класса и в первой четверти пятого класса общеобразовательной школы. В декабре 2010 г. Министерство образования и науки Российской Федерации утвердило этот предмет в составе Федерального государственного образовательного стандарта.

По данным «Агентства социальных технологий "Политех"» в апробации курса приняли участие 240 тыс. школьников и 15 тыс. учителей из 10 тыс. общеобразовательных учреждений [8, с. 3]. С целью оценки эффективности введения курса данным Агентством по заказу Общественной палаты Российской Федерации проведено исследование методом телефонного опроса, опроса экспертов и мониторинга СМИ по заданной проблематике.

Как и в других случаях внедрения в школьную программу курсов о религиях российское общество разделилось во мнении. Сторонники введения курса указывали на его необходимость для сохранения духовных традиций и значении в духовно-нравственном воспитании молодежи. Противники курса в качестве его основного недостатка называли модульность, которая потенциально может привести к разобщению молодых людей, принадлежащих к различным конфессиям.

Результаты исследования, проведенного «Агентством социальных технологий "Политех"», показали, что в 2010 году большинство (80 %) родителей позитивно отнеслись к изучению религиозных культур в рамках школьной программы, и только 5 % выразили негативное отношение [8, с. 6].

По мнению родителей российских школьников, в современном обществе сложилась потребность в системе духовно-нравственного воспитания. Введение курса по изучению основ религиозной этики и призвано решить эту задачу, но 52 % родителей не заметили разницы в поведении и отношении детей к сверстникам и взрослым после его изучения. Хотя при этом 31 % респондентов такую разницу заметили, указав, что дети стали добрее, терпимее, образованнее, менее агрессивными и т. д. Более высокие оценки дали те родители, чьи дети изучают конфессиональные модули, модуль, касающийся основ светской этики, по мнению родителей, обладает небольшим духовно-нравственным воздействием [8, с. 10–12].

Результаты исследования позволили опровергнуть предположение о том, что модульный курс приведет к разобщению детей, принадлежащих к разным конфессиям. С другой стороны, изначально разработчики курса позиционировали его как принципиально светский, культурологически направленный и не имеющий миссионерских целей, с чем, однако, не согласился ряд экспертов, указав на наличие в программах курсов явных прорелигиозных компонентов. При этом каждый третий из опрошенных родителей подчеркнул, что интерес школьников к религии возрос после изучения курса (в наименьшей степени у тех, кто изучал модуль «Основы светской этики»). На основании данных этого исследования авторы сделали вывод, что изучение курса оказывает на школьников миссионерское воздействие, причем зачастую даже вопреки желанию родителей [8, с. 18–22].

Введение в школьную программу курса по изучению религиозных культур и светской этики столкнулось с рядом методических и кадровых проблем. Споры были связаны с модульностью курса и продолжительностью его преподавания. Но главной проблемой оказался вопрос подготовки преподавателей и качества учебных пособий.

Основной трудностью, связанной с кадровым обеспечением преподавания курса, явились крайне сжатые сроки подготовки преподавателей. Учебные пособия по курсу подверглись достаточно резкой критике со стороны экспертов за выраженную миссионерскую направленность и наличие в них ошибок и неточностей. При этом родители в большинстве высоко оценили качество учебников. Исключение составил учебник по основам исламской культуры, что эксперты объяснили неоправдавшимися ожиданиями родителей, которые предполагали, что курс будет посвящен не изучению основ этики, а обучению правилам поведения.

Сама процедура введения курса в школьную программу подверглась критике, в том числе и в связи с проблемой выбора модулей. Ряд экспертов указали, что зачастую выбор модулей осуществлялся под давлением чиновников. Каждый четвертый участник опроса указал, что ему не была предоставлена возможность выбрать тот или иной модуль курса. «Все родители, чьи дети изучают «Основы буддийской культуры», сказали, что они самостоятельно выбрали данный модуль. Наименьшая свобода выбора, согласно результатам настоящего исследования, была предоставлена детям, которые впоследствии изучали исламскую культуру» [8, с. 33]. Более половины участников опроса указали, что в классе, где учится их ребенок, все дети изучают один и тот же модуль. Нередко выбор курса осуществлялся не индивидуально, а коллективно.

В Украине, Литве, Армении, в некоторых других бывших советских республиках изучение взаимодействия религии и светской системы образования является регулярным и базируется на научной основе. В международном обзорно-аналитическом издании «Международный справочник религиозного образования Рутледж (Routledge International Handbook of Religious Education)» [9] представлены обзоры практики и принципов преподавания сведений о религии в школах России, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Азербайджана, Казахстана, подготовленные авторами из этих стран. В Украине в научный оборот также введено европейское обзорно-аналитическое издание – «Религиозное образование в школах Европы. Ситуация и тенденции (Religious Education in Europe. Situation and current trends in schools)».

Основным приоритетом государственной системы образования Республики Беларусь является непрерывное повышение его качества и совершенствование воспитательных методик. В последние годы в этой связи стал актуальным вопрос о включении в школьную программу курса, который позволит дать учащимся сведения о религиях. Данная идея основывается на предположении о том, что взаимодействие светских и религиозных институтов в образовательной сфере может стать важным средством оптимизации образовательного процесса. Для решения вопроса о перспективах введения такого курса в школьную программу необходимым становится определение места и роли знаний о религии (религиях) в системе государственного образования, а также выявление степени готовности учреждений образования к преподаванию соответствующего курса.

Рассматривая образовательный процесс как двуединую систему, предполагающую активную вовлеченность в нее не только преподавателей, но и учащихся, для достижения оптимального сочетания светских и религиозных компонентов в образовательном процессе целесообразно учитывать степень заинтересованности самих учащихся в получении религиозно-научных знаний. Также следует помнить о том, что познавательная активность школьников, в особенности в такой сфере, как религия, во многом зависит от традиций семейного воспитания.

Комплексным научным проектом, рассчитанным на долгосрочную перспективу и полностью сфокусированным на проблеме включения знаний о религии в систему общего среднего образования, стал организованный Центром религиозно-научных исследований в 2011 г. социологический опрос старшеклассников и родителей школьников г. Минска на предмет их отношения к перспективе введения курсов о религиях в школьную программу. Исследование было продолжено через включение в его объект педагогов общеобразовательных школ (2012–2014 гг.).

Исследовательская концепция основывалась на принципиальном различии двух подходов к обучению религии – религиозного (вероучительного) и религиозно-научного (светского). Религиозный (вероучительный, или конфессиональный) подход служит передаче вероучения и образа жизни внутри конфессии, т. е. формирует религиозную позицию обучающегося (последователя). Религиозно-научный (светский) подход служит информированию учащихся о существовании религии как социально-культурного феномена в целом и отдельных религиозных традиций (иудаизма, христианства, ислама, буддизма и др.) в частности, т. е. формирует осведомленность, образованность в вопросах религии. При религиозном подходе суть вероучения сообщается как единственная и безусловная истина.

Первым этапом осуществления проекта стало изучение мнения старшеклассников и родителей школьников г. Минска относительно перспектив включения курса религиозной тематики в школьную программу, что является необходимым условием корректного (и, как следствие, социально успешного) конструирования и возможного введения курса. Опрос старшеклассников (учащихся 9–11-х классов) и родителей школьников проводился в апреле и мае 2011 г. в средних школах г. Минска. Всего было опрошено 483 ученика старших классов и 436 родителей [11, с. 59]. В качестве метода сбора информации был использован анкетный опрос.

Выявленный в ходе исследования достаточно высокий уровень осведомленности о существующих религиях (94 % учеников старших классов и 90,8 % родителей назвали хотя бы одну известную им конфессию) свидетельствует о наличии оп-

ределенной заинтересованности по отношению к такому социальному явлению, как религия. Причем чаще представления о религиях как у учеников, так и у родителей ассоциируются с традиционными конфессиями.

На наличие определенного уровня мотивации к изучению сведений о религиях может указывать оценка значимости религии. В целом и школьники, и родители роль религии оценивают весьма высоко. Так, 45,1 % опрошенных участников проявили интерес к получению сведений о религиях. О потенциальной успешности курса свидетельствует также и то, что родители школьников достаточно высоко оценивают значение знаний о религиях для общества, себя и своих детей.

Одним из наиболее значимых вопросов, который предстоит решить при внедрении религиозного компонента в образовательный процесс, является вопрос об определении формы преподавания такого курса. Большинство (79,9 %) старшеклассников считают, что сведения о религиях должны изучаться по выбору. И в данном вопросе родители поддерживают учеников (79 %).

Несмотря на достаточно высокую степень заинтересованности по отношению к перспективе изучения курса, как ученики, так и родители в оценках потенциальных форм своего поведения ориентируются на достаточно пассивную поведенческую стратегию: ученики готовы к принятию решения о посещении курса только после нескольких занятий, а родители готовы им такую возможность предоставить.

Анализ содержательных предпочтений школьников относительно изучения сведений о религиях показывает, что в основном их интерес к изучению курса детерминирован ориентацией либо на развлекательный его характер, либо на содержательный и сравнительный. В основном школьники заинтересовались бы необычными фактами из истории религий, социальными аспектами функционирования религии в обществе и характером их влияния на образ жизни людей, изучением сути и истории различных религий в сравнении друг с другом.

Предпочтения родителей направлены преимущественно на содержательные аспекты курса и разнообразие получаемых детьми знаний. В основном они считают целесообразным строить курс на основе сведений об истории различных религий, о сути различных религий в их сравнении друг с другом, о социальных функциях религии, рекомендуя изучение в рамках факультативного курса того, как влияют религии на образ жизни людей.

В ходе исследования была выявлена заинтересованность в курсе о религии/религиях со стороны школьных педагогов. Они связывали с введением курса решение ряда насущных проблем воспитательного характера, указывая на социальное противоречие между сохраняющейся в обществе потребностью в знаниях о религии и невозможностью ее актуального удовлетворения из-за светского характера системы образования и отсутствия соответствующей ему стратегии введения религиозно-педагогического курса.

Для изучения мнения педагогов использовалось сочетание гибкого, качественного метода сбора первичной социологической информации – интервью методом фокус-групп – и количественного метода сбора информации – анкетного опроса (500 респондентов).

В целом позиция педагогов в отношении преподавания знаний о религии в школе положительна, однако (как они сами отмечают) основана на смутном понимании специфики религии, кроме того, ослаблена осознанием серьезности той рабо-

ты, которая необходима для разработки курса в государственном масштабе (по инициативе и под руководством Министерства образования Республики Беларусь). При этом работники учреждений общего среднего образования г. Минска демонстрируют определенную заинтересованность во введении курса на тему религии в школьную программу, но не проявляют инициативы в этом вопросе, считая, что школьная программа перегружена учебными предметами, а система школьного образования в целом в некоторой мере дестабилизирована частыми реформами. Допуская вероятность введения такого курса в школьную программу, педагоги минских школ высказываются за факультативный (выборный) характер его изучения; историко-культурный (или религиозоведческий, т. е. мировоззренчески нейтральный) характер его содержания; поликонфессиональный, или сравнительный подход к организации его материала.

В отношении готовности системы общего среднего образования к введению такого курса мнение большинства педагогов является критическим, что связано с неразработанностью единой концепции школьного курса о религии/религиях; недостаточностью учебно-методических материалов по курсу, которые были бы комплексно разработаны и утверждены под руководством Министерства образования Республики Беларусь; отсутствием подготовленных специалистов, способных мировоззренчески нейтрально и компетентно сообщить учащимся сведения о религии – о ее роли в обществе, об истории и содержании религиозных традиций.

Изучение отечественного и зарубежного опыта внедрения образовательных курсов о религиях в педагогическую практику свидетельствует об их весьма значительной роли в формировании духовно-нравственного сознания, воспитании молодежи в духе религиозной терпимости и толерантности, снятии конфессиональной напряженности. Несмотря на достаточно высокий уровень осведомленности белорусских школьников о существующих религиях, они имеют поверхностное представление о действительной конфессиональной ситуации, что делает актуальным вопрос о получении ими многоплановой информации о религиозных системах.

Анализ практики государств и оценка мнений учащихся позволяют сделать вывод о том, что включение в школьную программу курса о религиях в качестве обязательного вряд ли произведет положительный эффект. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае введения курса, направленного на изучение одной конкретной религии. Есть основание полагать, что на сегодняшний момент наиболее эффективным способом внедрения конфессиональных институтов в образовательный процесс будет введение курса, ориентированного на религиозное многообразие, историко-культурный и поликонфессиональный подход в изучении религий, оптимально соответствующего принципам светскости образования и поликонфессиональности общества.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=V19402875> (дата обращения: 05.12.2015).
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=Hk110024> (дата обращения: 05.12.2015).

3. О свободе совести и религиозных организациях : закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=V19202054> (дата обращения: 05.12.2015).
4. Hyde Kenneth E. Religion in Childhood and Adolescence: A Comprehensive Review of the Research. Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1990. 483 p.
5. Jackson R. Rethinking Religious Education and Plurality. Issues on diversity and pedagogy, London, Routledge, 2004. 221 p.
6. REDCo. Religion in Education. A contribution to Dialogue or a factor of Conflict in transforming societies of European Countries : Final report 2009 [Electronic source]. URL: http://cordis.europa.eu/publication/rcn/11562_en.html (date of access 23.11.2016).
7. Kuburic Z., Vukomanovic M. Religious Education: the Case of Serbia // Sociologija. 2005. Vol. 47. № 3. P. 229–255.
8. Отношение родителей к преподаванию в средних учебных заведениях курса «Основы религиозных культур и светской этики». М. : Агентство социальных технологий «Политех», 2010. 44 с.
9. The Routledge International Handbook of Religious Education / Davis D., Miroshnikova E. (eds). New York: Routledge, 2013. 414 p.
10. Религиозное образование в школах Европы. Ситуация и тенденции / Куик Э. [и др.] ; пер. с англ. К. : ДУХ І ЛІТЕРА, 2013. 416 с.
11. Карасёва С.Г., Шкурова Е.В. Знания о религии в школах Беларуси: состояние и перспективы. Минск : Изд. центр БГУ, 2015. 163 с.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

УДК 37.013.77

М.С.Мелешкина

Понимание текста как междисциплинарная проблема научного исследования

В статье раскрываются различные подходы в рассмотрении и интерпретации понятия «понимание текста» с позиции смежных наук: педагогики, психологии, психолингвистики и некоторых других. Автором отмечается как общее, так и различное во взглядах на понимание данной проблемы представителями разных наук.

Ключевые слова и фразы: понимание, осмысление, осознание, восприятие, текст (графический язык), аналитико-синтетическая деятельность.

M.S.Meleshkina

Understanding the Text as an Interdisciplinary Problem of Scientific Research

The article discusses various approaches to the examination and interpretation of the concept of “understanding the text” from the position of related sciences: pedagogy, psychology, psycholinguistics and some others. The author notes both general and different views on the understanding of this problem by representatives of different sciences.

Key words and phrases: understanding, comprehension, awareness, perception, text (graphical language), analytic-synthetic activity.

Проблема понимания, как отмечают многие исследователи (П.И.Богин, А.А.Брудный, Дж.Брунер, Л.С.Выготский, В.Л.Дружинин, Н.Л.Жинкин, А.А.Залевская, Н.А.Зимняя, В.В.Знаков, А.А.Леонтьев, А.Р.Лурия, Н.А.Рубакин, А.А.Смирнов, Л.С.Цветкова и др.), является междисциплинарной. В конце XX века вопросы всестороннего изучения механизмов понимания текста оказались в центре внимания литературоведов, педагогов, психологов, специалистов по герменевтике и информационно-поисковым системам.

Исследователями (И.В.Арнольд, Б.М.Величковский, Е.М.Галкина-Федорук, Л.П.Доблаев, В.В.Знаков, В.П.Зинченко и др.) выделяются различные аспекты и контексты использования термина «понимание», что позволяет, с одной стороны, выделить различные стороны рассматриваемой проблемы, с другой – определить те аспекты, которые не были исследованы ранее.

Мелешкина Мария Сергеевна, аспирант кафедры олигофренопедагогики Института дефектологического образования и реабилитации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург; конт. инф.: mariyamc@mail.ru

© Мелешкина М.С., 2017

В различных педагогических, психологических и психолингвистических источниках термин «понимание» рассматривается как синоним других терминов, схожих по смысловому содержанию. Большинство из них представлены ниже (см. рис.), некоторые из которых постараемся сопоставить и разграничить.

Рис. Синонимы термина «понимание»

Наиболее раннее определение понимания было дано герменевтикой (Х.-Г.Гадамер, В.Дильтей, Ф.Шлейермахер и др.), согласно которому основой понимания считалась *интерпретация*. В настоящее время понятие «интерпретация» определяется как формулирование адекватной точки зрения, концепции, которая бы описывала изучаемое явление [1].

В психологии понимание определяется как «способность личности *осмысливать, постигать* содержание, смысл, значение чего-нибудь» [1, с. 5].

В рамках педагогической науки понимание выступает как цель *познания*, следовательно, и обучения, а при его специальной организации составляет основу учебно-воспитательного процесса. При этом в целом смысл понятия «познание» схож с сущностью «понимание». Как отмечается в педагогическом словаре, *познание* – это процесс, который основан на отражении и воспроизведении воспринимаемой действительности в мышлении человека, в результате которого образуется новое знание о мире [2].

В современных теориях понимания различают восприятие и понимание, а с методологической позиции в процессе обучения следующей ступенью усвоения знаний после *восприятия* информации учащимися выступает понимание. Кроме этого, большинством педагогов *усвоение* и понимание учебного материала интерпретируются как идентичные, при этом согласно научной литературе данные понятия также несут общее содержание. *Усвоение* – овладение человеком в процессе обучения выработанными обществом действиями, понятиями, формами поведения [2].

Остановимся более подробно на двух основных, часто сравниваемых, порой отождествляемых, а порой разграничиваемых, понятиях: «восприятие» и «понимание».

В большинстве психолингвистических исследований отмечается сложность и многоплановость процессов восприятия и понимания текста. Разными авторами выдвигаются совершенно противоположные точки зрения. Одни авторы отмечают (Т.В.Ахутина-Рябова, И.А.Зимняя, А.А.Леонтьев, Р.М.Фрумкина и др.), что восприятие тесно связано с пониманием, поскольку их основу составляет анализ и синтез воспринимаемого читателем художественного образа и, как следствие, проникновение в его сущность, т. е. понимание. Иными словами, восприятие текста (слуховое или зрительное) может рассматриваться как первичный этап, качество которого будет оказывать влияние на понимание его смыслового содержания. Это позволяет рассматривать восприятие и понимание как две составляющие стороны одного явления, т. е. постижения замысла автора, как сторону процессуальную – восприятие и результативную – понимание. Данное разграничение процессуальной и результативной сторон говорит об иерархической системе, где в тесной взаимосвязи выступают сенсорный и смысловой уровни понимания. Однако наибольший интерес для нашего исследования представляет именно само понимание, т. е. переход к полноценному пониманию содержания текста, где главная роль принадлежит механизмам и способам использования системы знаний, а также действию механизмов оценки и прогнозирования.

Таким образом, восприятие не может совершенно не учитываться, поскольку работа над художественным текстом начинается с его первичного восприятия. Соответственно от того, как происходит данный процесс, насколько правильно, осознанно и мотивированно организован данный этап, во многом будет зависеть полнота и глубина понимания текста и уровень усвоения информации. В связи с чем восприятие нами будет рассматриваться как основополагающий этап, сопровождающий процесс осмысления и помогающий достигнуть конечного результата, т. е. понимания.

Другие ученые (О.И.Никифорова, О.Л.Каменская, В.В.Красных) считают, что понимание является одной из составляющих процесса восприятия текста, рассматривая его как один из уровней восприятия. В связи с чем, следует отметить, что данные процессы на определенной стадии происходят одновременно и не могут рассматриваться изолированно.

Объектом изучения понимания в рамках педагогических, лингвистических наук, как правило, является понимание содержания текста или учебной информации (В.К.Бубнова, Л.П.Доблаев, В.Я.Топычканов). Таким образом, изучая данную проблему как понимание содержания учебного или художественного текста, то можно утверждать об актуальности всех упомянутых точках зрения на данное понятие, т. к. все они имеют место быть. Однако, обобщая вышесказанное, следует отметить, что *понимание* – своеобразный акт, процесс мыслительной, коммуникативно-познавательной деятельности, где результатом будет выступать постижение смысла и замысла автора текста, т. е. его осознание.

С методологической точки зрения, *осознанность* – это основное качество полноценного навыка чтения, при овладении которым достигается наиболее полное *понимание* информационной, смысловой и идейной сторон текста. В развитии дан-

ного навыка одним из основных видов работ выступает подготовка к восприятию текста, т. е., как отмечалось выше, первичное восприятие, что подтверждает значимость этих двух процессов в образовании ребенка [3].

Кратко остановимся на описании различных подходов в толковании понятия «понимание» текста. Такие исследователи, как: В.Дильтей, Ф.Шлейермахер, Т.Виноград, Ф.Флорес, Б.М.Величковский, R.C.Schank, Т.А. ван Дейк, У.Кинч, Г.Кларк и П.Люси, В.Левельт и Д.Макнил, Л.П.Доблаев, Н.Т.Ерчак, Г.П.Щедровицкий, С.Г.Якобсон, А.Р.Лурия, Н.А.Менчинская в рамках когнитивного (гносеологического) подхода полагают, что понимание представляет собой особую аналитико-синтетическую деятельность, преобразующую понимаемый объект, в результате чего происходит вычленение замысла автора, и выстраивание краткой трактовки, включающей в себя фундаментальные части содержания и способ их взаимодействия.

Понимание рассматривается как включение новых знаний в прошлый опыт субъекта (Т.Виноград, Ф.Флорес, Б.М.Величковский, R.Schank и др.). Основной акцент исследований в рамках когнитивного аспекта сделан на установлении соотношения между структурой объекта и теми знаниями, которые субъект использует, чтобы получить представления о воспринимаемом тексте, и они определяют характер его интерпретации. Данный подход основан на анализе организационных компонентов знаний субъекта, т. е. макроструктур, с которыми сопоставляются события текста. Однако в процессе понимания очень редко восстанавливается именно тот смысл и то содержание, которые закладывались в текст его авторами. Это в первую очередь зависит от используемого способа деятельности, в результате чего в одном и том же тексте понимание выявляет разные смыслы, выстраиваются разные поля и структуры содержания [4; 5].

Как отмечено Г.П.Щедровицким и С.Г.Якобсон, понимание является смысловой организацией знаковой формы текста, воссозданием структуры смысла, скрытого в текст посредством мыслительной деятельности автора. При этом в первую очередь нужно попытаться увидеть текст так, как понимает его сам автор, а затем авторский текст должен быть проанализирован в рамках нового, иного контекста, содержащегося в опыте, имеющемся в сознании читающего, и снова представлен. С помощью процесса понимания выстраивается новое целое из того, что содержится в тексте автора, и того, что происходит в собственном сознании при его восприятии [6].

В рамках методологического подхода (Т.Виноград, Х.-Г.Гадамер, Ф.Флорес, М.Хайдеггер) понимание – это истолкование изучаемого явления, его интерпретация с помощью системы, установленных данной научной областью, правил, где результат – нахождение корректных концепций для его описания, достижение единства смысловых контекстов текста и исследователя. При этом понимание – не знание или познание, а набрасывание проекта, где проект – обретение смысла бытия в его открытости.

С позиции лингвистического подхода (Н.Хомский, Дж.Миллер, А.А.Смирнов), понимание рассматривается как преобразование структур языка, перекодирование текста; результат трансформации поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, состоящую из простых конструкций.

Согласно А.А.Смирнову, в процессе понимания происходит перекодирование текста, в связи с чем большое внимание уделяется таким действиям, которые позволяют обеспечить целостность восприятия знаковых систем, а стратегия интерпрета-

ции зависит от характера актуализированных знаний. Выделяются действия, которые способствуют перекодированию вербального текста в знаковую систему, и наоборот, которые необходимы для восприятия и понимания вербального текста, а именно: понимать значение каждого слова, смысл предложения, а также объяснять связи и взаимоотношения, имеющиеся в тексте.

Таким образом, понимание зависит не только от самого текста и создавшего его мышления, а также от широкого контекста деятельности, в которую оно включено, где целью выступает восстановление авторского смысла, а не придумывание собственного. Все вышеперечисленные позиции, подходы к проблеме понимания текста имеют большое значение для развития педагогической науки в целом и нашего исследования в частности, в процессе организации учебной деятельности и понимания художественных текстов.

Если же говорить о структуре самого процесса понимания, то данные исследования связаны с субъектом понимания. В данном случае изучается согласованность знаний субъекта и их структурная организация, необходимая для понимания текста и дискурса, строятся представления о том, что происходит в сознании в результате процесса понимания, когда структура понимаемого текста преобразуется в глубинную репрезентацию, состоящую из простых утвердительных предложений. Кроме этого, в отдельных исследованиях отмечается разница во времени обработки отрицательных и утвердительных предложений, а также выявлены зависимости, связанные не только с поверхностной структурой текста, но и с его глубинной репрезентацией (Т.А. ван Дейк, У.Кинч, Г.Кларк, П.Люси).

В психологическом подходе (В.Дильтей, Ф.Шлейермахер, А.А.Брудный и др.) понимание рассматривается как познание, происходящее через со-понимание и сопереживание, как проникновение в замысел автора, где возможность и необходимость понимания происходит за счет сходства и различия человеческих индивидуальностей.

По мнению А.А.Брудного, понимание выступает как присвоение знаний и превращение их в составную часть психологического механизма, в результате которого знания становятся частью внутреннего мира личности и влияют на регуляцию ее деятельности, при этом понимание зарождается в чувственном восприятии человеком окружающей действительности [4; 7].

Все вышеперечисленные подходы в большей или меньшей степени представлены в выделенных В.В.Знаковым семи контекстах понимания текста: методологическом, лингвистическом, семантическом, логическом, коммуникативном, когнитивном и психологическом [8].

Проанализировав современные подходы к проблеме понимания, можно отметить, что это понятие также употребляется в широком и узком смыслах (Л.П.Доблаев, В.В.Знаков). В первом случае понимание – это универсальная характеристика интеллектуальной деятельности человека, которая оказывается непременно атрибутом любого уровня познания и общения в каждом психическом процессе [5; 8]. Во втором – понимание выступает как компонент мышления – обобщенного и опосредованного отражения существенных свойств и связей между предметами и явлениями, которому характерны (в единстве) три основных параметра: установление связей, установление значимости связей и построение целостности изучаемого объекта. В рамках данной позиции понимание возникает не сразу, поскольку мыслить

человек начинает только тогда, когда у него появляется потребность что-то понять, а может быть и вспомнить («понимание-вспоминание»). В этом случае большую роль играет память. В связи с чем, мы можем судить о том, что понимание – есть результат мыслительной деятельности, а именно работы всех психических процессов (мышления, памяти, восприятия и т. д.).

Таким образом, понимание текста – это косвенный аналитико-синтетический процесс, включающий в себя выделение основных элементов материала и объединение их в единое целое, процесс формирования эмоциональной оценки событий. При этом понимание всегда является диалогом с автором, опосредованным текстом в процессе осознанного чтения. Данное утверждение позволяет говорить о возможном влиянии самого текста на понимание, как способности автора выразить смысл. Каждый текст своеобразен и требует различных усилий для понимания его смысла, заложенного автором. Поэтому интерес к исследованию самих текстов и различных текстовых характеристик в связи с проблемой понимания не ослабевает.

Рассмотрев различные подходы к исследуемой проблеме, хотелось бы отметить, что понимание текста, графического языка, безусловно, затрагивается в рамках любого из вышеперечисленных направлений. Такое множество подходов, изучающих проблему понимания текста, подтверждает сложность, многоплановость и многогранность исследуемой проблемы. Согласно всем вышеперечисленным научным подходам и точкам зрения, следует сказать, что понимание текста многоуровневый, результативный, когнитивный и эмоционально-оценочный процесс воссоздания устным или письменным способом смыслового, образного, эмотивного содержания воспринимаемого текста.

Список использованных источников

1. Мелешкина М.С. Проблема понимания художественных текстов младшими школьниками с умственной отсталостью [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. № 06 (июнь). URL: <http://e-koncept.ru/2014/14150.htm>. (дата обращения: 10.01.2017).
2. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 2008. 528 с.
3. Аксенова А.К., Ильина С.Ю. Методика преподавания русского языка для детей с нарушениями интеллекта : учебник для вузов. М. : Просвещение, 2011. 382 с.
4. Понимание : опыт междисциплинарного исследования / под общ. ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. М. : Смысл, 2006. С. 122–133.
5. Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания : монография / под ред. В.В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982. 176 с.
6. Щедровицкий Г.П., Якобсон С.Г. Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание» // Мышление и общение : материалы Всесоюз. симпоз. Алма-Ата : Казах. пед. ин-т, 1973. С. 28–32.
7. Ивашкевич И.Н. К вопросу о когнитивной природе восприятия и его отражении в семантике слова [Электронный ресурс] // Научный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 1. С. 165–171. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kognitivnoy-prirode-vospriyatiya-i-ego-otrazhenii-v-semantike-slova> (дата обращения: 17.01.2017).
8. Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 479 с.

УДК 343.131

В.В.Овчинников

**Проблемные вопросы обеспечения защиты прав потерпевшего
и пути их решения в уголовном судопроизводстве
на современном этапе**

В статье проводится анализ процессуального положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется на условия обеспечения защиты прав потерпевшего от преступлений на современном этапе. Анализируя процессуальное положение потерпевшего на современном этапе, автор обращает внимание на проблемные вопросы, возникающие при реализации прав потерпевшего в практической деятельности следственных и судебных органов.

Ключевые слова и фразы: потерпевший, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, материальный вред, следователь.

V.V.Ovchinnikov

**The Problematic Issues of Ensuring the Protection of the Rights
of the Victim and the Ways to Solve them
in the Criminal Procedure at the Present Stage**

The article analyzes the procedural status of the victim in criminal proceedings. Particular attention is paid to the implementation of ensuring the protection of the rights of the victim of crimes at the present stage. Analyzing the procedural status of the victim at the present stage, the author draws attention to the problematic issues that arise when the rights of the victim are realized in the practical activities of the investigative and judicial bodies.

Key words and phrases: victim, criminal procedure, criminal procedural legislation, property damage, investigator.

На современном этапе развития российского общества и государства именно государство обязано обеспечить охрану прав и защиту чести и достоинства, жизни и здоровья, личной свободы и имущества граждан, в том числе и потерпевших, т. е. лиц, чьи права, в том числе и имущественные, были нарушены преступлением. В соответствии со ст. 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Этому вопросу посвящены и многие акты международного права (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г., Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН 29.11.1985 г. и другие документы).

Овчинников Владимир Викторович, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Юридического института Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: shumatov1962@mail.ru

© Овчинников В.В., 2017

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации положения Конституции РФ и норм международного права развивает и конкретизирует. В 2013–2014 гг. УПК РФ претерпевал существенные изменения, в том числе по вопросам более конкретного обеспечения защиты потерпевших от преступных посягательств.

В УПК РФ закреплено, что лицо юридически становится потерпевшим только после принятия соответствующего решения уполномоченным на то должностным лицом или судом. В то же время в соответствии с Постановлением Верховного Суда РФ от 29.07.2010 г. № 17 считается, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается, исходя из фактического его положения, и лишь процессуально оформляется решением уполномоченного на то лица, но не формируется [1]. Основой для признания лица потерпевшим является причиненный ему вред преступлением.

В ч.1 ст. 42 УПК РФ раскрыто понятие потерпевшего: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации». В ч. 2 данной статьи конституционные способы защиты прав потерпевшего подробно расписаны, в их число входят следующие права: знать о предъявленном обвиняемому обвинении, давать показания, представлять доказательства и др. В последнее время Государственная Дума регулярно возвращается к дополнительному обеспечению гарантий защиты прав потерпевших от преступных посягательств. Одним из последних дополнений прав потерпевшего является то, что он вправе получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выезде осужденного за пределы учреждения исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы в случае, если потерпевший или его законный представитель сделает соответствующее заявление до окончания прений сторон в ходе судебного заседания. Данное право потерпевшего или его законного представителя дополнительно гарантирует защиту указанных лиц от неправомерных, а возможно и преступных действий осужденного в отношении потерпевшего, его близких родственников, иных родственников и близких лиц.

Эффективность обеспечения прав потерпевшего в ходе судопроизводства по уголовным делам имеет отношение, в первую очередь, к надлежащему обеспечению прав потерпевшего при производстве следственных действий.

Следует отметить, что Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ (подп. «б» п. 3, подп. «а» п.14, п.15) расширены права потерпевшего и его представителей, в том числе и законного представителя «при назначении и производстве судебной экспертизы» (так данные права именуются законодателем). В этой связи изменена редакция п.11 ч. 2 ст. 42, абз.1 ч.1 ст. 198 и ст.206 УПК РФ. В настоящее время следователь (дознатель и др.) обязан ознакомить потерпевшего: 1) с постановлением о назначении судебной экспертизы; 2) с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Орган предварительного расследования помимо того должен разъяснить потерпевшему его право: 1) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производ-

стве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; 2) ходатайствовать: о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы; 3) дать объяснения эксперту; 4) присутствовать с разрешения следователя (дознателя и др.) при производстве судебной экспертизы.

Первые три права потерпевший может реализовывать и тогда, когда орган предварительного расследования не видит в этом необходимости. Более того, следователь (дознатель и др.) обязан обеспечить потерпевшему возможность реализации указанных его прав.

И эти перечисленные обеспеченные государственным принуждением возможности потерпевшего распространяются теперь не только на те судебные экспертизы, которые назначаются в отношении его лично. Не ограничиваются они даже теми преступлениями, в результате совершения которых ему был причинен вред. Потерпевший обладает всем комплексом вышеперечисленных прав и тогда, когда ход и результаты судебной экспертизы, назначенной по данному конкретному уголовному делу, никоим образом не касаются его интересов. Если лицо признано потерпевшим по уголовному делу, следователь (дознатель и др.) обязан обеспечить реализацию им предусмотренных ч.1 ст.198 УПК РФ прав в отношении всех назначаемых по данному уголовному делу и производимых судебных экспертиз.

Знакомить потерпевшего с постановлением о назначении судебной экспертизы следователь (дознатель и др.), несомненно, должен до того, как это постановление будет передано в экспертное учреждение (эксперту). Следователь (дознатель и др.) обязан сделать это по возможности безотлагательно. Только в данном случае будет выполнено назначение указанного права потерпевшего, и у последнего появится реальная возможность реализовать большинство предоставленных ему ч. 1 ст. 198 УПК РФ возможностей.

Не ознакомление потерпевшего с постановлением о назначении судебной экспертизы и не разъяснение его прав, установленных ст.198 УПК РФ, до того как это постановление будет передано эксперту, вполне может быть расценено судом как нарушение уголовно-процессуального закона и привести к тому, что заключение эксперта будет признано полученным с нарушением требований УПК РФ – недопустимым доказательством.

Очевидно, что законодатель стремится максимально использовать возможности потерпевшего в доказывании вины обвиняемого. Понятно также, что следствие заинтересовано в активном участии потерпевшего при расследовании совершенного против него преступления.

В этих целях законодатель, как уже отмечалось выше, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», ввел в УПК РФ механизмы принуждения потерпевшего к участию в доказывании. Так, теперь новая редакция ч. 7 ст. 42 УПК предусматривает уголовную ответственность потерпевшего не только за отказ от дачи показаний, но и за уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согла-

сие, или от представления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования. Согласно ст. 308 УК, за указанные деяния потерпевшему грозит наказание в виде штрафа в размере до 40 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 месяцев, либо обязательных работ – до 360 час., либо исправительных работ на срок до 1 года, либо ареста на срок до 3 месяцев.

Возникает парадоксальная ситуация: назначением уголовного судопроизводства является защита прав потерпевших, однако именно на потерпевшего в связи с участием в уголовном процессе распространяется самое большое количество видов уголовной ответственности (по ст. 306 УК РФ – за заведомо ложный донос; по ст. 307 УК РФ – за дачу заведомо ложных показаний; по ст. 308 УК РФ – за отказ от дачи показаний либо уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от представления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования; по ст. 310 УК РФ – за разглашение данных предварительного расследования).

Еще одной актуальной проблемой является соблюдение права потерпевшего на судопроизводство (расследование и судебное разбирательство) в разумный срок. В связи с этим 30 апреля 2010 г. разумный срок судопроизводства был закреплен в УПК РФ как принцип судопроизводства. В УПК РФ отсутствует понятие «разумный срок уголовного судопроизводства», но законодатель в ст. 6.1 УПК РФ дает разъяснения о том, какие обстоятельства должны быть учтены судом при определении разумности сроков, затраченных на расследование и рассмотрение уголовного дела, фактически разъясняя понятие разумного срока судопроизводства через оценку деятельности субъектов со стороны обвинения и суда.

При этом редакция ст. 6.1 УПК РФ до принятия и введения в действие Федерального закона от 21.07.2014 г. № 273, сильно ограничивала права пострадавших от преступления на признание права на компенсацию в связи с нарушением разумности сроков судопроизводства, так как при оценке разумности сроков судопроизводства судам невозможно было учитывать следующие сроки и обстоятельства: срок проверки сообщений о преступлении; срок предварительного расследования до установления подозреваемого (обвиняемого) и вынесения первого процессуального документа, который свидетельствовал бы о том, что подозреваемое (обвиняемое) лицо приобрело соответствующий статус; промежуточный вид решения – приостановление производства по уголовному делу за неустановлением лица, совершившего преступление, который нарушал права потерпевшего на доступ к правосудию.

Изменения, которые были внесены в законодательство Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 273-ФЗ в УПК РФ, улучшили положения потерпевшего, но не решили проблему до конца. Так, из буквального толкования ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ следует, что срок проверки сообщений о преступлении и деятельности после возбуждения уголовного дела до начала официального уголовного преследования конкретного лица входит в срок оценки разумности сроков производства, только если производство по уголовному делу приостановлено за неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Таким образом, если будет принято итоговое решение о прекращении уголовного дела либо постановлен приговор, срок доследственной проверки и срок

расследования до установления подозреваемого при установлении компенсации потерпевшим учитываться не будут. Тем не менее, и в данный период производства органы расследования могут допустить процессуальные нарушения, например, неоднократно отказать в возбуждении уголовного дела, и это несправедливо не учитывать при установлении размера компенсации в судебном решении.

Кроме прав у потерпевшего имеются и обязанности, указанные в ч. 5 ст. 42 УПК РФ, которые гарантируют надлежащее проведение расследования уголовного дела и судебного разбирательства, и если комплекс прав потерпевшего может толковаться расширительно, то обязанности потерпевшего расширительному толкованию не подлежат.

В то же время многие ученые процессуалисты предлагают расширить права потерпевшего. Это в первую очередь касается прав и действий, связанных с возмещением причиненного ущерба потерпевшему совершенным преступлением. Этот вопрос уже рассматривается и регламентируется в УПК РФ в ст. ст. 44, 115, 116, 160.1. и в других статьях. С практической точки зрения вопросы возмещения материального ущерба потерпевшему решается достаточно трудно и сложно, а в некоторых ситуациях и формально. Потерпевший признается гражданским истцом, о чем выносится соответствующее постановление, этот вопрос рассматривается в суде и, как правило, разрешается положительно, т. е. в приговоре исковое требование потерпевшего будет удовлетворено, но реальной возможности получить полную сумму ущерба потерпевший не имеет. Поэтому следователь и дознаватель в ходе предварительного расследования уголовного дела должны предлагать обвиняемому, подозреваемому, их родственникам добровольно возмещать причиненный вред. Все эти действия могут быть оформлены следующими действиями следователя и дознавателя:

1. Предложение обвиняемому, подозреваемому добровольно возместить причиненный материальный ущерб, путем перечисления суммы ущерба через отделение банка на счет потерпевшего.
2. Составление протокола (акта) добровольной передачи денег, ценностей, предметов в натуре.
3. Расписка потерпевшего о получении денежных средств в возмещение ущерба.
4. Справка юридического лица о внесении денег в кассу [2, с. 46].

Главное условие этих действий органов предварительного расследования – это согласие обвиняемого, подозреваемого, их родственников, близких на добровольное возмещение вреда причиненного преступлением, что не всегда происходит на практике. Поэтому возникает необходимость эти вопросы решать не частным порядком, возможным закреплением в соответствующих законах, в том числе и в УПК РФ. Достаточно давно этот вопрос поднимался Следственным комитетом Российской Федерации при разработке законопроекта «О потерпевших от преступлений» [3]. Согласно этому законопроекту платить компенсации потерпевшим должно государство, т. е. таким образом сокращается срок ожидания, когда осужденный сможет возместить причиненный ущерб.

На сегодняшний день эффективно обеспечить права потерпевших по возмещению ущерба вряд ли удастся без государственной поддержки. Различные объективные и субъективные причины препятствуют полному возмещению потерпевшим

вреда, причиненного преступлением. Государство, допустившее совершение деяния, запрещенного уголовным законом, не оградившее потерпевшего от преступного посягательства, должно на себя принять обязанность компенсировать потерпевшим причиненный вред. Возмещение вреда потерпевшим от преступлений должно осуществляться через специально созданные государственные фонды помощи потерпевшим (в случае невозможности взыскания непосредственно с виновного), средства для которых могут выделяться из государственного бюджета. Вред должен быть возмещен в достаточно короткие сроки, это возможно на этапе предварительного расследования, при условии, что факт причинения материального вреда доказан и независимо от того, установлен ли виновный или нет. Это придаст новое качество российскому судопроизводству.

Список использованных источников

1. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве (в ред. Постановления ВС РФ от 9 февраля 2012 г. № 3) : постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 / Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 12.04.2015).
2. Николаев Е.М., Глущенко А.В. Права и законные интересы потерпевших от преступлений, способы их восстановления : монография. Уфа : РИЦ БашГУ 2014. 240 с.
3. Следственный комитет РФ / Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Sledcom.ru> (дата обращения: 12.04.2015).

УДК 316.4

А.А.Фатхутдинова

Феномен геймерства в современном обществе

В статье на основе данных качественного социологического исследования (неформализованное глубинное интервью), проведенного в 2015 году среди 15 человек – представителей субкультуры геймеров (г. Казань), выявляется социальная сущность феномена «геймерство». Геймерство рассматривается с различных точек зрения: как субкультура, игровая зависимость, виртуальное сообщество. Показывается влияние СМИ и, в частности, интернета, на формирование игровой зависимости у активных интернет-пользователей. Предлагаются меры для снижения количества интернет-зависимых, в том числе и геймеров.

Ключевые слова и фразы: субкультура, геймер, интернет-зависимость, виртуальная реальность, социальная сущность, социальный феномен, киберспорт.

Фатхутдинова Анастасия Алексеевна, аспирант кафедры общей и этнической социологии Казанского приволжского федерального университета, Республика Татарстан, г. Казань; конт. инф.: nastya-zelenka1303a@mail.ru

© Фатхутдинова А.А., 2017

A.A.Fathutdinova

The Phenomenon of Gaming in Modern Society

Based on the data of qualitative sociological research (non-formalized in-depth interview) conducted in 2015 among 15 people – representatives of the gamers' subculture (Kazan), the article deals with the social essence of the phenomenon of "gaming". Gaming is considered from various points of view: as a subculture, game addiction, virtual community. The influence of the media, in particular, the Internet, on the formation of game dependence among active Internet users is shown. Measures to reduce the number of Internet-dependent users, including gamers, are proposed.

Key words and phrases: subculture, gamer, Internet addiction, virtual reality, social essence, social phenomenon, e-sports.

За последние пятьдесят лет мир молодежных субкультур охватил около тысячи самых разных явлений и течений, включая хиппи, панков, металлистов, реперов, анархистов, футбольных фанатов, готов, скинхедов, скейтеров, паркурщиков, эмо-кидов и получивших широкое распространение в связи с появлением новых медиа – геймеров. Можно ли говорить о них как о новой популярной среде молодежи субкультуре, со своими нормами, ценностями, правилами? А может быть это новейший, еще тщательно не изученный, вид спорта, со своими правилами игры и призами. Или это все-таки «игровая зависимость», болезнь, а люди, которые ею больны, нуждаются в серьезной помощи, в лечении?

В современном мире, с его высокой динамикой развития, техническим и научным прогрессом, с популяризацией новых медиа: жк-телевизор, камера, интернет, компьютер и т. д., молодому человеку, который только что (как говорится) «выпал из гнезда» своих родителей, сложно социализироваться, определить цели жизни, наметить свой путь. Так вот, для того чтобы ему было немного легче, сами же молодые люди организуются в различные группы, сообщества, кружки по интересам.

С появлением все более усовершенствованных мультимедийных средств и медиа появляются и новые сообщества. Самое популярное в последние 10–15 лет стало сообщество геймеров из-за распространения бесплатных сетей вай-фай и доступности интернета.

В последнее десятилетие в отечественной исследовательской и публицистической литературе наблюдается повышенный интерес к изучению феномена молодежных организаций, субкультур, а именно субкультур, связанных с компьютерными технологиями. Данная проблематика находит свое отражение в целом ряде психологических, социологических, культурологических, социально-философских и педагогических исследований. Субкультурой геймеров занимаются такие ученые, как М.Г.Евдокимова, Д.В.Иванов, В.Н.Ивлев, В.П.Лившиц, О.Маслов, Н.А.Носов и др. Несмотря на то, что о проблеме геймерства и игровой зависимости всеобщее говорят различные СМИ, специальных исследований по данной теме немного. Все это позволяет посвятить отдельное исследование субкультуре геймеров, что даст возможность показать, во-первых, место и роль данной проблематики в изучении особенностей формирования современного информационного общества и, во-вторых, раскрыть тенденции и противоречия развития самой субкультуры геймеров, и, в-третьих, рассмотреть ее с трех основных сторон (зависимость, субкультура, спорт).

Для исследования была избрана качественная стратегия, потому что она позволяет глубже познать внутренний мир самого представителя данного сообщества, чтобы выяснить, зависим ли он или нет. Для исследования выбран метод неформализованного глубинного интервью. Количество респондентов 15 человек в возрасте от 14 до 35 лет женского и мужского пола. В ходе исследования удалось выявить их позиции и сделать выводы о том, что, к сожалению, те же самые люди, которые называют себя спортсменами, являются в то же время и зависимыми, больными людьми. Геймерство, прежде всего, это болезнь, болезнь именно XXI века, причиной которой является бешеные темпы развития компьютерных и интернет технологий. Компьютерные сети, как вид телекоммуникации – принципиально новый пласт социальной реальности. Больше не нужно ходить в кинотеатр, на концерт любимой группы, засиживаться в библиотеке, утруждать себя походами по магазинам, всю необходимую информацию можно получить, не отходя от экрана монитора. Появился новый вид психологического расстройства – интернет-зависимость. Чаще всего исследователи нацелены на интернет-зависимость молодежи, а в частности подростков, так как этот возраст наиболее подвержен различным отклонениям в поведении и еще не до конца сформировавшееся психика подростка как губка способна впитать все плохое.

Самым юным участником исследования стал мальчик 14-ти лет Дима, учащийся в школе с математическим уклоном.

«Я в интернете сижу почти всегда, ну ночью если только сплю, а то мама иногда ругается. Я играю, редко когда мне интернет нужен для учебы. Но купили мне родители компьютер именно для учебы, мне тогда 7 лет было, потом мне папа с мамой подарили планшет на 10 лет, сейчас у меня компьютер, новый планшет и смартфон. На всех устройствах есть интернет, со всех устройств я играю в разные игры, мама и папа дают деньги, а я играю. Мама иногда поругает, а потом успокоится. Мне нравится больше сидеть в интернете чем с друзьями, потому что они обзываются часто да и если мы встречаемся мы все равно все разговариваем о том, кто какого уровня достиг, кто как прокачался и кто какую новую лазейку в игре нашел, это весело интересно, а на улице скучно...» (Дима, 14 лет).

Самыми же взрослыми участниками исследования стали два человека: женщина 35-ти лет Гузель, имеющая среднеспециальное образование повара, и мужчина 32-х лет Евгений, закончивший только 11 классов в школе с техническим уклоном. Евгений имеет свой строительный бизнес.

«Да зависимость есть от этого интернета, я даже сама порой замечаю, что думаешь – вот вот, сейчас еще минутку и так и просидишь до утра играя в свои любимые «кристаллики». На работе особо не поиграешь, а вот домой приходишь, ребенок уже сам играет на своем планшете, а я за компьютер и сижу, играю. Отдохнуть тоже после работы хочется... По поводу того, покупаю ли я что-то за реальные деньги для своей игры? Да такое бывает. В месяц тысячи 2, 3 уходит, жизни купишь или еще что, каюсь, бывает. Играю, потому, что хочется отдохнуть, уйти от капризов Азатики, от скандалов на работе и просто отдохнуть, но этот отдых порой может перетекать и в зависимость. Я не геймер, что вы, я взрослая уже для этого» (Гузель, 35 лет).

Специалисты называют следующие критерии, по которым возможно распознать игровую зависимость:

- 1) синдром карпального канала (туннельное поражение нервных стволов руки, связанное с длительным перенапряжением мышц);
- 2) сухость в глазах;
- 3) головные боли по типу мигрени;
- 4) боли в спине;
- 5) нерегулярное питание, пропуск приемов пищи;
- 6) пренебрежение личной гигиеной;
- 7) расстройства сна, изменение режима сна [1].

Это критерии, характеризующие физические симптомы. По мнению процитированного А.Колиофутиса, нельзя только по этим признакам сказать, что человек зависим, ведь многие другие болезни подходят под эти симптомы. Поэтому следует иметь в виду психологические симптомы, среди которых:

- 1) хорошее самочувствие или эйфория за компьютером;
- 2) невозможность остановиться;
- 3) увеличение количества времени, проводимого за компьютером;
- 4) пренебрежение семьей и друзьями;
- 5) ощущения пустоты, депрессии, раздражения не за компьютером;
- 6) ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности;
- 7) проблемы с работой или учебой.

Эти психологические симптомы можно рассматривать в качестве основания выявления критериев оценки игровой зависимости.

Основанием критериев оценки зависимости могут быть и ее причины. Причины зависимости кроются:

- 1) в возможности анонимного общения;
- 2) в возможности для реализации представлений, фантазий с обратной связью (в том числе возможность создавать новые образы "Я"; вербализация представлений и/или фантазий, не возможных для реализации в обычном мире);
- 3) в чрезвычайно широкой возможности поиска нового собеседника;
- 4) в неограниченном доступе к информации.

Эти причины образуют основу нового сообщества. Следующая основа геймерства – это восприятие его в качестве спорта или киберспорта. Геймерство как спорт во всех отношениях будет только совершенствоваться, а стремительный технический прогресс лишь усилит его популярность.

Заглянем немного в историю развития киберспорта. Начиналось все с Quake, Starcraft, Warcraft и CounterStrike. На данный момент самые популярные дисциплины в киберспорте это LeagueofLegends и Dota 2. Считается, что киберспорт хорошо развивается там, где в одной точке сходятся создатели игр, профессиональные лиги, спонсоры и организаторы чемпионатов [2].

Финалы киберспортивных чемпионатов проходят на тех же многотысячных площадках, что и финалы NBA и NHL. Прямую трансляцию прошлогоднего финала чемпионата по LeagueofLegends посмотрели 32 миллиона человек, а команда победителей разделила между собой приз в 1 миллион долларов.

Хотя киберспорт в мире за последние 10 лет заметно набрал обороты, в большинстве стран он все еще считается полумаргинальным и с трудом находит спонсо-

ров. Забавно, что Россия стала первой страной в мире, которая официально признала компьютерный спорт, а спустя пять лет вместе со сменой руководства Росспорта вновь исключила его из реестра. Золотым временем российского киберспорта считается 2002 год. Тогда наши команды по Quake 3 и CounterStrike завоевали золото на крупнейшем международном чемпионате по кибериграм WorldCyberGames. Всего за десять лет в соревнованиях WCG мы заработали пять золотых, шесть серебряных и восемь бронзовых наград. Сейчас в России, вероятно, самыми мощными киберспортивными организациями можно назвать Virtus.Pro, GambitGaming, Empire и RoX.Kis.

Официальный статус киберспорт на данный момент получил только в США и Южной Корее. В 2013 году канадский геймер Дэнни Ли стал первым, кому выдали американскую визу категории Р-1А, созданную для «всемирно известных спортсменов» [3].

И наконец, геймеры – это виртуальное сообщество [4]. Настоящих геймеров, которые все отдают ради игры и для игры, которые сутками готовы сидеть за компьютерами не так уж и много. В теории геймерство можно назвать как субкультурой или даже массовой культурой в связи с развитием технологий. Но на практике, охарактеризованной в ходе исследования автора, из анализа статей, социологических опросов, да и по мнению самих же геймеров, они же сообщество, круг по интересам, среда для развлечений. Но геймерство все чаще называют болезнью, имея в виду интернет-зависимость. Это третья основа данного сообщества.

В последнее время можно слышать, что один сидит в одном чате, а другая подседа на ту или иную игру или один блог. Возможно в ближайшем будущем представление о том, что геймерство – это болезнь, уйдет на второй план, так как молодые люди все-таки научатся неким образом контролировать себя, а геймерство перерастет в профессиональный вид спорта [5; 6]. Но для того, чтобы это произошло, на наш взгляд, следует принять некоторые такие меры, как:

- вмешательство государства для более лучшей организации досуга молодых людей, прежде всего, школьников;
- ценовая политика в игровых салонах, возможно даже их сокращение;
- стимулирование государством киберспортсменов за тот или иной выигрыш, спортивный результат;
- спонсорская поддержка со стороны государства при выходе команды на мировую арену;
- смена стереотипа восприятия геймерства, игры в интернете как способа получить легкие деньги, добытые быстрым способом, на то, что это труд, который он оплачивается и высоко ценится.

Список использованных источников

1. Колиофутис А. Интернет-зависимость подростков. Статистические данные. 17 июля 2013. URL: <http://apologet.spb.ru/ru/1488.html>. (дата обращения: 20.10.2016).
2. Рукомойникова В.П. Виртуальные сообщества как объект социокультурных исследований. URL: http://sodmu.narod.ru/t_ruk.htm (дата обращения: 20.10.2016).
3. Скопинцева С.Н. Детская и юношеская субкультура как фактор воспитания // Социальная сеть работников образования. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2012/02/28/detskaya-i-yunosheskaya-subkultura-kak-faktor> (дата обращения: 20.10.2016).

4. Геймеры более образованны и общительны, чем те, кто над ними смеется // WashingtonPost, 6 июня 2014. URL: <http://habrahabr.ru/post/225477/> (дата обращения: 20.10.2016).

5. Прищеп Н., Львов М. Любовь к компьютеру лечится труднее, чем алкоголизм // Комсомольская правда – Северная Европа. 2007. 15 сентября.

6. Виртуальный спорт. Золото геймеров // Корреспондент. 2013. 13 сентября. URL: <http://www.tsikoliya.ru/novosti-internet/81965-korrespondent-virtualniy-sport-zoloto-geymerov.html> (дата обращения: 20.10.2016).

УДК 343.13

Ю.Т.Шуматов

Пути преодоления противодействия расследованию со стороны отдельных участников уголовного судопроизводства при производстве отдельных следственных действий

Статья посвящена описанию проблем, возникающих при расследовании уголовных дел, связанных с оказанием противодействия расследованию со стороны отдельных участников при производстве опознания. В статье даются рекомендации по преодолению такого противодействия в целях выполнения задач следственного действия.

Ключевые слова и фразы: предварительное расследование, подозреваемый, обвиняемый, следственное действие, опознание, этап производства следственного действия, противодействие расследованию, следователь, потерпевший.

Yu.T.Shumatov

The ways to overcome the counteraction to investigation by individual participants in criminal proceedings in the conduct of individual investigative actions

The article is devoted to the description of the problems that arise in the investigation of criminal cases related to counteracting the investigation by individual participants in the process of identification. The article gives recommendations on overcoming such counteraction in order to fulfill the tasks of investigative action.

Key words and phrases: preliminary investigation, suspect, accused, investigative action, identification, stage of investigative action, counteraction to investigation, investigator, victim.

Оказание противодействия при расследовании уголовных дел – одна из причин, влияющих на возможность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью, реагирования на совершенное преступление, его расследование, судебное разбирательство и назначение справедливого наказания.

Шуматов Юрий Тимербаевич, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: shumatov1962@mail.ru

© Шуматов Ю.Т., 2017

Противодействие расследованию могут осуществлять различные участники уголовного судопроизводства (в том числе потерпевшие и свидетели). Чаще всего в качестве субъектов, оказывающих противодействие, выступают лица, совершившие преступление (подозреваемые и обвиняемые-рецидивисты), что объясняется их стремлением уйти от ответственности. «Стремление преступников и их пособников уклониться от уголовной ответственности, помешать установлению истины породило своеобразную «тактику» отдельных категорий преступников, которая, с одной стороны, состоит из богатого опыта совершения преступлений, а с другой стороны, включает в себя большой набор пассивных и активных методов, приемов, способов и средств противодействия следователю» [1, с.71–72].

В криминалистике под рецидивистом понимается лицо, неоднократно совершавшее преступление, обладающее устойчивыми антиобщественными взглядами и преступным опытом, вследствие чего представляющее особую общественную опасность, поскольку рецидивисты имеют немалый преступный опыт, знакомы с некоторыми тактическими приемами следствия и оперативно-розыскной деятельности [2, с. 4].

Противодействие расследованию в криминалистике определяется как «система противоправных действий, детерминированных объективными и субъективными факторами, направленных на дезорганизацию работы по раскрытию преступления, воспрепятствование достижению объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия различными лицами, заинтересованными в уклонении от ответственности виновного» [3, с. 54] (автор не ставит целью статьи обсуждение понятия «противодействие расследованию», поэтому использовал то, которое, на наш взгляд, наиболее приемлемо. – Ю.Ш.). Оказывая противодействие в целом, рецидивисты преследуют различные цели: это и сокрытие преступления, и приостановление или прекращение процесса расследования. Конечная цель такого противодействия – уклонение тем или иным способом от привлечения к уголовной ответственности.

Поскольку противодействие может оказываться как в ходе всего расследования, так и в ходе выполнения отдельных следственных действий, в первую очередь рассмотрим оказание противодействия при производстве опознания со стороны подозреваемых и обвиняемых, ранее неоднократно совершавших преступления и достаточно хорошо знакомых как с действующим законодательством, так и с системой применения наказаний.

Опознание – достаточно специфичное следственное действие, суть которого заключается в отождествлении мысленного образа, запечатлевшегося у (в основном) потерпевшего или свидетеля, который он наблюдал ранее, с тем образом, который ему показывают в ходе расследования [4, с. 28–29].

Значение данного следственного действия трудно переоценить, поскольку полученные в ходе опознания доказательства являются невосполнимыми, в связи с тем, что повторить его при тех же обстоятельствах и по тем же признакам невозможно в силу прямого запрета закона (ч. 3 ст. 193 УПК РФ).

В целом способы противодействия при производстве опознания можно разделить на 3 группы.

1. Противодействие на рабочем этапе, которое может включать в себя несколько видов действий:

1) отказ подозреваемого или обвиняемого от участия в опознании. Такой отказ может преследовать различные цели – затянуть расследование, добиться уговоров со стороны следователя и получить за счет этого послабления режима содержания, «выторговать» для себя какие-либо условия, узнать о доказательствах, которыми располагает следствие и т. п. Данный отказ может осуществляться на различных этапах опознания:

а) отказ от участия в начале предъявления для опознания. Данное действие может проявляться в подаче реплик или совершение каких-либо действий в начале опознания, когда опознаваемый своим поведением сразу выдает себя опознающему.

В частности, опознаваемым может быть использован прием, направленный на утверждение, что опознающему было указано при приглашении, на каком месте находится опознаваемый.

Способом нейтрализации таких видов действий может быть, во-первых, тщательная подготовка следственного действия, направленная на продумывание способа приглашения опознающего; во-вторых, предварительное изучение личности опознаваемого, в необходимом случае, когда имеются данные о таком возможном противодействии – проведение опознания вне визуального наблюдения;

б) отказ от выполнения отдельных элементов следственного действия, например, отказ надеть парик, продемонстрировать походку;

в) срыв проведения следственного действия различными способами, направленными на лишение его доказательственного значения (выкрики, немотивированное поведение, грубость в отношении других участников и т. д.).

Поскольку предъявление для опознания не предусматривает возможности применения какого-либо принуждения, в данной ситуации следует признать, что производство опознания невозможно и от него следует отказаться, поскольку если проводить опознание при наличии не тех признаков, которые запомнил опознающий и по которым он может опознать подозреваемого или обвиняемого, данное действие не может иметь юридической силы и не будет иметь доказательственного значения.

Особым условием, дающим возможность нейтрализовать подобную форму противодействия, следует назвать тщательную фиксацию действий опознаваемого в протоколе следственного действия в присутствии понятых. Большое значение при этом имеет фиксация производства опознания с помощью технических средств (звукозапись, видеозапись).

На наш взгляд, в данной ситуации возможно проведение опознания по фотографии (если таковая имеется). Такое опознание не противоречит условиям части 5 статьи 193 УПК РФ, где говорится, что опознание по фотографии проводится при невозможности предъявления лица. Однако законодатель не раскрывает условия такой невозможности. Представляется, что активное оказание противодействия со стороны опознаваемого может быть признано условием, дающим возможность проведения опознания по фотографии, даже если имеется реальный подозреваемый или обвиняемый.

Среди других способов нейтрализации противодействия при производстве опознания можно отметить разъяснение следователя о возможных последствиях та-

кого поведения, которое может повлечь оценку подобных действий судом не в пользу обвиняемого. В некоторых случаях можно перед следственным действием провести беседу с защитником и предоставить ему возможность такого разъяснения и убеждения;

2) использование процессуальных и тактических ошибок следователя.

Среди таких ошибок можно отметить:

- необеспечение конфиденциальности приглашения участников следственного действия;
- несоблюдение порядка приглашения участников опознания;
- нарушение процессуальных условий производства следственного действия (например, опознаваемому не предлагается самому занять место среди опознаваемых; не разъясняются права участникам следственного действия; опознающий не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний и т. п.).

Подозреваемый или обвиняемый, который уже в достаточной мере знаком с правилами производства опознания, замечая ошибку следователя, чаще всего не прерывает следователя и продолжает участие в опознании до конца, что позволяет ему в конце следственного действия заявить ходатайства различного рода или данная информация озвучивается в ходе судебного заседания.

Для предупреждения использования таких ошибок следует более обстоятельно готовиться и соблюдать тактические рекомендации по проведению опознания, учитывая место проведения, средства связи, требования норм уголовно-процессуального законодательства.

2. На этапе фиксации результатов опознания чаще всего может встречаться отказ от подписания протокола опознания, который может создать помехи следствию.

Цель такого отказа – лишение результатов следственного действия доказательственного значения, так как это дает возможность заявить, что протокол сфальсифицирован, что его с протоколом не знакомили и тем самым нарушили права подозреваемого или обвиняемого и т. п.

Способ нейтрализации данного вида противодействия – фиксация того, что протокол прочитан следователем вслух в присутствии понятых и фиксация отказа от подписания протокола в присутствии понятых. Кроме того, фиксация данных действий на видеозапись.

3. Склонение или принуждение опознающих к даче ложных показаний при производстве опознания или «не узнавание» опознающим опознаваемого.

Указанные воздействия могут выражаться в запугивании или подкупе опознающего, его родственников, которые могут осуществляться как лично опознаваемым, так и другими лицами.

В качестве мер нейтрализации подобных действий может применяться мера пресечения в виде заключения под стражу (при наличии указанных в законе оснований). В большинстве случаев эта мера позволяет нейтрализовать воздействие при условии обеспечения его строгой изоляции от любых сторонних контактов [5, с. 257–261].

Большое значение имеют также отношения следователя и опознающего. Если следователь сумеет убедить опознающего, что если он своевременно получит ин-

формацию о таком воздействии, то тогда он сможет эффективно отреагировать и огрaдить его от оказываемого воздействия.

В такой ситуации, как нам представляется, наиболее эффективным средством будет являться проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего (предъявление для опознания через зеркальное стекло или использование «светового занавеса»). Тем более, что такая возможность прямо закреплена в части 8 статьи 193 УПК РФ.

Говоря о противодействии расследованию преступлений, чаще всего имеются в виду лица, имеющие непосредственный интерес в уголовном деле (как упоминалось выше – подозреваемые и обвиняемые). Однако, на наш взгляд, не стоит забывать и о других участниках уголовного судопроизводства, которые также оказывают большое влияние на получение достаточного объема доказательственной информации. Такими участниками являются потерпевшие и свидетели.

Противодействие расследованию со стороны потерпевших и свидетелей также можно разделить на две группы: умышленное и неумышленное. Умышленное противодействие может быть связано с наличием целого ряда обстоятельств:

1) наличие личных отношений между потерпевшим (нередко и свидетелем) и подозреваемым (обвиняемым);

2) воздействие на потерпевшего (свидетеля) со стороны непосредственно подозреваемого (обвиняемого). Воздействие может быть как негативным (угрозы, шантаж и т. п.), так и позитивным (уговоры, подкуп, использование других лиц, имеющих влияние на потерпевшего (свидетеля) и т. п.);

3) воздействие на потерпевшего (свидетеля) со стороны других лиц, в том числе и участников уголовного судопроизводства (защитник подозреваемого (обвиняемого), родственники, знакомые, другие участники преступной группы и т. п.);

4) жалость потерпевшего (свидетеля) по отношению к подозреваемому (обвиняемому);

5) нежелание участвовать в процессе расследования уголовного дела, следственных и процессуальных действиях.

На оказание неумышленного противодействия также могут влиять различные обстоятельства, связанные, на наш взгляд, прежде всего с психологическими факторами:

1) проявление ложно понимаемой «стеснительности» – когда потерпевший (свидетель) впервые оказывается в подобной роли и не знает, как себя вести в этой ситуации;

2) собственная оценка потерпевшим (свидетелем) качества и объема имеющихся у него сведений – указанный участник выдает только ту информацию, которую считает важной, ориентируясь на собственные ощущения и знания.

Наличие личных отношений между потерпевшим (нередко и свидетелем) и подозреваемым (обвиняемым) – достаточно серьезное обстоятельство, влияющее на полноту объективной информации, предоставляемой потерпевшим (и, по нашему мнению, особенно свидетелем). В связи с этим в ходе расследования стоит обратить внимание на наличие и характер имеющихся или возможных межличностных взаимоотношений между указанными участниками. Для установления таких обстоятельств закон не запрещает использование в том числе и средств оперативно-розыскной деятельности. Факт наличия таких отношений вообще не дает возможности

проводить опознание в ходе расследования уголовного дела, поскольку в этом случае теряется всякий смысл в его проведении.

Что касается негативного и позитивного воздействия на потерпевшего (свидетеля) со стороны участников уголовного судопроизводства – этому вопросу в юридической литературе уделяется достаточно много внимания. Не случайно часть 3 статьи 11 УПК РФ предусматривает ситуацию, что если потерпевшему, свидетелю, а также их родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель могут принять в отношении этих лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, частью 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ, которые заключаются в шифровании данных о личности потерпевшего (свидетеля), проведении опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, проведении закрытого судебного заседания, допросе с использованием систем видео-конференц-связи.

Кроме того, 20 августа 2004 г. был принят закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», который предусматривает целый комплекс действий по обеспечению безопасности указанных лиц. Другое дело, что эти мероприятия связаны, прежде всего, с финансированием этих действий, а это вопрос непростой.

Такой способ оказания противодействия расследованию со стороны потерпевшего (свидетеля) как жалость к лицу, совершившему преступление, основан на глубоких психологических качествах личности самого потерпевшего или свидетеля. Это может проявляться как:

1) жалость, связанная с человеческими качествами, прежде всего, потерпевшего, как лица, которому причинен вред по отношению к подозреваемому (обвиняемому);

2) наличие материального интереса у потерпевшего, проявляющегося в том, что если причиненный вред возмещен в полном, а возможно, и в большем объеме, то потерпевший может потерять интерес к преступлению, расследованию и лицу, совершившему преступление;

3) наличие материального интереса у свидетеля, который, получив какую-либо материальную выгоду от преступления, не хочет ее лишаться, поскольку считает, что если, например, в ходе опознания он укажет на лицо, которое ему эту выгоду предоставило, даже если свидетель и не знал о том, что приобретает товар, являющийся предметом преступления, то этот товар будет у свидетеля изъят в качестве вещественного доказательства, и потери будут невосполнимы.

Следует согласиться с И.В.Куртыновым, который обращает внимание на важность оперативного сопровождения уголовных дел, в том числе при производстве опознания и выделяет задачи такого сопровождения [6].

Естественно, что в рамках одной статьи невозможно определить все факторы, влияющие на оказание противодействия со стороны различных участников расследования – эти вопросы требуют отдельного, более глубокого исследования. Особенно оказание противодействия со стороны потерпевших и свидетелей, в том числе и при производстве опознания. Поэтому, на наш взгляд, при производстве опознания как

следственного действия первостепенное значение приобретает этап подготовки к проведению данного следственного действия, в том числе и качественное проведение допроса перед производством опознания, особенно в условиях конфликтной ситуации [7, с. 3–6], поскольку, как упоминалось выше, проведение повторного опознания в силу прямого запрета закона будет уже невозможно.

Список использованных источников

1. Самыгин Л.Д. О сущности и содержании следственной тактики // Вестник Московского ун-та. Серия «Право». 1989. Вып. 1. С. 71–72.
2. Закатов А.А. Методика расследования преступлений, совершенных рецидивистами: Лекция. Волгоградская академия МВД России. Волгоград, 2000. 36 с.
3. Кустов А.М. Механизм деятельности по противодействию расследованию // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений : труды Академии МВД РФ. М., 1996. 390 с.
4. Брижак З.И., Волочай С.Н. Повышение эффективности следственных действий (на примере опознания живых лиц) // Российский следователь. 2013. № 10. С. 28–30.
5. Шуматов Ю.Т., Семёнов А.В. Проблемы производства опознания с участием рецидивистов и пути их преодоления в ходе предварительного расследования // Государство и право (актуальные проблемы современности) : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 35-летию Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (Ижевск, 24–25 ноября 2005 г.). Ижевск, 2006. С. 257–261.
6. Куртынов И.В. Пути преодоления противодействия расследованию преступлений / ZakoniRos – информационный сайт «Законы России» [Электронный ресурс]. URL: <http://zakoniros.ru/?p=15200> (дата обращения: 15.01.2017).
7. Манцуров Д.Ю., Манцурова Л.А. Тактическое обеспечение допроса, предшествующего предъявлению для опознания // Российский следователь. 2016. № 13.

ЛЮДИ И ДАТЫ

УДК 793.3 + 159.923

И.В.Нарский

Октябрьская революция 1917 года в советской и российской коллективной памяти

Переработка революционного прошлого началась еще при жизни и при помощи ее участников и очевидцев и продолжалась десятилетиями позже, после того как ее герои и жертвы давно ушли из жизни. В статье анализируются причины, инициаторы, основные этапы и функции переосмысления российской революции в СССР и в современной России на протяжении столетия.

Ключевые слова и фразы: революция, коллективная память, коллективное забывание, культурная память, учредительный миф.

I.V.Narsky

The October Revolution of 1917 in the Soviet and Russian Collective Memory

The revision of the revolutionary past began even during the lifetime and with the help of its participants and eyewitnesses and lasted decades later, after its heroes and victims died. The article analyzes the causes, initiators, main stages and functions of the reconsideration of the Russian revolution in the USSR and in modern Russia over the century.

Key words and phrases: revolution, collective memory, collective forgetfulness, cultural memory, original myth.

Нарский Игорь Владимирович, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного (национального исследовательского) университета, директор научно-образовательного центра «Культурно-исторические исследования», доктор исторических наук, профессор, г. Челябинск; конт. инф.: inarsky@mail.ru

© Нарский И.В., 2017

В ноябре 1922 г. в Советской России прошли торжества по случаю юбилея Октябрьской революции. Привычные с весны 1917 г. демонстрации и митинги на этот раз были дополнены симптоматичным элементом, а именно вечерами воспоминаний, которые прошли на заводах и в учреждениях, театрах и кинотеатрах. На них люди рассказывали о том, где они пережили революцию и гражданскую войну, что лично они сделали для победы Советов и Красной армии. Ораторы были взволнованы, публика напряженно слушала. Прошлое выступало в героических одеяниях. Повседневная жизнь и сомнительные темы не затрагивались. Выступавшие не упоминали о массовой бедности, преступности и эпидемиях, о способах выживания в экстремальной обстановке, опробованных практически каждым.

Этот эпизод может служить иллюстрацией и кратким предисловием к постановке вопросов этой статьи. Революция 1917 года уже при жизни и при помощи ее участников и очевидцев изменилась до неузнаваемости. Но переработка революционного прошлого продолжалась и десятилетиями позже, в Советском Союзе и Российской Федерации, после того как ее герои и жертвы давно ушли из жизни. Кому и для чего понадобилось производство новых образов давно отшумевших событий? Какие этапы пережило это производство? Почему оказалось возможным заменить пережитую революцию революционными мифами? Какие факторы ускоряли или канализировали процессы коллективного воспоминания и забывания? Вот круг вопросов, которые будут освещены в этой статье. Чтобы ответить на них, я попытаюсь порознь проанализировать различные периоды обработки революционного прошлого в революционной России, в СССР и в Российской Федерации. Это чревато определенными упрощениями, поскольку отдельные тенденции продолжали действовать и за пределами сконструированных мною периодов. Известный схематизм в данном случае – неизбежная плата за ясное отделение друг от друга основных стратегий формирования образов революции и содержания этих образов, которые на разных этапах причудливо пересекались и комбинировались.

В истории работы над образами революции 1917 г. можно условно сконструировать следующие периоды:

- 1917–начало 1920-х годов – период ускоренного коллективного забывания;
- начало 1920-х–середина 1950-х гг. – институционализация коллективного поминовения Октябрьской революции;
- середина 1950-х–середина 1980-х гг. – время романтизации и рутинизации революции;
- середина 1980-х–середина 2000-х гг. – «плюрализм памяти без барьеров» (Андреас Лангеноль) [1, s. 312];
- с середины 2000-х гг. – патриотический поворот в интерпретации русской революции.

Прежде чем, в соответствии с постановкой вопросов, очертить содержание каждого из периодов, считаю необходимым сделать несколько предварительных теоретических замечаний и коснуться используемых здесь терминов.

Теоретические замечания

В 1925 г. автор одной из наиболее влиятельных в минувшем веке теории «коллективной памяти», вновь открытой более полувека спустя, французский социолог Морис Хальбвакс утверждал: «Индивид вызывает в памяти свои воспомина-

ния при помощи рамки социальной памяти. Иными словами, различные группы, на которые делится общество, в любой момент способны реконструировать свое прошлое. Но... они чаще всего одновременно и реконструируют, и деформируют его. Разумеется, есть немало факторов и деталей, которые индивид забыл бы, если бы другие не хранили память о них вместо него. Но, с другой стороны, общество может жить лишь при том условии, что между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство во взглядах. <...> Поэтому общество стремится устраним из своей памяти все, что могло бы разделить индивидов, отделять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия» [2, с. 336–337].

Некоторые тезисы М.Хальбвакса, в частности о том, что субъектом памяти выступает социальная группа, позднее подверглись критике. Но его положения, согласно которым индивидуальная память испытывает давление коллектива (не всегда осознаваемое индивидом), осуществляющего цензуру запоминания и забывания во имя обеспечения социальной интеграции, групповой и личностной идентичности, прочно вошли в современный репертуар социального и гуманитарного знания, в том числе профессионального исторического.

На теоретическое наследие Хальбвакса в значительной степени опирается, например, концепция «культурной памяти» современного немецкого историка Яна Ассмана, который в 1990-х гг. писал: «Понятие “культурная память” подразумевает одно из внешних измерений человеческой памяти. Со словом “память” ассоциируется прежде всего чисто внутреннее явление, локализованное в мозгу индивида, – феномен, подлежащий ведению физиологии мозга, неврологии и психологии, а не исторической культурологии. Однако содержательное наполнение памяти, организация ее содержаний, сроки, которые в ней может храниться то и другое, – все это определяется в очень большой степени не внутренней вместимостью и контролем, а внешними, т. е. социальными и культурными рамками» [3, с. 19].

Как и Хальбвакс, Ассман отодвигает индивида и его память – личную, биологическую, «коммуникативную», в его терминологии, – как свойство мозга на задний план, абсолютизируя «культурную память» – долговечную, поддерживаемую специальными, «посвященными» носителями с помощью праздников и ритуалов. Индивид в его концепции предстает марионеткой коллективных процессов припоминания и забывания.

Между тем в 1960-х гг. в рамках социологии повседневности Альфреда Шютца и социологии знания Питера Бергера и Томаса Лукмана получили развитие представления об активном социальном конструировании индивидом действительности, в том числе и действительности прошедшей – прошлого. Хотя повседневность представляет собой хрупкую «конструкцию на границе хаоса» [4, с. 111], человек воспринимает и переживает ее благодаря ряду регулирующих механизмов и структур как упорядоченную, длительную и устойчивую. Главную роль в поддержании стабильности воспринимаемой индивидом «субъективной реальности» играет его регулярная коммуникация с окружающими в устойчивой социальной среде. При этом прошлое и настоящее взаимосвязаны и взаимозависимы: представление о прошлом позволяет ориентироваться в настоящем, а изменения актуальной действительности неизбежно ведут к пересмотру прошлого. В условиях резко изменившейся реальности индивид «подгоняет» под нее свою автобиографическую исто-

рию: «...необходимой является радикальная реинтерпретация значения прошлых событий или лиц в собственной биографии. Поскольку гораздо легче выдумать то, что никогда не происходило, нежели забыть то, что действительно произошло, индивиду может понадобиться фабрикация и вставка в биографию событий – повсюду, где есть нужда в гармонизации воспоминаний с перетолкованием прошлого. Так как отныне господствующей и более достоверной выступает не старая, а новая реальность, то он может быть совершенно “честен”, осуществляя эту процедуру – субъективно он не лжет о прошлом, приспособлявая его к *единственной* истине, которая, разумеется, объемлет и настоящее, и прошлое» [5, с. 259–260].

Коллективная «единственная истина», которая «объемлет и прошлое, и настоящее», есть учредительный миф – еще один концепт и последнее понятие, важное для понимания трансформаций памяти. Согласно определению, «миф – это обосновывающая история, история, которая рассказывается, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [3, с. 55]. Вопрос о том, опирается ли эта история на факты, или она фиктивна, при таком определении мифа о происхождении утрачивает свое значение.

Исходя из приведенных теоретических посылок, можно интерпретировать миф как инструмент и стратегию целенаправленного забывания: миф шлифует прошлое, освобождая последнее от «ненужных» деталей, придавая ему смысл и нормативное звучание. Миф объединяет настоящее с прошлым и приоткрывает завесу будущего, обеспечивает идентификацию членов коллектива и тем самым поддерживает его целостность. Обновление мифа становится жизненно необходимым для группы в кризисные для нее периоды: «любой достаточно глубокий разрыв преемственности и традиции может повести к возникновению прошлого – в том случае, когда после такого разрыва предпринимается попытка начать сначала. Обновления, возрождения, реставрации всегда выступают в форме обращения к прошлому» [3, с. 33]. Государственное производство учредительных мифов является, таким образом, инструментом консолидации и мобилизации населения, орудием манипулирования гражданами.

1917–начало 1920-х. Вначале было забвение

В России вытеснение прошлого приняло характер коллективного забывания. Механизмы этого процесса можно описать как упомянутую выше ресоциализацию в духе П.Бергера и Т.Лукмана. Имеется в виду радикальная трансформация субъективного восприятия действительности, – процесс приспособления прошлого к радикально изменившемуся настоящему. В ранней Советской России для нее был характерен разрыв индивидуальной биографии на «до» и «после» 1917 года с реинтерпретацией прошлого как приготовления к новой жизни.

О восприятии какой действительности идет, однако, речь? Во время революции 1917 года и последовавшей в 1918–1920-х годах гражданской войны в России произошел цивилизационный обвал [6]. Для этого времени прежде всего было характерно беспримерное разрушение властных структур, безвластие, анархия. Бывшая Российская империя страдала от отпадения и перекройки территорий. В 1917–1918-х годах она потеряла Польшу, Финляндию, балтийские провинции, Украину, Белоруссию, Бессарабию, Кавказ, Среднюю Азию и Сибирь. Кроме того, революция и гражданская война нанесли сокрушительные удары по российской экономике.

Население пережило беспрецедентную инфляцию, разрушение рынка, дефицит продуктов питания, голод, бедность, репрессии со стороны сменявших друг друга режимов.

Это разрушило так называемые структуры поддержания правдоподобия, ответственные за сохранение прошлого. Прежде всего, была разрушена «нормальная» повседневность. Деформации или разрушению в силу различных обстоятельств подвергались те «референтные группы» – семья, дружеский круг, соседство, в которых индивидуум повседневно может «освежить» личные или групповые воспоминания.

Центральный аспект разрушения «нормальных» условий жизни и, в связи с этим, действенный фактор нагнетания неуверенности заключался в недостатке информации. Население – особенно с конца 1917 года – имело очень скромные возможности для создания более или менее полной картины «великих» событий в стране. К этому времени Россия превратилась в архипелаг самостоятельных регионов, каждый из которых был изолирован от остального мира. Непроверенные сведения об отдельных событиях не поддавались обобщению. Нельзя было с уверенностью знать, где и что происходит. Жизнь большинства современников напоминала унылое, серое, заброшенное поле без межевых камней. Эту пустоту было необходимо заполнить. Поэтому современники приняли с пониманием предложение большевиков представить жизнь во время революции как непрерывное и сознательное геройство. По этой причине переосмысление недавнего былого проходило не только «сверху», но и «снизу». Оно позволяло найти смысл неожиданно ставшей бессмысленной жизни и перекодировать и героизировать индивидуальный опыт.

Во-вторых, придание смысла происходящему (или прошлому) для ориентации в окружающем в чрезвычайной ситуации цивилизационного кризиса становилось вопросом жизни и смерти в буквальном смысле этого слова. В годы революции в решении этой проблемы были кровно заинтересованы и новые правители, испытывавшие дефицит собственной легитимности, и оживавшая и погибавшая в круговерти революционных потрясений общественность, и изнывавшее от непонимания происходившего население. Без новых учредительных мифов было невозможно восстановить целостность общества, преодолеть анархию, обеспечить лояльность населения.

Не удивительно, что и большевики, и их противники старались использовать любой повод для мифологизации прошлого. Частота праздников и их пышность во время революции и гражданской войны резко контрастировали с жалкими условиями существования населения и скромными ресурсами властей для их проведения.

Важность церемониальной коммуникации для легитимации режима с помощью мифов, ее нормативный и формативный характер подтверждаются точно регламентированной инсценировкой праздников. С первых дней революции 1917 года новые власти старались детализировать праздничные церемонии. О месте, времени и порядке праздничных мероприятий первые полосы официальных газет извещали подробно и заранее.

О роли праздника в революционной России как инструмента мифологической кодировки действительности свидетельствует превращение новых праздников в дни скорби. Этому способствовали сопровождение праздника символами траура – черными полотнищами и лентами, хвойными ветвями, а также обязательными по-

сещениями кладбищ и нараставшим аскетизмом торжеств. Фактически, новые власти с помощью праздничных церемоний создавали новый культ предков. Население должно было идентифицировать себя не с поколениями лояльных подданных российской короны, а с бунтарями против самодержавия, с борцами за свободу или за новый порядок.

В-третьих, в экстремальных условиях воспоминание о прежних временах становилось слишком рискованным. В революционной России каждый новый режим прокламировал свою деятельность как создание справедливого порядка из хаоса и анархии, перечеркивая прошлое, нормируя его и наполняя новыми мифами. В этих условиях даже невинное замечание о том, что раньше было лучше, могло квалифицироваться как серьезное политическое преступление. Было целесообразным забыть прежнюю жизнь или, по крайней мере, не обсуждать ее со случайными людьми.

Коллективное забывание шло в революционной России в форме мифологизации, в ходе которой старые мифы заменялись новыми. Ускоренное конструирование новых учредительных мифов облегчалось, в-четвертых, тем, что в Российской империи они были слишком гетерогенны, чтобы успешно выполнять консолидирующую функцию на всей ее территории. Официальная идеология и политика российского самодержавия опирались в XIX веке – в эпоху национализма – на наднациональные, династические и сословные принципы. Формирование национальных идентичностей воспринималось как серьезная опасность для стабильности империи. Культуры воспоминания русских и нерусских национальных движений функционировали прямо противоположно: они использовали неизбежно очень разные мифы в качестве инструментов оппозиционной мобилизации. Но и культурная память русских была чрезвычайно разнородной. Преобладавшая часть российского населения – прежде всего крестьянство – сторонилась чуждых для нее интеллигентских идентификационных предложений. Крестьянские мифы были не национальными или классовыми, а имперско-патриотическими и конфессиональными.

В-пятых, старые мифы утратили убедительность и связующую силу. Государство и общество вновь стояли перед вопросами о сути, происхождении и назначении коллектива. Дефицит идентичности обострял потребность в новых мифах.

Таким образом, базис для имплантации учредительного мифа о Великой Октябрьской социалистической революции к началу 1920-х гг. был хорошо подготовлен. До конца гражданской войны объединяющего учредительного мифа о революции еще не было, а революция в качестве идентификационного фактора не годилась. Пережитый опыт, однако, позволял радикально изменить ее историю. Неприятные переживания нужно было заменить героическими текстами.

Начало 1920-х – середина 1950-х. Институционализация коллективной памяти об Октябрьской революции

В начале 1920-х гг. революционный миф получил каноническую форму, хорошо знакомую каждому из ныне живущих бывших советских граждан. Позволю себе пространную цитату: «На протяжении восьми месяцев от февраля до октября 1917 года партия большевиков выполняет труднейшую задачу: она завоевывает большинство в рабочем классе, в Советах, она привлекает на сторону социалистической революции миллионы крестьян. Она вырывает эти массы из-под влияния мелкобуржуазных партий (эсеров, меньшевиков, анархистов), она шаг за шагом ра-

зоблачает политику этих партий, направленную против интересов трудящихся. Партия большевиков развертывает огромную политическую работу на фронте и в тылу, подготавливая массы к Октябрьской социалистической революции.

[...]

Возглавляемый партией большевиков, рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов, свержает власть буржуазии, устанавливает власть Советов, учреждает новый тип государства – социалистическое советское государство, – отменяет помещичью собственность на землю, передает землю в пользование крестьянству, национализировать все земли в стране, экспроприирует капиталистов, завоевывает выход из войны, – мир получает необходимую передышку и создает, таким образом, условия для развертывания социалистического строительства.

Октябрьская социалистическая революция разбила капитализм, отняла у буржуазии средства производства и превратила фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки – в собственность всего народа, в общественную собственность.

Она установила диктатуру пролетариата и передала руководство огромным государством рабочему классу, сделав его, таким образом, господствующим классом.

Тем самым Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества – эру пролетарских революций» [7, с. 152, 153].

Приведенная цитата извлечена из печально известного «Краткого курса истории ВКП(б)». Это был венец советской мифологизации прошлого, созданный при активном участии И.В.Сталина и впервые увидевший свет в 1938 г. Здесь налицо все компоненты советского мифа о Великой Октябрьской социалистической революции. Она представлена, во-первых, как сложный, хорошо спланированный и последовательно осуществленный целостный проект. Во-вторых, ее автор – Коммунистическая партия, которая всегда права и никогда не допускает ошибок. В-третьих, партия привлекла под свои знамена большинство населения, поскольку защищала интересы народа. В-четвертых, Коммунистическая партия бескомпромиссно боролась с другими социалистическими партиями – умеренными социал-демократами (меньшевиками) и защитниками крестьянских интересов – социалистами-революционерами (эсерами), которые якобы изначально были врагами революции и народа. Другими словами, в этом мифе хаос был заменен железным порядком, импровизации представлены как план, крупные ошибки замолчаны или интерпретированы как запланированные маневры.

Помимо прочего, мифологизация Октябрьской революции позволила вытеснить из коллективной памяти Первую мировую войну. Поскольку Первая мировая война для России не окончилась, а плавно перешла в войну гражданскую, проигранная мировая война попала в тень победоносной революции, которая и стала учредительным мифом Советского Союза: «Участие России во всемирной истории XX века проистекало... только из революции 1917 года и родившейся из нее гражданской войны. Революция создавала из русской перспективы параллельную логику всемирной истории, которая не нуждалась в Первой мировой войне, чтобы объяснить причины Второй мировой» [8, с. 267].

Что же произошло в начале 1920-х годов, что позволило изменить до неузнаваемости представление о революции еще при жизни ее участников и очевидцев?

По окончании революции в России мифологизация недавнего прошлого приобретала особую актуальность. Нужно было представить революцию так, чтобы жертвы и лишения последних лет не казались бессмысленными. В этом контексте объяснимы усилия современников подвести черту под превратившимися в прошлое революцией и гражданской войной.

Воспоминания о революции в сталинский период были упорядочены и институционализированы. Во-первых, была создана официальная матрица для филтрации воспоминаний свидетелей революции. Насколько мне известно, впервые она была использована во всероссийском масштабе во время празднования пятилетия Октябрьской революции. Воспоминания канализировались с помощью специальных вопросников. В них перечислялись вопросы, посвященные исключительно участию в большевистских организациях или во всероссийских «великих» событиях, особо важных для большевиков [9, л. 50, 51, 70, 71]. В 1920-е годы организованные таким образом вечера воспоминаний стали неотъемлемой составляющей празднования годовщин Октябрьской революции.

Просеивание воспоминаний очевидцев было поручено специально созданной в 1920 г. с этой целью Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (сокращенно Истпарт). Это было автономное исследовательское учреждение, которое в 1920-е гг. (а в регионах СССР до конца 1930-х гг.) собирало, хранило, «научно» обрабатывало (в том числе и подвергало цензуре) и опубликовывало мемуары участников революции.

Так сбор воспоминаний стал большим государственным проектом. Помимо прочего, Истпарт готовил и анкеты для вечеров воспоминаний. К пятилетию Октябрьской революции Истпарт подготовил конспекты-минимумы для мемуаров, которые очевидцы собирались писать о революции и гражданской войне. Они содержали вопросы, аналогичные вопросам анкет для вечеров воспоминаний, создавая тем самым удобную матрицу для героизации коллективного и индивидуального прошлого.

На сложности конструирования прошлого как основы для формирования идентичности указывает тот факт, что каноническая история лишь в 1934 г. стала обязательным предметом для преподавания в школе и университете. Как уже упоминалось, лишь в 1938 г. при активном участии был создан стандартизированный универсальный учебник по истории революции [7].

Мифологизация прошлого была нацелена, помимо прочего, на достижение однозначности в истории. От нежелательных воспоминаний следовало избавиться, а значит и от их носителей. Для этого служили, например, знаменитые сталинские ретуши [10]. С изображений постепенно исчезали конкуренты Сталина в партии, которые большей частью были физически истреблены в годы Большого террора 1930-х гг. Большинство из них принадлежало к организаторам и активным участникам революции и гражданской войны. Так, после высылки из СССР с фотографий исчез Л.Д.Троцкий, действительный руководитель, наряду с В.И.Лениным, большевистского захвата власти в Петрограде и организатор Красной Армии. Сам Ленин, основатель и лидер большевистской партии, на фотографиях, на плакатах и в фильмах 1930-х гг. превратился в добродушного «дедушку» и советника Сталина. Сталин стал вождем революции.

Празднование Октябрьской революции тоже все строже регламентировалось. В 1927 году 7 и 8 ноября были объявлены праздничными днями. Военные парады стали неотъемлемым компонентом годовщин Октябрьской революции [11].

Октябрьская революция, переименованная в 1927 г. в Великую Октябрьскую социалистическую, превратилась в базовый миф о происхождении СССР, объединивший прошлое, настоящее и будущее. Дореволюционное прошлое стало предисторией «Великого Октября». Этот образ Октябрьской революции оставался неизменным до смерти Сталина, а некоторые его компоненты сохранились почти нетронутыми до краха Советского Союза.

Середина 1950-х–середина 1980-х. Романтизация и рутинизация революции

Со смертью Сталина рамка коллективных воспоминаний о советском прошлом, в том числе об Октябрьской революции, радикально изменилась. В СССР периода хрущевской оттепели по инициативе высшего руководства начался короткий период публичного обсуждения связанных с именем Сталина «неудобных страниц» советского прошлого, прежде всего – большого террора 1937–1938 гг. При этом Октябрьская революция стала удобным инструментом критики Сталина. Революция и Ленин были переосмыслены заново: Октябрьская революция и гражданская война были романтизированы, революция была восславлена как ленинский проект «подлинного» коммунизма, от которого Сталин якобы отступил, опорочив революцию кровавым и необоснованным насилием. Эта интерпретация инструментализировала версию революции, предложенную Троцким, без упоминания и реабилитации его имени.

Романтизация революции позволяла Н.С.Хрущеву репрезентировать себя в качестве «подлинного» революционера и продолжателя «дела Ленина». На короткое время критики сталинского прошлого из рядов писателей и художников стали союзниками Хрущева. Романтическая интерпретация Октябрьской революции нашла отражение в фильмах и песнях 1960-х гг.

Параллельно с этим процессом и особенно с середины 1960-х гг. миф Октябрьской революции начал бледнеть и уступать место другому событию – Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – в качестве учредительного мифа. Несколько факторов облегчали этот процесс. Во-первых, политика Л.И.Брежнев в 1970-е гг. попала в идеологически сложную ситуацию. Невозможность построить в Советском Союзе коммунизм к 1980 г., как было обещано Программой КПСС 1961 г., была очевидной. Поэтому брежневское руководство решило апеллировать не к «светлому будущему», а к вновь отретушированному «славному прошлому».

Во-вторых, руководство опасалось, что разрешенная в середине 1950-х гг. критика преступлений Сталина выйдет из-под партийно-государственного цензурного контроля. Чтобы остановить антисталинскую критику, следовало показать относительность ошибок Сталина и оправдать их. Победа Советского Союза во Второй мировой войне подходила для этой цели как нельзя лучше. Официальная пропаганда стала славить советское былое без Гулага и насилия, но с мудрым полководцем Сталиным.

Одновременно, в-третьих, началась смена поколений у кормила власти. Поколение участников революции и гражданской войны покидало активные социаль-

ные позиции. В советских литературных произведениях и художественных фильмах гражданскую войну с рубежа 1950-х–1960-х гг. стали интерпретировать не только как славную борьбу, но и как трагедию. Противников большевиков даже стали изображать с симпатией¹ [12].

В-четвертых, потускнение революционного мифа не было совершенно новым явлением. Первые тенденции к этому наметились еще в 1930-е гг., когда в советских школах и вузах было введено преподавание русской истории. Дореволюционная история была наполнена «великими» правителями и полководцами, тем самым все меньше выполняя функцию предыстории Октября.

Все это облегчало замену Великой Октябрьской социалистической революции Великой Отечественной войной в качестве учредительного мифа. Так победа 1945 г. через 20 лет стала главным символом славного и победоносного прошлого. День победы 9 мая в 1965 году был объявлен праздничным днем.

Однако одновременно этот поворот означал известную рутинизацию Октябрьской революции. Революционные лозунги и символы на фасадах советских зданий граждане давно перестали замечать. Герои Октябрьской революции, в том числе сам Ленин, стали героями анекдотов. Обязательное участие в праздничных демонстрациях 7 ноября становилось в тягость. Чтобы уговорить заводских рабочих нести на демонстрации красные знамена или транспаранты с коммунистическими лозунгами, администрация или профсоюзы должны были пообещать дополнительные свободные дни или премию. В позднем СССР Октябрьская революция все сильнее утрачивала силу убедительности в качестве фактора поддержания советской идентичности.

Середина 1980-х–2004. «Плюрализм воспоминаний без барьеров»

«Перестройка» второй половины 1980-х гг. при М.С.Горбачеве, распад Советского Союза и запрет КПСС в 1991 году, дистанцирование Российской Федерации в эпоху Б.Н.Ельцина от советского наследия – все это в очередной раз радикально изменило рамку коллективной памяти в России. Дискурсы о российско-советском прошлом, включая воспоминания об Октябрьской революции, характеризовало отсутствие объединяющей и ограничивающей рамки, названное немецким социологом Андреасом Лангенолем, «плюрализмом воспоминаний без барьеров» [1, с. 312]. Возникшее под руководством Сталина и на протяжении десятилетий господствовавшее догматическое толкование Октябрьской революции утратило прежний авторитет, но во время «перестройки» по-прежнему было в ходу. Наряду с ним популярная при Хрущеве критически-коммунистическая интерпретация Октябрьской революции как преданной Сталиным демократической революции снова стала актуальной. Эту версию активно защищал Горбачев. С этими образами революции все более успешно конкурировали либеральные, националистические и имперские интерпретации революции, которые были возвращены в «перестроечный» СССР и Российскую Федерацию 1990-х гг. с эмигрантской и диссидентской литературой от Н.А.Бердяева до А.И.Солженицына. Они толковали Октябрьскую революцию либо как разрыв с универсальными (читай – либеральными и демократическими) перспективами развития человечества, либо как осуществленное на немецкие деньги

¹ См., например, художественные фильмы «Сорок первый» (1956), «Служили два товарища» (1968), «Адъютант его превосходительства» (1969).

преступление против русской нации (правонационалистическое общество «Память»), либо, наконец, как возрождение славных имперских исторических позиций. Последнюю версию инструментализировала созданная Г.А.Зюгановым Коммунистическая партия Российской Федерации. Конкурировавшие образы революции воплощали «одновременность разновременного» (Эрнст Блох) позднесоветской и ранней постсоветской истории.

Плюрализм воспоминаний отразился и в противоречивых решениях о праздновании годовщин Октябрьской революции. Последний в СССР военный парад на Красной площади в Москве состоялся в ноябре 1990 г. После путча в августе 1991 г. КПСС была запрещена. Режим Ельцина дистанцировался от социалистических мифов и связанной с ними праздничной символической коммуникацией. День Октябрьской революции 7 ноября с 1991 г. больше официально не праздновался. По этой же причине день международной солидарности трудящихся (1 мая) в 1990-е годы был рабочим днем. С 1992 года 8 ноября стал рабочим днем, но 7 ноября оставалось выходным.

Это повысило значение Великой Отечественной войны как последнего места памяти, которое должно было цементировать российское общество. Октябрьская революция впервые официально попала в тень войны, когда в 1995 году 7 ноября было объявлено Днем воинской славы. С тех пор в этот день на Красной площади в память о праздновании 24-й годовщины Октябрьской революции (1941) проходят военные парады. Историческим аргументом в пользу этого нововведения стал тот факт, что войска и техника, принимавшие 7 ноября 1941 г. участие в параде в Москве, прямоком направлялись на фронт, чтобы принять участие в успешном контрнаступлении Красной Армии под Москвой.

В 1996 г. день Великой Октябрьской социалистической революции был переименован в День согласия и взаимного примирения. Празднование победы большевиков над противниками должно было уступить место трауру обо всех жертвах гражданской войны, вне зависимости от политической принадлежности. Однако на этом история коллективной памяти об Октябрьской революции не закончилась.

*С середины 2000-х годов. Патриотический поворот
в интерпретации российской революции*

Время с 2005 года отмечено новым поворотом в толковании революции 1917 г. К началу XXI века от убедительности мифа об Октябрьской революции и гражданской войны, легитимирующего коммунистическую идею, в российском обществе не осталось почти ничего. В конце 2004 г. день Октябрьской революции (7 ноября) был отменен и заменен празднованием Дня военной славы России и народного единства 4 ноября. День Октябрьской революции был объявлен рабочим днем.

Новая расстановка акцентов вряд ли является случайной. Она маркировала патриотический поворот в официальной российской политике прошлого. Историческим поводом для учреждения нового праздника стало изгнание русскими ополченцами польских войск из Москвы в 1612 г., что стало решающим пунктом в завершении Смутного времени в Московском царстве, едва не утратившем государственную независимость. Ополченцы, согласно легенде, вступили в схватку с поляками, осененные иконой Казанской божьей матери, день которой Русской Православной

церковью также отмечается 4 ноября. То, что в полиэтнической и мультиконфессиональной Российской Федерации государственным праздником стал православный религиозный праздник, особо не акцентируется, но в свете усиления православной церкви кажется весьма симптоматичным.

Полезную матрицу для нового истолкования Октябрьской революции официальная историческая политика в Российской Федерации заимствует из импортированных конспирологических интерпретаций Первой мировой войны и русской революции консервативным крылом эмиграции почти 100-летней давности. Речь идет о русском варианте распространенной в Германии послевоенной легенды об «ударе ножом в спину» – об Октябрьской революции как путче предателей-большевиков. Этот образ революции был очень популярен среди антибольшевистски настроенных бывших офицеров царской армии, многие из которых в 1917–1920 гг. встали под знамена «белого движения» и воевали против советской власти. Согласно этой версии, Брест-Литовский сепаратный мир, заключенный большевистским правительством в 1918 г. с Германией, интерпретируется как национальное предательство. Это весьма популярное в эмиграции толкование исходило из того, что русская армия была успешна в военных кампаниях и не потерпела поражения на полях мировой войны. Эмиграция обвиняла, таким образом, большевиков за провал России в Первой мировой войне.

Негативное толкование революции парадоксальным образом сочетается с позитивной оценкой советского имперского прошлого, конец которого президент В.В.Путин в послании Федеральному собранию в апреле 2005 г. оценил как «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века» [13]. Центральным пунктом патриотического поворота стало окончательное превращение Великой Отечественной войны в единственный учредительный миф Российской Федерации. Это обеспечивает большие преимущества российской политике прошлого. Прежде всего, коллективная память оказывается связанной, пользуясь метафорой российского социолога Льва Гудкова, «оковами победы» [14, с. 56]. Победа над Германией оправдывает тоталитарное сталинское прошлое, что позволяет нынешнему российскому правительству без труда «убедить граждан, что управляемая демократия и есть подлинная демократия» [15, с. 383].

При этом коллективная память о Великой Отечественной войне имеет очевидные имперские черты. Российская Федерация позиционирует себя как хранительница «подлинного» прошлого на постсоветском пространстве, и большинство конфликтов по-разному понимаемого прошлого касаются, как правило, именно тех наций, которые в царской империи и Советском Союзе якобы продемонстрировали свою нелояльность. Среди них в XVIII и XIX вв. многократно восстававшие поляки, культурно связанные с ними украинцы или участники долгой кавказской войны в XIX в. Не случайно именно эти народы особенно пострадали от сталинского террора. К парадоксам истории следует отнести то, что как раз этих-то наций современная российская политика прошлого с удовольствием лишила бы права на критику совместно пережитого прошлого.

Итог

Приключения образов российской революции на протяжении столетия в Советском Союзе и Российской Федерации можно в заключение объяснить тремя центральными, на мой взгляд, факторами: во-первых, описанными выше регулярными обрывами преемственности и традиций; во-вторых, недостатком легитимности правителей; в-третьих, регулярными периодами дезориентации населения.

Взаимодействие этих факторов наглядно демонстрирует периодическая апелляция к Октябрьской революции ведущими советскими политиками в критических и переломных ситуациях. Симптоматично, что революция была объявлена «великой» и «социалистической» в 1927 г., в момент победы Сталина над Троцким; сталинская версия революции стала общепринятой в 1938 г., на исходе Большого террора; Хрущев противопоставлял себя Сталину в качестве «подлинного» революционера и продолжателя дела Ленина; а Ельцин приобрел имидж непримиримого оппозиционера, выступив против Горбачева в 1987 г. на ноябрьском пленуме ЦК КПСС, посвященном очередному юбилею Октябрьской революции.

Октябрьская революция вместе с последними годами существования Российской империи и первыми годами советской власти, т. е. годы мировой и гражданской войн, изменилась до неузнаваемости уже при жизни их участников и свидетелей. И во время революции, и после ее окончания «сверху» и «снизу» то и дело прилагались усилия к тому, чтобы приспособить революционное прошлое к нестабильному настоящему и тем самым осветить (и освятить) актуальное положение его происхождением. Но поскольку жизнь в России остается сложной, поскольку перечисленные выше факторы регулярного истолкования прошлого заново остаются в силе, любой прогноз о будущем образов революции в российском коллективном воспоминании оказывается ненадежным. Кто знает, что еще может случиться с революцией 1917 г. в недалеком будущем?

*(В основе статьи лежит лекция, прочитанная 13.10.2016 г.
на курсах повышения квалификации учителей в Политической академии
образования, г. Тутцинг, Германия).*

Список использованных источников

1. Langenohl A. Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des neuen Russland, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 345 s.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Berge, P., Luckmann, T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 218 s.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
6. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 632 с.
7. История всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М. : ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. 352 с.
8. Katzer N. Russlands Erster Weltkrieg. Erfahrungen, Erinnerungen, Deutungen, in: Nordostarchiv. 2009. Bd. XVII. S. 267–292.

9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 596. Оп. 1. Д. 2.
10. Кинг Д. Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в Сталинскую эпоху. М. : Контакт-культура, 2012. 208 с.
11. Рольф М. Советские массовые праздники. М. : РОССПЭН, 2009. 439 с.
12. Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск : Челябинский дом печати, 2008. 392 с.
13. Послание президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2005 год // URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2005_god.html (дата обращения: 30.01.2017).
14. Gudkov L. Die Fesseln des Sieges. Russlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg, in: Osteuropa 55 (2005). № 4–6. S. 56–72.
15. Баберовски Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М. : РОССПЭН, 2014. 488 с.

УДК 82.09

«Передовой боец славянофильства» (о жизни, трудах и наследии К.С.Аксакова)

«...в натуре Константина Сергеевича Аксакова не было ничего схожего с натурою Сергея Тимофеевича. Он, как говорится, весь был в мать. Весь нравственный строй его существа, возвышенность помыслов и стремлений, суровость в отношении к себе, строгость требований, элемент доблести и героизма – все это заложено было в него матерью...» [1, с. 12]
И.С.Аксаков

В 2017 г. исполняется 200 лет со дня рождения Константина Сергеевича Аксакова, родившегося 29 марта (10 апреля) 1817 г. в селе Ново-Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии. Константин (или, как звали его родные, Косточка, Конста) – старший сын С.Т.Аксакова (1791–1859) и О.С.Аксаковой, урожденной Заплатиной (1792–1878); старший брат Веры (1819–1864), Григория (1820–1891) и Ивана (1823–1886) Аксаковых. Всего в этой большой семье было 14 детей [2–6].

К.С.Аксаков – филолог (лингвист, фольклорист, поэт, переводчик, прозаик, драматург, литературный критик), историк (источниковед), публицист, редактор-издатель, политический и православный мыслитель, философ, идеолог раннего славянофильства и общественный деятель.

Детские годы Кости прошли в южном Предуралье на степных просторах Оренбуржья и Башкирии. Четыре года (1822–1826) аксаковская семья прожила в селе Надёжино (Куроедово, Дмитриевское) Белебеевского уезда Оренбургской губернии [7, с. 27–29]. В настоящее время в селе Надеждино Белебеевского района

Республики Башкортостан восстановлен усадебный дом, в котором действует музей семьи Аксаковых. Именно здесь, в глубине России, у Аксакова зародилась любовь к родной земле и ее истории, именно в Надёжине Константину приснились «площадь Красная и Минин Весь в цепях перед Кремлем». Н.М.Павлов придавал этому «вещному сну» большое значение: «Не этот ли самый сон, виденный еще в детстве, в сельской глуши Поволжья, тяготил его и преследовал потом всю жизнь даже до могилы?» [8].

В 1826 г. семья Аксаковых переехала в Москву, где Константин прожил за редкими исключениями практически безвыездно в течение почти всей своей жизни. До 15 лет Константин воспитывался дома. Особенно он любил чтение русской истории и в своих играх изображал из нее вместе с братьями и сестрами разные эпизоды в лицах. Первые поэтические опыты Константина не сохранились. Из дошедших до нас стихов самые ранние написаны, когда юному поэту было примерно десять–двенадцать лет.

В 1832–1835 гг. Константин обучается на словесном отделении Московского университета (в то время полный университетский курс проходили именно за три года) и одновременно входит в кружок студентов и молодежи (1832–1837), объединявшихся вокруг Н.В.Станкевича [9]. К студенческим годам относится пробуждение серьезного интереса к поэзии. Известно около сорока его стихотворений тех лет. Некоторые из них печатались в «Телескопе», «Молве», позднее – в «Московском наблюдателе»; они обратили на себя внимание читателей и вызвали положительные отзывы В.Г.Белинского.

В год окончания Аксаковым университета появляется его первая публикация – отрывок из неоконченной к тому времени драматической пародии «Олег под Константинополем» [10], напечатанный в газете «Молва» (литературном приложении к журналу «Телескоп»), главным сотрудником которой был Белинский, представивший читателям нового автора как человека «с необыкновенным поэтическим дарованием». В это же время Константин был увлечен немецким романтизмом, поэтикой метаморфоз, видений, тайн, «роковых встреч», «потусторонним», что и получает отражение в его творчестве. А в июне–октябре 1838 г. даже совершил своеобразную поездку-паломничество в Германию и Швейцарию. Впечатления, вынесенные из этой поездки, укрепили его в страстной приверженности к немецкой культуре.

В 1836–1838 гг. Константин пережил увлечение своей кузиной Машей Карташевской, которой он посвятил две фантастические повести, написанные в гофмановской традиции, – «Облако» и «Вальтер Эйзенберг». Платонические отношения с М.Г.Карташевской были насильственно прерваны родителями, что укрепило целомудренность Аксакова, сделав аскетизм одним из его важнейших жизненных принципов.

В 1839 г. Константин написал обширную статью «О грамматике вообще (по поводу грамматики Белинского)». Однако уже в начале 1839 г. в отношениях между Аксаковым и Белинским наметилось охлаждение, переросшее затем в противостояние. В то же время все теснее Аксаков начинает сближаться сначала с Ю.Ф.Самариным (зимой 1838–1839 гг.), вместе с которым они параллельно несколько лет писали магистерские диссертации, а затем, с начала 1840 г., и с лидером «славянофильской партии» А.С.Хомяковым. Аксакову же и Белинскому уже в 1842 г. при-

шлось выяснять свои отношения в публичной дискуссии по поводу гоголевских «Мертвых душ». На фоне разнотолков о новой поэме совершенно особое место заняла изданная Константином брошюра [11]. В разборе этого сочинения Аксаков предположил, что именно Русь есть тайное содержание всей поэмы.

Далее, 1840-е годы – это время напряженных творческих исканий Аксакова, но крайне редких выступлений в печати. Славянофилы не имели ни собственной типографии, ни своего печатного органа, а их, как правило, острополюемические статьи, стихи, послания отпугивали редакторов газет и журналов, распространяясь устно или в рукописном виде.

Со времени полемики с Белинским до появления в 1846-м магистерской диссертации (цензурное разрешение 12 декабря 1845 г.) Аксаковым не было опубликовано ни одной крупной статьи. Поэтому большое значение имеет поэтическое творчество Аксакова этого периода. Так, в стихотворении 1843 г. «Возврат» поэт говорит, что оторванные «могучею рукою Мы бросили отечество свое». Теперь же: «Пора домой!», к ждущей родной земле, великой именно «в страдании немом».

Наибольший успех в эти годы выпал на долю стихотворения Аксакова «Союзникам» (1844), ставшего (наряду со стихотворением Н.М.Языкова «К не нашим») своего рода объявлением войны всем «западникам»: «На битвы выходя святые, Да будем чисты меж собой! Вы прочь, союзники гнилые, А вы, противники, – на бой!». В это время Константин явился инициатором оригинальной формы пропаганды славянофильских идей, которая заключалась в отказе от западноевропейских фасонов одежды – сюртуков, шляп, фраков и т. п. – и демонстративном ношении национального платья. Он сшил себе по древнерусским образцам длиннополый зипун – «святославку», и головной убор – «мурмолку, отпустил бороду, считая, что она «есть часть русской одежды», отнятой у нас по приказу Петра I, и, начиная с осени 1843 г., стал появляться на московских улицах и в обществе в таком виде, а порою еще в сапогах и красной рубахе.

На рубеже 1845–1846 годов Константин, весьма критически относясь к слову «славянофил», следующим образом обосновал возможность и неизбежность принятия этого прозвища: «Кто не славянин, тот конечно не русский. Кто смеется над какими-то славянофилами или славянолюбцами, тот, конечно, сам славян ненавидит, а кто ненавидит род, ненавидит и вид, кто ненавидит славян – ненавидит и русских». Здесь же Аксаков наметил и пять признаков принадлежности к славянофильскому учению. Общее, что сближает их: «основа всего духовного, разумного и нравственного бытия нашего хранится в нашей Православной Церкви»; сочувствие древней Руси; сочувствие русскому народу; любовь к Москве; сочувствие к «племенам славянским». Именно Аксаков немало способствовал тому, что понятия «славянофил» и «славянофильство» вошли в русскую социально-политическую лексику, а с конца 1850-х гг. стали общеупотребительными [12, с. 31; 13, с. 12].

В апреле 1846 г. в газете «Московские ведомости» (№ 39) появилась по тем временам довольно смелая статья Аксакова «Семисотлетие Москвы». В ней он писал о мессианской роли Москвы в истории России. Москва, по Аксакову, выразила стремление Русской земли слиться в единое целое, храня святую Русь. Одновременно Аксаков выражал нелюбовь к Петру I за уход от Москвы и, разделяя общественные настроения о переносе столицы обратно в Первопрестольную, высказывал

твердое убеждение в том, что, несмотря на основание новой столицы, «матушка-Москва» по-прежнему остается истинной и вечной столицей Святой Руси.

В конце 1846 г. Аксаков издает и 6 марта 1847 г. защищает диссертацию на степень магистра русской словесности. В диссертации были намечены контуры социально-политической концепции Аксакова: обосновано положение об «исключительной национальности» русского народа, выражавшейся в любви к отечеству, которую уничтожил Петр Великий и «сознательном возвращении к себе», начало которому положил Ломоносов; высказаны тезисы о великой роли православия в становлении «политического тела» России, идея исторического разделения русской жизни на «земский» и «государственный» элементы, единство которых выразила Москва [14]. Перед молодым ученым открывается дорога на кафедру. В Московском университете вакансий не было, поэтому ему предложили место в Киевском университете. Но покинуть отчий дом было выше его сил. Константин остается в Москве и целиком отдается литературной деятельности.

В 1846–1847 развернулась полемика между К.С.Аксаковым и Ю.Ф.Самариным, с одной стороны, и В.Г.Белинским, К.Д.Кавелиным и другими представителями западников – с другой. Полемика касалась петровских реформ и их последствий для развития России. В этом споре К.С.Аксаков занял вполне определенную позицию самого строгого и категоричного критика деяний Петра I и его апологетов.

1848 год – год европейских революций – стал переломным в судьбе славянофильского мыслителя. В письме к Гоголю (1848) по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Аксаков сообщал о себе: «<...> я много переменялся <...>. Я оставил Немецкую философию; Русская жизнь и история стали мне ближе; и главное, основное для меня то, о чем вы думаете и говорите – Вера, Православная Вера». Именно после 1848 г. славянофильская идеология в целом претерпела существенные изменения. Если до этого времени славянофилы признавали себя деятелями по преимуществу литературными, то после 1848 г. направленность их деятельности меняется – литературное славянофильство эволюционирует в социально-политическом направлении. Именно в это время Аксаков, противопоставляя безбожному, республиканскому, революционному Западу Россию, высказывает идею о том, что русская самобытность обусловлена единством православной веры и монархического правления.

Аксаков осознает, что ему выпало сыграть роль «передового бойца», быть стрельщиком в борьбе за идеалы нового литературно-общественного движения, о чем прямо скажет в стихотворении «9 февраля (1848 г.)»: «Глас народа зовущий я слышал, И на голос откликнулся я...». В драме «Освобождение Москвы в 1612 году» (начата в 1845 г.), где большое место занимали массовые сцены, народ выступал главным героем и сквозной была мысль: «Глас народа – где божий» [15]. Сразу же после премьеры 15 декабря 1850 г. на сцене Московского Малого театра драма была запрещена. Не получает одобрения для постановки и печати и следующее драматическое произведение Аксакова, в котором развенчивалось представление о «темноте» и «невежестве» русского крестьянина в глазах воспитанного за границей барича [16].

Пристальное внимание цензуры вынуждает Аксакова искать новые сферы приложения своих сил. Он обращается к древнейшему периоду истории России (статьи «Родовое или общественное явление было “изгой”?» (1850); «О древнем бы-

те у славян вообще и у русских в особенности» (1852); «О состоянии крестьян в Древней Руси» (1852–1856; опубл. в 1861 г.) и др.). Продолжает филологические исследования – в 1855 г. после цензурных мытарств отдельной брошюрой выходит его статья «О русских глаголах», где помимо чисто филологических тонкостей Аксаков дает и свое понимание более общих вопросов [17].

Смерть Николая I и процесс демократизации общественной жизни приводит к ослаблению цензурных преследований славянофилов. Наступило время для публицистической деятельности Аксакова, которая началась в 1855 г. «Запиской (О внутреннем состоянии России)», поданной через посредников Александру II и опубликованной братом Иваном спустя четверть века [21]. В «Записке» Аксаков считал своим долгом сказать «всю истину о России». То есть это было не просто изложение своего понимания «внутреннего состояния» страны, а квинтэссенция его воззрений. В записке содержалась резкая критика «угнетательной системы нашего правительства» и предлагались меры, необходимые для восстановления «древнего отношения государства и земли (народа)»: уничтожение крепостного гнета, созыв представительного – от всех сословий – совещательного Земского Собора, обеспечение свободы слова, мнений и т. д.

Эта записка, которую некоторые исследователи считают политическим манифестом не только самого К.С.Аксакова, осуществившего «общую концептуализацию политологии славянофильства», является важнейшим документом социально-политического творчества русского мыслителя. Именно в этой записке разрозненные элементы концепции, идеи, высказанные им ранее в разных работах, были приведены в определенную систему.

Славянофилы получают разрешение на издание собственного журнала «Русская беседа» [18], а затем и газеты «Молва» [19], самым активным сотрудником которых становится Аксаков. Уже в первых книжках нового журнала появляются его статьи «О русском воззрении» и «Еще несколько слов о русском воззрении» (1856), где остро ставилась проблема самостоятельности «нашей умственной деятельности».

Продолжилась деятельность Аксакова-публициста серией передовиц на страницах газеты «Молва» (№ 1-22), в которых из номера в номер излагались основы славянофильского учения [20]. Именно здесь Аксаков впервые в русской периодике ввел новую форму подачи журналистского материала – передовую статью. По сути, эти статьи представляли читателю квинтэссенцию славянофильского «русского воззрения». Однако и в этом случае (под воздействием цензурного гнета) Константину пришлось остановить издание газеты.

И опять единственно возможными для него остаются лишь две научные сферы деятельности – отечественная история и филология. Он откликается на выход каждого очередного тома «Истории России» С.М.Соловьева, собирает материалы для «Истории очерка Земских Соборов», выступает с обстоятельным «Критическим разбором “Опыта исторической грамматики русского языка” Ф.Буслаева» (1859), увлеченно работает над собственным «Опытом русской грамматики», считая этот труд чуть ли не главным делом своей жизни, но не успевает его завершить [22].

Наконец, нельзя не упомянуть об инициативе Аксакова по возрождению в 1858 г., после более чем двадцатилетнего перерыва, Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете и о его активной деятельности в рамках этого Общества [23].

В апреле 1859 г. умирает С.Т.Аксаков. Привязанность сына к отесеньке была столь велика, что он не смог перенести утраты. Охватившая его невыносимая тоска вскоре перешла в чахотку. Богатырского телосложения, полный сил, здоровья, Аксаков начал таять на глазах, и в августе 1860 г. вынужден был поехать лечиться за границу.

Иван Аксаков 16 мая 1860 г. в письме к Н.С.Соханской дал следующую характеристику брату: «...это человек, никогда, ни разу не сомневавшийся в своих убеждениях, сжившийся с ними так цельно, что не отделить, ни предположить одного без другого нельзя; человек очень добрый и нежный по природе, но по принципам своим неумолимо-строгий и ревниво блюдуший чистоту начал. Он в этом отношении строже всех нас. В нем противоречия между жизнью и словом нет. Жаль только, что сама жизнь, жизнь практическая, бытовая, вообще жизнь, ему почти не знакома. Он меня старше восемью годами почти, но я его старше опытностью, знанием жизни, людей, бывалостью. Характерами мы вовсе не сходны, но я должен сказать по совести, что он несравненно выше меня стоит в нравственном отношении, и несравненно больше меня сделал» [24, с. 169].

Последние дни Константина прошли на греческом о. Занте (Корфу), в окружении маменьки, двух сестер и брата Ивана. Здесь 7 декабря 1860 г. он и скончался. Прах Аксакова был перевезен родными в Москву и 3 января 1861 г. похоронен рядом с могилой отца.

Говоря о наследии «передового бойца славянофильства» важно отметить, что цензурный гнет, преследовавший Аксакова многие годы, привел к тому, что большая часть его публицистических, исторических, литературно-критических работ, стихотворных опытов так и не попала в печать при жизни автора. Поэтому сразу же после его смерти брат Иван стал готовить к публикации его произведения.

В 1861 г. выходит в свет первая посмертная книга Константина [25]. В ней речь идет о его замечаниях на восемь докладов административного отделения Редакционных Комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Критически осмысливая содержание этих документов, Аксаков формулирует собственную программу, которая продолжала начатое в его записке «О внутреннем состоянии России».

В начале 1862 г. вышел из печати 1-й том полного собрания сочинений Константина Сергеевича, в предисловии к которому Иван Аксаков писал: «Мы надеемся, со временем, издать и следующие тома сочинений К.С.Аксакова, именно: 2 том, заключающий в себе статьи разного содержания, преимущественно по современным общественным вопросам, 3 том, который будет содержать его художественные произведения в стихах и прозе; 4 и 5 тома, в которых будут помещены его диссертация о Ломоносове и труды по Русской филологии; 6-й том, в котором будут собраны его письма и сочинения, почему-либо не вошедшие в первые пять томов» [26, с. VII].

Однако в связи с цензурными ограничениями Ивану удалось издать только три тома. В 1 том вошли «сочинения исторические», представленные далеко не в полном объеме [26]; 2 том составили магистерская диссертация и статьи по лингвистике [27]. В предисловии к этому тому И.Аксаков пишет: «При существующих у нас цензурных условиях *полное* издание сочинений Константина Сергеевича по отделу публицистики и художественному еще невозможно покуда без тех урезок и

переделок “рукою властною”, которых мы, конечно, с своей стороны, допустить не желаем, да и не имеем на это права» [27]. А 3 том представлен незавершенным «Опытом русской грамматики», подготовленным к изданию П.А.Бессоновым [28].

В.А.Кошелев отмечает, что «...значительная часть наследия К.Аксакова осталась в незавершенных, не обработанных автором рукописях: подготовка их к изданию требовала больших профессиональных усилий». Ряд таких рукописей сумел подготовить и опубликовать в свих газетах И.Аксаков: «Наша литература» («День». 1861. № 1), «Воспоминания студенства» («День». 1862. № 39-40), «О внутреннем состоянии России» («Русь». 1881. № 26-28), «О современном литературном споре» («Русь». 1883. № 7), «О современном человеке» («Русь». 1883. № 8, 12, 13) и др. [33, с. 487]. В 10 номерах газеты «Русь» за 1880–1882 гг. были опубликованы и стихотворения Константина [29].

В начале XX века Е.А.Ляцким была предпринята попытка научного издания сочинений Аксакова, но он успел опубликовать лишь один том, в который вошли художественные произведения раннего славянофила [30]. В СССР были изданы поэтические и литературно-критические произведения Аксакова [31; 32, с. 30–249]. В постсоветское время, в течение двух десятилетий, вышли из печати еще четыре сборника трудов Аксакова [33; 34; 35, с. 115–326; 36].

В настоящее время, по информации А.П.Дмитриева, ученые-филологи из Петербурга под эгидой Пушкинского дома ведут кропотливую работу по подготовке к изданию нового собрания сочинений К.С.Аксакова. Первый том – том художественных произведений, подготовленный Е.И.Анненковой и М.Д.Кузьминой на основе издания 1915 г., но значительно дополненный (включены неиздававшиеся юношеские произведения, записные книжки, найденные в архивах стихотворения и их варианты), с текстами, заново выверенными по автографам, уже в скором времени будет доступен читателям.

Самой большой работой о К.С.Аксакове на русском языке до сих пор остается книга дореволюционного исследователя С.А.Венгерова [37], среди англоязычных изданий выделяется труд, опубликованный в 1982 г. [38]. Много внимания жизни, творчеству и наследию К.С.Аксакова уделено в публикациях Н.И.Цимбаева [12; 19 и др.], Е.И.Анненковой [3; 18; 39 и др.], В.А.Кошелева [4; 31 и др.], А.Д.Каплина [34; 42]. За два последних десятилетия защищены четыре диссертации, посвященные К.С.Аксакову, три из которых опубликованы в виде монографий [40; 41; 43; 44], подготовлено учебное пособие [45]. Также важное значение имеют вступительные статьи к сборникам К.С.Аксакова и статьи биобиблиографического характера в разнообразных научных словарях и энциклопедиях [13; 46; 47].

Завершим наш обзор цитатой из речи И.С.Аксакова: «В них троих, Хомякове, Константине Аксакове и Самарине, явилось, сложилось и завершилось славянофильство – как личное дело, как отдельный стан в литературе и обществе, как особый период в нашей народной жизни, указавший и выработавший основы дальнейшего развития русской мысли» [48, с. 43].

Список использованных источников

1. Аксаков И.С. Очерк семейного быта Аксаковых // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1. Учебные и служебные годы. Т. I. Письма 1839–1848 гг. М., 1888. С. 11–24.

2. Аксаковы: семейная энциклопедия / редкол.: Каштанов С.М. (отв. ред.) и др. М. : РОССПЭН, 2015. 534 с.
3. Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб. : Наука, 1998. 365 с.
4. Кошелев В.А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск : Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. 380 с.
5. Кулешов А.С., Наумов О.Н. Аксаковы. Поколенная роспись. М. : Территория, 2009. 211 с.
6. Поддубная Р.П. Аксаковы. Страницы жизни. Самара : ООО «Офорт», 2016. 656 с.
7. Летопись жизни и творчества С.Т. Аксакова (1791–1859 гг.) / сост.: В.В. Борисова, Е.П. Никитина, Т.А. Терентьева. Уфа, 2011. 262 с. URL: [http:// aksakov.do.am/index/letopis/0-21](http://aksakov.do.am/index/letopis/0-21) (дата обращения: 10.01.2017).
8. Павлов Н.М. Детский сон К.С. Аксакова // Русский архив. 1888. № 3. С. 164.
9. Аксаков К.С. Воспоминания студентства: С прил. портр. К.С. Аксакова, неизд. стихотворения и отклика А.И. Герцена на его кончину. СПб. : Огни, 1911. 42 с.
10. Аксаков К.С. Олег под Константинополем: В стихах: Драм. пародия, с эпилогом в 3 д. СПб. : тип. П.А. Кулиша, 1858. [4], IV, [2], 96, [1] с.
11. Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». М. : тип. Н. Степанова, ценз. 1842. 19 с.
12. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 274 с.
13. Ширинянц А.А., Мырикова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М., 2010. С. 5–114.
14. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра Философского факультета Первого отделения. М. : тип. Н. Степанова, 1845. 517 с.
15. Аксаков К.С. Освобождение Москвы в 1612 году: Драма в 5 д. М. : тип. Н. Степанова, 1848. 212 с.
16. Аксаков К.С. Князь Луповицкий, или Приезд в деревню: Комедия в 2 д. с прологом. [Писано в 1851 г.]. М. : тип. Л. Степановой, 1856. 88 с.
17. Аксаков К.С. О русских глаголах. М. : тип. Л. Степановой, 1855. 47 с.
18. Анненкова Е.И. К.С. Аксаков в «Русской беседе» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб. : Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 84–99.
19. «Молва». Еженедельная литературная газета. М., 1857. № 1–38. 13 апр.–28 дек. (См.: Цимбаев Н.И. Газета «Молва» 1857 года (из истории славянофильской периодики) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1984. № 6).
20. Аксаков К.С. Учение славянофилов // Русский архив. 1890. № 11. С. 371–407.
21. Записка «О внутреннем состоянии России» К.С. Аксакова, представленная Государю Императору Александру II в 1855 году. Дополнение к Записке // Русь. 9 мая, № 26. С. 11–15; 16 мая, № 27. С. 17–20; 23 мая, № 28. С. 12–14.
22. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. Ч. 1. М. : тип. Л. Степановой, 1860. [4], XII, 176 с.
23. Мотин С.В. К.С. и И.С. Аксаковы и Общество любителей российской словесности при Московском университете // Аксаковский сборник. Вып. V. Уфа, 2008. С. 57–67.
24. Переписка Аксаковых с Н.С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. № 2–12.
25. Аксаков К.С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1861. VIII, 116 с. [Изд. и предисл. И.С. Аксакова].
26. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1. Сочинения исторические / изд. под ред. И.С. Аксакова. М.: тип. П. Бахметева, 1861. VIII, 632, II с. (2-е изд., доп. М.: Унив. тип., 1889. 652 с.).
27. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1. Сочинения филологические. М. : Унив. тип. (Катков и К°), 1875. XII, 661 с.
28. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 3. Ч. 2. Опыт русской грамматики. М. : тип. П. Бахметева, 1880. 709 с. разд. паг.

29. Аксаков К.С. Стихотворения / примеч. И.С. Аксакова. М.: Тип. «Об-ва распротр. полезных книг», 1909. 72 с.
30. Аксаков К.С. Сочинения Константина Сергеевича Аксакова / ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. Т. 1. Пг.: Огни, 1915. Т. 1. [2], 656 с.
31. Аксаков К.С. Стихотворения // Поэты кружка Н.В. Станкевича / сост. С.И. Машинский. М.; Л., 1964. С. 281–486.
32. Аксаков И.С., Аксаков К.С. Литературная критика / вступ. ст. и коммент. А.С. Курилова. М.: Современник, 1981. 383 с.
33. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. 525 с.
34. Аксаков К.С. Государство и народ / сост. и коммент. А.В. Белова, предисл. А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.
35. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 888 с.
36. Аксаков К.С. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич [сборник] / вступ. ст. и коммент. Е.Ю. Филькина. М.: Русский мир, 2014. 507 с.
37. Венгеров С.А. Собр. соч. : в 5 т. Т. 3. Передовой боец славянофильства: Константин Аксаков. СПб.: Прометей, 1912. 248 с.
38. Christoff P.K. K.S. Aksakov. A study in ideas. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1982. IX, 475 p.
39. Анненкова Е.И. К.С. Аксаков – фольклорист : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1975. 27 с.
40. Карушева М.Ю. Славянофильская драма: [Драматургия А.С. Хомякова и К.С. Аксакова]. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1995. 255 с.
41. Степанова Ю.А. Политическая концепция К.С. Аксакова. М.: Изд. Воробьев А.В., 2008. 136 с.
42. Каплин А.Д. Глава 4. «Пора домой!» – «Русским надо быть русскими...»: Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) // Славянофилы, их сподвижники и последователи / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 180–246.
43. Кунильский Д.А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 151 с.
44. Ожерельев К.А. Художественная картина мира в лирике К.С. Аксакова и И.С. Аксакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 22 с.
45. Русская социально-политическая мысль XI–начала XX века. К.С. Аксаков : учебное пособие / под общ. ред. А.А. Ширинянца; сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова. М.: Политическая мысль, 2011. 212 с.
46. Курилов А.С. Аксаков Константин Сергеевич // Русские писатели: Биобиблиографический словарь : в 2 т. / под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. Т. 1 (А–Л). С. 18–22.
47. Каплин А.Д. Аксаков Константин Сергеевич // Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 23–38.
48. <Речь И.С. Аксакова о Ю.Ф. Самарине, сказанная в заседании Московского славянского комитета 18 апреля 1876 г.> // В память Юрия Федоровича Самарина. 18 марта 1876 года. М.: В Университетской типографии, 1876. С. 39–44.

Мотин Сергей Витальевич, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Уфа; конт. инф.: motinsergey@mail.ru

УДК 342.564

Первый Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан

26 марта 2017 года видному государственному деятелю Республики Башкортостан, известному в России и за рубежом ученому-юристу, основателю Конституционного Суда Республики Башкортостан и первому его председателю Иреку Шарифовичу Муксинову исполнилось бы 85 лет.

К великому сожалению, в октябре 1999 года трагический случай оборвал жизнь Учителя с большой буквы, да и просто мудрого, доброго и порядочного человека, посвятившего всего себя делу торжества закона и развития правовой сферы республики.

Башкирская пословица гласит: «Жизнь дана на добрые дела». Ирек Шарифович всей своей жизнью полностью подтвердил верность этой народной мудрости.

Еще в школьные годы И.Ш.Муксинов решил связать свое будущее с юридической специальностью. Примером ему в этом служил отец, работавший в то время адвокатом в селе Янаул Башкирской АССР. По признанию самого Ирека Шарифовича, «отец очень любил свое дело». Не случайно после окончания с золотой медалью школы молодой человек вместе со своими одноклассниками поступил в самый престижный вуз страны – Московский государственный университет на юридический факультет.

Окончив учебу, И.Ш.Муксинов вернулся в Уфу и начал работу в аппарате Правительства республики. Здесь он получил первые навыки государственного управления на республиканском уровне. Это определило и выбор темы его кандидатской диссертации: «Совет Министров АССР – высший и распорядительный орган государственной власти автономной республики». С 1960 по 1962 годы он учился в аспирантуре юридического факультета МГУ и уже в 23 года был кандидатом юридических наук.

После этого Ирек Шарифович работал ученым секретарем Башкирского филиала Академии наук СССР. А когда в 1963 году филиал расформировали, молодого ученого перевели в Москву в Институт государства и права Академии наук СССР. Здесь он проработал более 30 лет. Именно в этот период стали выстраиваться в единую стройную концепцию научные взгляды Ирека Шарифовича о необходимости пересмотра существовавшей в тот период, по сути, фиктивной федеративной формы государственного устройства страны, об отказе от декоративной государственности бывших автономных республик и потребности существенного расширения их прав, о демократизации всех сторон жизни советского общества. Однако для их реализации тогда еще время не пришло.

И только в середине 80-х годов прошлого века, в связи с приходом на политический олимп его сокурсника М.С.Горбачева, сумевшего сломать, казалось бы,

незыблемую административно-командную систему и перевести вектор развития страны на общечеловеческие демократические ценности, впервые появились возможности для реализации идей Ирека Шарифовича.

В 1991 году он избирается членом Комитета конституционного надзора Союза ССР, а в 1993 году – депутатом Государственной Думы Российской Федерации первого созыва. Работая в высшем законодательном органе страны, Ирек Шарифович последовательно выступал за демократический путь развития страны, обновление федеративных отношений. Уже тогда, будучи в Москве, он поддерживал тесные контакты с руководством Башкортостана и вносил значительный вклад в разработку государственно-правовых основ нового статуса Республики Башкортостан.

Логичным завершением разносторонней политической деятельности И.Ш.Муксинова явилась работа в должности Председателя Конституционного Суда Республики Башкортостан, сформированного в 1996 году при его непосредственном участии.

То обстоятельство, что Республика Башкортостан стала одним из первых субъектов Российской Федерации, которые учредили свои органы конституционного контроля, всецело связано с именем Ирека Шарифовича, поскольку именно им впервые были определены концептуальные основы формирования и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов федерации. А подготовленный И.Ш.Муксиновым Закон Республики Башкортостан «О Конституционном Суде Республики Башкортостан» для многих регионов стал образцом при разработке аналогичных собственных законов.

Отвечая на вопрос, почему он принял предложение вступить в должность Председателя Конституционного Суда Башкортостана, Ирек Шарифович, в частности, сказал: «...сегодня мы имеем новую Конституцию Республики Башкортостан, принятую в 1993 году. Эта Конституция впервые самостоятельно разработана самой республикой. В ней удалось аккумулировать все те крупные изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни, которые произошли в нашей республике за последние годы. Скажу откровенно: есть, что защищать в этой Конституции».

Личный авторитет Ирека Шарифовича и его организаторские способности способствовали тому, что в Конституционном Суде Республики Башкортостан сложилась доверительная деловая творческая атмосфера и установились высокие требования к качеству выносимых судебных решений. Это и неудивительно, так как органы конституционного контроля, как известно, занимают особое место в структуре судебной власти, а их решения, в отличие от решений других судебных органов, обладают свойством окончательности. Новый институт судебной власти Республики Башкортостан стал эффективно действующим органом, стоящим на защите интересов государства, конституционных прав и свобод граждан.

Существенна также роль И.Ш.Муксинова в разработке основ конституционного строя республики, создании законодательной системы Башкортостана. Он принимал непосредственное участие в подготовке Декларации о государственном суверенитете республики, Федеративного договора от 31 марта 1992 года и Приложения к нему от Республики Башкортостан, Конституции Республики Башкортостан, двустороннего Договора Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 года «О разграничении предметов ведения и взаимном делегиро-

вании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан», а также целого ряда других важных политико-правовых актов.

Ирека Шарифовича многие помнят как трудолюбивого, душевного и скромного человека, мудрого наставника. Он относился к той когорте людей, которые свой накопленный годами опыт стремились передавать молодым. Под научным руководством профессора И.Ш.Муксинова кандидатами и докторами юридических наук стали более 20 его учеников. Он является автором около 250 научных работ, в том числе нескольких монографий.

За большой вклад в дело обновления Российской Федерации и становления самостоятельного Башкортостана Ирек Шарифович был удостоен почетных званий «Заслуженный юрист Российской Федерации», «Заслуженный юрист Республики Башкортостан», награжден Почетной грамотой Республики Башкортостан. Также удостоен ордена Социалистической Республики Вьетнам «За укрепление дружбы народов» и Золотой медали «За дружбу» Германской Демократической Республики. А уже после трагической гибели он был посмертно награжден медалью Ассамблеи народов России.

Учитывая выдающийся вклад И.Ш.Муксинова в становление и развитие государственности Республики Башкортостан был подписан Указ Президента Республики Башкортостан от 24 декабря 1999 года «Об увековечивании памяти Муксинова Ирека Шарифовича». Во исполнение данного Указа с 2000 года учреждены три стипендии им. И.Ш.Муксинова для лучших студентов Института права Башгосуниверситета; на доме, где жил Ирек Шарифович, установлена мемориальная доска; в Уфе появилась улица Муксинова; Янаульской гимназии, где когда-то учился Ирек Шарифович, присвоено его имя.

Как гласит другая башкирская пословица: «Время руками не остановишь», и вот за семнадцать лет, прошедших после гибели И.Ш.Муксинова, произошли серьезные изменения. Было принято много новых законов, пришли другие люди, появились иные государственные структуры, но самое главное заключается в том, что все эти перемены происходят на все том же государственно-правовом фундаменте, который был заложен при активном участии Ирека Шарифовича Муксинова.

Муратиин Фларит Рашитович, судья-секретарь Конституционного Суда Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, г. Уфа; конт. инф.: flaritmurat@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 394

Т.Ю.Капишева

Миноритарные тюркские народы России: кряшены Приволжско-Предуральяского региона (краткая история, проблемы социолингвистического изучения и этнокультурной ревитализации)

В статье концентрированно излагаются социолого-демографические сведения о происхождении и распространенности кряшенов-тюрков, принявших в прошлом христианскую религию православного толка, а также гендерно-локальные и культурологические характеристики данной этноконфессиональной общности на современном этапе. Общеизвестно, что крещение на Руси явилось прогрессивным явлением, сыгравшим важную роль в преодолении язычества и возвышении государственности.

Ключевые слова и фразы: демография, историография, конфессиональность, кряшены, ревитализация, этносоциология.

T.Yu.Kapisheva

Minority Turkic Peoples of Russia: Kryashens of the Volga and Pre-Ural Region (A Brief History, Problems of Sociolinguistic Study and Ethno-Cultural Revitalization)

The article deals with the sociological and demographic information on the origin and prevalence of Kryashen Turks, who in the past adopted the Orthodox Christian religion, as well as the gender-local and culturological characteristics of this ethno-confessional community at the present stage. It is confirmed that baptism of Rus was a progressive phenomenon that played an important role in overcoming paganism and elevating the statehood.

Key words and phrases: demography, historiography, confessionality, Kryashens, revitalization, ethnosociology.

Наука начинается с тех пор, как начинают измерять.

Точная наука немыслима без меры.

Д.И.Менделеев

Кряшены – тюркская народность, проживающая в обширном Приволжско-Предуральском регионе Российской Федерации. Начиная с XIV–XV веков они при-

Капишева Татьяна Юрьевна, доцент кафедры общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы, кандидат филологических наук, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: tanja415@yandex.ru

© Капишева Т.Ю., 2017

няли христианско-православную веру и впоследствии получили наименование «старокрещеных», в отличие от «новокрещеных» XVIII столетия. Большинство их постепенно обрусело, выступая в дальнейшем как часть русского этноса. Из их среды выдвинулись сотни именитых фамилий, сыгравших видную роль в политике, военном деле, науке, технике, искусстве, литературе и т. д. Таковы знатные родословные семей Годуновых и Романовых, Нарышкиных и Шереметьевых, Кутузовых и Суворовых, Мининых и Пожарских, Тимирязевых и Чаадаевых, Рахманиновых и Скрябиных, Аксаковых и Булгаковых, Державиных и Пушкиных, а также многих иных [1, с. 18].

Цель данной статьи – социолингвистическое исследование кряшен Приволжско-Предуральяского региона России. Для этого были поставлены следующие задачи: 1) изучить динамику численности и локально-гендерный состав кряшен; 2) классифицировать подразделения кряшенского наречия; 3) охарактеризовать современное состояние этнокультурной ревитализации кряшен.

С XIX века наметился обратный переход кряшен в мусульманство, захвативший около 40 % этноса. Тем не менее, в 1926 году Всесоюзная перепись населения учла 101 400 лиц кряшенской национальности [2, с. 265–266]. Их численность (по данным Всероссийской переписи 2010 г.) составила 34 822 человека, из которых 29 962 человека (86 %) постоянно проживали в Республике Татарстан, 3 801 человек (11 %) в Республике Башкортостан, а остальные 1 059 человек (3 %) на территориях других субъектов Российской Федерации [3, с. 29–141].

Дополнительные локально-гендерные характеристики кряшенского этноса выглядят следующим образом: мужчины составляют 47 % и женщины 53 %; примерно это же соотношение между горожанами и сельчанами – в городах проживает 46 % мужчин и 54 % женщин, на селе эта пропорция фиксируется как 48 % мужчин и 52 % женщин [4, с. 88].

Самоназвание кряшенов – *керашён, крәшён* – восходит к русскому *крещеный* ‘крестившийся, принявший обряд крещения и приобщившийся тем самым ко христианской вере’. Этимология базового слова *крест* толкуется как общеславянское заимствование из языков германских (немецкое *Kreuz* ‘крест’) и греческого (*Christus* ‘Христос, Помазанник’ – перевод с библейского *Мессия*). Другие производные от этой, но уже русской основы: *крестильное* (имя), *крестильный* (наряд), *крестины* ‘обряд крещения и домашнее празднество по поводу крещеного новорожденного’, *крестить(ся)* ‘обращать(ся) в христианство’, *крестник* ‘крестный сын’, *крестница* ‘крестная дочь’, *крестное знамение* ‘воспроизведение креста движением руки ото лба ко груди, правому и левому плечу’, *крестовые* (походы), *крестоносцы* ‘участники крестовых походов’, *крестьянин* ‘сельский житель’ (в современном значении – с XIV века), *крестный* ‘восприемник принявшего крещение’.

Сюда же относятся такие пейоративы, как *выкрест* ‘перешедший в православие из иной веры’, *нехрист* ‘нехристианин’ и прочие.

На вопрос «Ваша национальная принадлежность» в переписных листах 2010 года были получены от кряшенов следующие ответы (на русском языке):

1. Кряшены – от 27 192 человек (или, по нашим подсчетам в промилле, более 780 ‰). 2. Крещеные татары – от 6 737 человек (либо больше 193 ‰). 3. Кряшены-татары – от 384 человек (то есть 11 ‰). 4. Крещеные – от 261 человека (7,5 ‰).

5. Крещенцы – от 193 человек (свыше 5,5 %). 6. Крещены – от 48 человек (менее 1,38 %). 7. Кряшены-русские – от 7 человек (0,02 %) [5, с. 2911].

Остается не до конца исследованным этнотипологический статус кряшенской устной (разговорной) речи в дефинициях тюркологов-языковедов, этнологов, историков, а также региональных энциклопедистов.

Известный татарстанский археолог А.Х.Халиков полагал, что лингвистической основой общения перешедших в православие тюрков Золотой Орды и Казанского ханства были «булгаро-татарский и казанско-мишарский языки» [6, с. 3–31].

Опираясь на книгу Ю.Г.Мухаметшина «Татары-кряшены» [7, с. 7], автор энциклопедической статьи А.Ф.Галеев постулировал наличие пяти кряшенских говоров Среднего/Центрального диалекта татарского языка: Заказанского, Нижнекамского, Нагайбакского, Чистопольского и Молькеевского [8, с. 557].

Коллективный двухтомник казанских языковедов «Татарские народные говоры» выявляет группу (триаду) уже упомянутых трех кряшенских говоров в составе Заказанского, Нижнекамского и Нагайбакского, а также двух говоров: Чистопольского и Кайбыцкого/Подберезьенского или Нагорной стороны, относящихся уже к Мишарскому/Западному диалекту татарского языка [9, с. 87–140; 10, с. 109–123].

Что касается территории Башкирии, то здесь определен Бакалинский подговор Нижнекамского говора Среднего диалекта татарского языка. Кряшены Бакалинского района республики живут преимущественно в шести селах: Бузюрово, Новоиликово, Новые Балыклы, Новые Маты, Старый Азмей и Утарово, а также в селе Базгеево Шаранского района Башкортостана (по данным 2008 г.).

Несомненный научно-дидактический интерес представляет кодификация устной речи жителей села Старые Шарашли Бакалинского района, где большинство обитателей составляют кряшены [11, с. 88]. Скорее всего, тут имеют место бытования кряшенских идиолектов (индивидуальных речевых подсистем), в совокупности образующих понятие региолекта [12, с. 79] либо этнолекта [13, с. 120] одной из кыпчакско-тюркских языковых общностей [14, с. 49–60]. Ближе всего с ними соотносятся поволжские языки (башкирский и татарский), а также караимский и крымскотатарский (с крымчакским наречием).

Обращают на себя внимание факты удвоения числа жителей-кряшенов в городе Октябрьском за время с 2000 по 2007 годы, а равно появление лиц кряшенской национальности в Туймазинском районе, ранее там полностью отсутствовавших [15, с. 37, с. 105].

В перечне языков владения по Республике Башкортостан приведены «крещенский» и «кряшенский» – как синонимы к татарскому языку с его 20-ю номинированными вариантами [16, с. 54].

Владение русским языком у кряшенов достигает 96 %, что является одним из самых высоких показателей в России, – при заметном перевесе в пользу горожан (99 %) против 93 % у сельчан [17, с. 88].

Обособленно среди всех кряшенов воспринимаются нагайбаки, представленные в Южном Зауралье, то есть уже в Азии, а конкретно в селеньях Астафьевка, Кассель, Остроленко, Париж (!), Третьий и Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области, а также в Болотово, Варламе, Ключевской, Краснокаменке и Попово Чебаркульского района того же федерального субъекта. Название муниципального района восходит к лимнониму *Чибәр күл* 'Красивое озеро', которое

15 февраля 2013 года приковало к себе внимание всех землян из-за падения метеорита именно в этот водоем.

Экзотизм же части комонимов живо напоминает об участии казацко-нагайбакских отрядов в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе российской армии в 1813–1814 годах.

Местная речь иногда классифицируется как «нагайбаков язык» [18, с. 116]. Отдельно от татар и других тюрков во Всероссийской переписи 2010 года учитывалась и нагайбачская национальность в количестве 8 148 человек, которые представлены в Красной книге миноритарных народов России, причем одним из основных критериев включения в число исчезающих этносов выступает малочисленность последних – не более 50 тысяч человек. В то же время сюда не попали кряшены (менее 35 тысяч человек), сибирские татары (6 779 человек) и астраханские алабугатцы (всего 7 человек, из коих лишь один индивид посчитал себя владеющим своим национально-родным языком). Очевидно, на этом обстоятельстве сказалась и территориальная удаленность нагайбаков от «материнского» этноса, и влияние разноречного окружения [19, с. 33].

Заметим попутно, что башкировед Р.З.Шакуров связывал происхождение нагайбаков с близкородственными им бакалинскими кряшенами, называя последних «кряшенами-башкирами» на том основании, что в 1736 году «был построен на Икү реке городок, называемый Нагайбацкая крепость» бывшего Белебеевского уезда Уфимской губернии, где были поселены новокрещенцы-башкиры и другие «азиатцы» (бухарцы, каракалпаки, персы и арабы), вышедшие из казахского плена. В 1842 году все жители крепости были переселены в Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии, где обосновались в одном из селений, каковое стало называться Нагайбак [20, с. 119–126].

Из специфически культурных влияний на кряшенов со стороны соседствующих народов (и прежде всего русского) выделим благозвучно-инструментальный фольклор и его наиболее распространенный жанр – игру на гусях (!) среди бакалинцев, а также хоровое пение у нагайбаков – в отличие от сольных песен у татар-мусульман [21, с. 364].

Одним из самых плодovitых татарских и башкирских композиторов, автором ряда национальных балетов, опер, симфоний, а также множества до сих пор популярных песен был Александр Сергеевич Ключарев, заслуженный деятель искусств России и народный артист Татарстана (1906–1972). Он известен и как руководитель научных фольклорно-музыкальных экспедиций, в ходе которых записал свыше 200 тюркских мелодий и нотировал их [22, с. 428].

На рубеже XX–XXI веков обозначился тренд к росту кряшенского самосознания: в райцентре Бакалы Республики Башкортостан открыт национально-культурный центр кряшен (1998 год), а в сопредельном Татарстане создано «Этнографическое культурно-просветительское объединение кряшен».

Имя башкирско-кряшенского драматурга Нажиба [Николая Васильевича] Асанбаева обрело зарубежную известность благодаря успеху его пьесы «Кызыл паша» 'Красный паша' на Международном фестивале театров мусульманских стран в Дамаске (Сирия, 1986 год).

Отчетливо начала проявляться тенденция к ревитализации (от латинского *reviresco* 'снова зеленеть, молодеть, расцветать; обновляться') даже у наиболее обрусевших нагайбаков.

Едва ли не самым ярким доказательством позитивного воздействия православия в сфере общей культуры на поступательное развитие народной духовности и расширения мировоззренческого кругозора выступила система наречения христианами именами собственными многих поколений кряшенского населения России. Через именованья в основном библейского и греко-римского происхождения кряшены вошли в обширную индоевропейско-евразийскую лингвокультурную семью, приобщившись тем самым к субъектам международной и мировой значимости.

Теперь становится общепризнанным, что крещение на Руси явилось прогрессивным явлением планетарного порядка, сыгравшим определяющую роль в преодолении язычества и возвышения государственности.

Следует оговориться, что кряшены – не единственные тюрки в России, связавшие свою судьбу с христианизацией. Отчасти сходный исторически духовный путь прошли и такие большие и малые тюркские народы, как чуваша, якуты, горно-алтайцы, хакасы, шорцы, долганы и некоторые иные, сохранившие, правда, и элементы традиционного шаманизма.

Что до башкир, то с открытием в 1788 году по указу императрицы Екатерины II Уфимского духовного магометанского закона собрания (ныне Центральное Духовное управление мусульман России – ЦДУМ, при котором действует Российский исламский университет) среди просветительской части населения усилился интерес к русской культуре и к русскому языку.

Так, башкирский ученый М.И. Уметбаев (1841–1907 годы) перевел в 1901 году на родной язык 4 произведения А.С. Пушкина, включая знаменитый «Бахчисарайский фонтан»; был членом Комитета по празднованию 100-летия великого русского поэта, за что был удостоен ордена, двух серебряных и бронзовой медалей.

Выходец из башкир, казанский врач Мстислав Александрович [Мухаметхан Сахипгареевич] Кулаев (1873–1959) разработал оригинальную азбуку для башкир на основе кириллицы с добавлением греческих букв, отметив при этом трудность в освоении башкирами 11 русских звуков (ударных *ó* и *é*; редуцированных *и³*, *ь*, *ь*; мягких и твердых согласных) и, напротив, непривычность русских учащихся артикулировать 12 специфических фонем: башкирские сверхкраткие гласные, интердентальные консонанты типа английских *з* и *с*, гортанное *h* и т. д.

В годы революции и гражданской войны Кулаев вошел в состав Башкирского правительства, а затем возглавил его, подписав 29 марта 1919 года известное «Соглашение центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии» вместе с В.И. Лениным, И.В. Сталиным и другими руководящими деятелями.

В годы военных лихолетий и суровых испытаний народы нашей страны, представляя разные нации и вероисповедания, помогали друг другу в борьбе с многочисленными напастями. Так, в Крымской («Восточной») войне 1853–1856 годов, когда России противостояла очередная коалиция из четырех стран: Великобритании, Сардинии, Турции и Франции, на помощь Причерноморью прибыло 6 полков: 2 башкирских, 2 из уральских казаков, сводный Оренбургский и пехотный Бутырский, причем половина из них участвовала в обороне Севастополя 1854–1855-х го-

дов, за что была награждена медалями «В память Восточной войны 1853–1856 годов», а в пользу государственного подвижного ополчения в Башкирии и Оренбуржье было собрано 65 тысяч рублей серебром.

Во время Великой Отечественной войны в Уфе с 1941 по 1945 годы было дислоцировано Севастопольское Краснознаменное училище зенитной артиллерии (СКУЗА), семь выпусков которого дали действующей армии 5 454 боевых офицера; один из них – ветеран Леопольд Владимирович Левитин – стал впоследствии директором Русского государственного академического драматического театра, привлечшим на гастроли в Уфу столичных знаменитостей М.Жарова, В.Меркурьева, Е.Самойлова, О.Стриженова и других.

Благодарную память и чувство локтя хранят названия уфимских улиц: Адмирала Ушакова, Айвазовского, Крымская, Маршала Толбухина, Перекопская, Севастопольская, Флотская и другие (кстати, в 2016 году Уфа заняла II место по благоустройству среди мегаполисов-миллионников России).

В данной статье поставлена лишь часть вопросов по кряшено-миноритарной проблематике. Выявленные авторами артефакты и предварительно обобщенный аналитический материал позволяет продолжить и углубить начатое исследование, особенно на основе инновационного структурирования широкого круга оригинальных кряшенских имен собственных, которые представляют собой причудливо измененные (порой в духе народной фантазии) варианты русско-православных номинаций.

С этой целью нами подготовлена специальная работа, которая прошла ряд обсуждений с участием довольно широкого круга гуманитариев разных направлений (лингвистов, историков, этносоциологов, педагогов), а также реальных носителей разговорной кряшенской речи. Там же содержатся и сопоставительные данные по другим регионам страны, в том числе и по Крыму, где после 2014 года произошли эпохальные преобразования во всех сферах жизнедеятельности, включая законодательно-языковую и духовно-культурную картину мира [23, с. 1–5].

Список использованных источников

1. Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю., Попова Е.В. Бакалинский этнолект кряшенов Башкортостана (краткий социолингвистический экскурс) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Уфа, 2016. С. 17–19.
2. Исхаков Д.М. Кряшены // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000. 928 с.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.08.2016).
4. Социально-демографический портрет России. М. : Статистика России, 2012. 106 с.
5. Приложение 1. Варианты ответов населения Российской Федерации на вопрос «Ваша национальная принадлежность» // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Методические пояснения. М., 2016. С. 2907–2917.
6. Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. 192 с.
7. Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографические исследования материальной культуры (середина XIX–начало XX века). М. : Наука, 1977. 184 с.
8. Галеев А.Х. Кряшены // Башкирская энциклопедия. Уфа, 2007. Т. 3. 672 с.
9. Татар халык сөйләшләре. Ике китапта. Казан : Мәгариф, 2000. Беренче китап. 422 бит.

10. Татар халык сөйләшләре. Ике китапта. Казан : Мәгариф, 2000. Икенче китап. 496 бит.
11. Старые Шарашли // Башкирская энциклопедия. Уфа, 2010. Т. 6. 554 с.
12. Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю. Региолект бакалинских крышенов Республики Башкортостан // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2010. С. 79–82.
13. Капишева Т.Ю., Гарипов Т.М., Попова Е.В. К вопросу о лексико-семантической системе понятий в бакалинском этнолекте Республики Башкортостан // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Уфа, 2015. С. 120–122.
14. Гарипов Т.М. Кипчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М. : Наука, 1979. 304 с.
15. Янгузин Р.З. Этнический состав населения Башкортостана. Уфа : Китап, 2007. 124 с.
16. Распространенность владения языками по Республике Башкортостан // Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года : статистический сборник. Уфа, 2013. Ч. II. С. 44–57.
17. Распределение населения по национальности и владению русским языком // Социально-демографический портрет России. М. : Статистика России, 2012. С. 86–89.
18. Агеева Р.А., Насилов Д.М. Нагайбаков язык // Языки народов России. Красная книга. М. : Academia, 2002. С. 116–118.
19. Токарева А. 10 малочисленных народов России // Огонек. 2013. № 34. 56 с.
20. Шакуров Р.З. Нагайбак: антропоним – топоним – этноним // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. 202 с.
21. Исаков Д.М. Нагайбаки // Народы и религии мира : энциклопедия. М., 2000. 928 с.
22. Ихтисамов Х.С. Ключарев А.С. // Башкирская энциклопедия. Уфа, 2007. Т. 3. 672 с.
23. Перепись_населения_в_Крымском_федеральном_округе_(2014). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.08.2016).

УДК 94

Российская Революция 1917 года в истории Башкортостана

*«Народ, не знающий своего прошлого,
не имеет будущего»
М.В.Ломоносов*

В Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ) 15 марта 2017 года была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Российская Революция 1917 года в истории Башкортостана». Инициативу Академии ВЭГУ о проведении этой конференции поддержали и выступили соорганизаторами Институт развития образования Республики Башкортостан и Региональное отделение Академии военных наук Российской Федерации по Республике Башкортостан.

Данная конференция – далеко не единственное научное мероприятие, посвященное юбилейным датам Отечественной истории, которое было проведено этим составом организаторов. Дело в том, что историческое просвещение населения и патриотическое воспитание молодого поколения составляют приоритетные направления работы этих двух образовательных организаций и общественного научного

сообщества. К тому же ряд ведущих ученых Академии ВЭГУ и Института развития образования Республики Башкортостан являются членами Академии военных наук и активно работают в ее региональном отделении.

На открытии конференции с приветственным словом выступил первый проректор Академии ВЭГУ кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук РФ С.Г.Масалимов, подчеркнувший актуальность темы конференции и большую социальную значимость работы по ее изучению и пропаганде новых исторических данных.

На пленарном заседании состоялись выступления с докладами доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной и зарубежной истории, директора научно-образовательного центра «Культурно-историческое наследие» Южно-Уральского государственного университета И.В.Нарского (г. Челябинск) «Октябрьская революция 1917 года в советской и российской коллективной памяти»; доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН М.И.Родного «Революция 1917 года и продовольственный вопрос»; кандидата исторических наук, доцента, члена-корреспондента Академии военных наук РФ, заведующей кафедрой теории и истории государства и права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе РБ Р.А.Федько «Октябрь 1917 года. К вопросу об историографии проблемы»; доктора исторических наук, профессора, действительного члена Академии военных наук РФ, руководителя научного отделения «История» Академии военных наук РФ Д.Н.Филипповых (г. Москва) «Отражение истории Первой мировой войны, Революции 1917 года и Гражданской войны в трудах ученых Академии военных наук России»; кандидата исторических наук, заведующего отделом истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН М.Н.Фархшатова «Восприятие населением Южного Урала революционных событий 1917 года»; доктора юридических наук, профессора, начальника Управления по работе с личным составом МВД по Республике Башкортостан С.М.Емелина «Историко-правовые основы и региональные особенности становления российской милиции в ходе революционных событий 1917 года и Гражданской войны»; кандидата исторических наук, доцента, члена-корреспондента Академии военных наук РФ, ученого секретаря Регионального отделения Академии военных наук РФ по Республике Башкортостан Г.В.Мордвинцева «Уфимский губернский революционный комитет (1917–1918 гг.).

Профессор И.В.Нарский
(г. Челябинск)

Корифеи исторической науки Республики Башкортостан

В рамках конференции была организована работа 6 секций: «Революция и государство: власть, право и общество в России и регионах», «Революция и армия, проблемы войны и мира», «Аграрный и рабочий вопросы в России и Башкирии», «Революция, образование и культура в Башкирии», «Этноконфессиональные процессы и отношения в России и Башкортостане», «Отражение истории Революции 1917 года в учебно-воспитательном процессе».

Работа последней секции, в которой специалисты-ученые работали с учителями школ республики, включала 3 заседания, два из которых – 9 и 15 февраля – были проведены на базе Института развития образования РБ, а третье – 15 марта – в Академии ВЭГУ. В работе этого заседания секции участвовало более 50 учителей общеобразовательных школ из Октябрьского района г. Уфы, Кармаскалинского и Туймазинского муниципальных районов Республики Башкортостан.

Секция учителей истории и обществознания Республики Башкортостан

Прошедший научный форум в целом характеризовался многоаспектностью рассмотрения обсуждаемой проблемы. Это и правовая, и военная, и промышленная, и образовательно-культурная, и этноконфессиональная стороны общественной жизни России и Республики Башкортостан, подвергшиеся изменениям в результате революции 1917 года. Акцент делался на послереволюционном развитии региона в широких хронологических рамках.

Актуальность обсуждавшегося на конференции круга вопросов трудно переоценить. Ни для кого не секрет, что за последние десятилетия было высказано немало новых и нередко противоречивых оценок событий вековой давности, причем далеко не все они основывались на реальных фактах, архивных материалах. В результате многие события и персоналии получили иную интерпретацию, опирающуюся не на конкретно-исторический подход, а в большей степени на эмоциональный момент, на вневременную парадигму анализа исторических процессов. Поэтому одной из важнейших целей конференции стало стремление внести методологическую ясность в понимание прошлого.

И в этом контексте можно считать примечательным факт сотрудничества научного сообщества с Институтом развития образования РБ. Примечательным в том отношении, что это сотрудничество позволяет малоизвестным фактам стать достоянием широкой педагогической общественности. Данная конференция – одна из многочисленных форм такого сотрудничества.

Тесное взаимодействие педагогических работников с ведущими учеными Российской Федерации позволяет расширить горизонты исторического видения, систематизировать полученные новые представления, выстроить объективную систему констант, позволяющих самостоятельно ориентироваться в событиях прошлого и настоящего, а главное – донести объективное историческое знание до молодежи.

Ценность подобных научных мероприятий очевидна, поскольку без диалога между носителями разных точек зрения невозможно воссоздать объективную панораму революционных событий 1917 года, приведших к ним причин и повлекших за собой столь значительные преобразования в жизни российского государства и других стран и народов.

Трегубов Андрей Николаевич, доцент кафедры педагогики и филологии Института психологии и социально-культурной работы Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), старший инспектор научного управления Академии ВЭГУ, кандидат филологических наук, доцент, г. Уфа; конт. инф.: tregubowan@mail.ru

Наши научные результаты

Редколлегия и редакция научного журнала «Вестник ВЭГУ» поздравляет преподавателей Академии ВЭГУ, добившихся успехов в научно-исследовательской работе:

Самигуллина Венира Калимулловича (Юридический институт Академии ВЭГУ), победителя V Международного конкурса учебно-методической, учебной и научной литературы, изданной в 2015–2016 гг., «Золотой корифей». Монография профессора Самигуллина В.К. «Восток: мозаика правовых традиций» (Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). Уфа, 2016. 180 с.) заняла второе место в номинации «Юридические науки», а автор награжден памятной медалью лауреата. В конкурсе, проходившем с 23 июля по 23 ноября 2016 г., приняли участие 115 авторов и авторских коллективов из России и Казахстана. Организатор конкурса – Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество», г. Ростов-на-Дону.

Столь Анну Викторовну (Институт экономики, информатики и управления Академии ВЭГУ), награжденную дипломом Всероссийского конкурса на лучшую выпускную квалификационную работу по финансово-экономической тематике «Золотой резерв России – 2016» (г. Москва) за научное руководство и высокий уровень подготовки студентов.

Конкурс охватывал 16 наиболее актуальных направлений финансово-экономического профиля: рынок страховых услуг, рынок аудиторских и бухгалтерских услуг, банковский сектор, рынок ценных бумаг, рынок микрофинансирования и т. д. Жюри конкурса в качестве лучших отметило работы Авдониной А.В., Аюповой Ф.А., Ганиевой И.Х., Зигануровой А.А. и Зорина И.Ю.

Организатором конкурса стал Молодежный центр изучения финансовых операций (МЦФО) – региональная молодежная общественная организация, созданная для получения молодыми специалистами практических навыков работы в области экономики и финансов.

Шайхуллина Марата Селировича (Юридический институт Академии ВЭГУ), лауреата Международного конкурса «Лучшая научная книга» (2016 г.) в номинации «Лучшие изданные учебники, монографии, учебные пособия» за работу «Конституционно-правовые гарантии местного самоуправления в РФ».

Конкурс проводился Удмуртским региональным отделением ООО «Ассоциация юристов России» (г. Ижевск).

ИНФОРМАЦИЯ АВТОРАМ

В научном журнале «Вестник ВЭГУ» публикуются статьи как известных ученых и специалистов-практиков, так и молодых исследователей, аспирантов и докторантов.

Рукописи статей с присвоенным индексом УДК принимаются в электронном виде (возможно и представление идентичного печатного варианта) на электронный адрес редакции: vestnik@vegu.ru.

Статья предваряется аннотацией, отражающей основную идею статьи (50 слов), и списком ключевых слов и выражений (5–7) на русском языке. Аннотация и ключевые слова размещаются перед основным текстом после заглавия статьи.

Рекомендуемый объем научной статьи: докторам наук – от 16 до 20 страниц, кандидатам наук и докторантам – 10–16 страниц, аспирантам – 8–10 страниц.

К рукописи статьи прикладывается рецензия, подписанная доктором наук, специалистом по научному направлению статьи, заверенная печатью по месту работы рецензента. Для авторов, не имеющих ученой степени, обязательно наличие двух рецензий, одна из которых (внешняя) – от доктора наук. Аспиранты также могут предоставить рецензию, подписанную научным руководителем и заверенную по месту его работы.

В сведениях об авторе обязательно указываются фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, почетные звания российского и международного уровней; должность и место работы с расшифровкой аббревиатур; контактный телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес (для отправки авторского экземпляра журнала).

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят обязательное рецензирование. Отклоненные работы не возвращаются.

Технические требования к набору рукописи:

- шрифт Times New Roman, 14 pt;
- поля (сверху, снизу, слева, справа) – 2 см;
- отступ автоматический: для заголовка – нет, для текста – 1,27 см;
- межстрочный интервал – 1,5 (полуторный);
- рисунки и фотографии должны быть вставлены в текст, а в электронном виде представлены отдельными файлами в формате jpeg;
- пробелы везде одинаковые (между инициалами и фамилией пробелов нет).

В конце статьи помещается **Список использованных источников** на русском языке, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5-2008.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается
(необходимо предоставить справку из отдела аспирантуры)

Подробные требования к оформлению рукописей статей представлены на сайте
www.vestnik.vegu.ru

Телефон редакции: 8(347)241-55-56

Федеральное государственное унитарное предприятие "Почта России" Ф СП - 1 Бланк заказа периодических изданий																									
АБОНЕМЕНТ На газету журнал 81410 (индекс издания)																									
Вестник ВЭГУ (наименование издания) Количество комплектов																									
На 20 ____ год по месяцам																									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12														
Куда (почтовый индекс) (адрес)																									
Кому																									
Линия отреза																									
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА 81410 (индекс издания)																									
На газету журнал Вестник ВЭГУ (наименование издания)																									
<table><tr><td rowspan="3">Стои- мость</td><td>подписки</td><td>руб.</td><td rowspan="3">Количество комплектов</td></tr><tr><td>каталож- ная</td><td>руб.</td></tr><tr><td>переадре- совки</td><td>руб.</td></tr></table>												Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов	каталож- ная	руб.	переадре- совки	руб.						
Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов																						
	каталож- ная	руб.																							
	переадре- совки	руб.																							
На 20 ____ год по месяцам																									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12														
<table><tr><td colspan="2">Город</td></tr><tr><td>село</td><td></td></tr><tr><td>почтовый индекс</td><td>область</td></tr><tr><td></td><td>Район</td></tr><tr><td>код улицы</td><td>улица</td></tr><tr><td>дом</td><td>корпус</td></tr><tr><td>квартира</td><td>Фамилия И.О.</td></tr></table>												Город		село		почтовый индекс	область		Район	код улицы	улица	дом	корпус	квартира	Фамилия И.О.
Город																									
село																									
почтовый индекс	область																								
	Район																								
код улицы	улица																								
дом	корпус																								
квартира	Фамилия И.О.																								